

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей журнала отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Издание включено в Перечень ВАК РФ по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписка на журнал
«Вестник Пермского университета.
Философия. Психология. Социология»
осуществляется через подписное
агентство «Урал Пресс».
Подписной индекс — 41011

Адрес редакционной коллегии
614990, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Александр Юрьевич Внутских (докт. филос. наук, доцент, чл.-кор. РАЕ, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Заместитель главного редактора
Александра Юрьевна Бергфельд (канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

ФИЛОСОФИЯ

Наталья Ириковна Береснева (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Владимир Николаевич Железняк (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь).

Лариса Павловна Кищенко (докт. филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Комаров (докт. филос. наук, доцент, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Лева Асканович Мусаев (докт. филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Сергей Анатольевич Никольский (докт. филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Орлов (докт. филос. наук, профессор, профессор секции философии кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург).

Александр Владимирович Перцев (докт. филос. наук, профессор, акад. РАЕН, профессор кафедры истории философии и философии образования, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (докт. психол. наук, профессор, акад. РАО, декан факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва).

Виктор Дмитриевич Бабин (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Елена Васильевна Левченко (докт. психол. наук, независимый исследователь, Пермь).

Наталья Анатольевна Логинова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Ирина Анатольевна Мироненко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Людмила Александровна Мосунова (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой издательского дела и редактирования, Вятский государственный гуманитарный университет, Киров).

Александр Октябринович Прохоров (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии, Казанский государственный педагогический университет, Казань).

Елена Евгеньевна Сапогова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии образования, Московский педагогический государственный университет, Москва).

СОЦИОЛОГИЯ

Ольга Ивановна Бородкина (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Зинаида Петровна Захарова (докт. социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Евгения Анатольевна Козай (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой социологии, Курский государственный университет, Курск).

Наталья Александровна Лебедева-Несевера (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зав. лабораторией методов анализа социальных рисков, Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермь).

Елена Леонидовна Омельченко (докт. социол. наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, профессор Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал), Санкт-Петербург).

Сергей Александрович Судбин (докт. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широков (докт. филос. наук, профессор, акад. НАН Беларуси, Минск, Беларусь),

Александр Алексеевич Строканов (докт. наук, профессор Департамента криминальной юстиции, истории и глобальных исследований, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта—Линдона, Линдонвилл, Вермонт, США).

Дёрдь Сарвари (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Будапешт, Венгрия).

Джорджо Де Маркис (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Мадрид, Испания).

Стивен Д. МакДауэлл (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Майкл Э. Рьюз (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Пол Эйткен (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Голд-Кост, Квинсленд, Австралия).

*Founder: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State University»*

The scientific journal
has been published
by the Perm State University
since 2010

Subjects of articles of the journal reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*The periodical is included
in the List of the Higher Attestation
Commission of the Russian Federation
in the following scientific specialties,
for which the articles are received:*

- 5.7.1 Ontology and theory of knowledge
- 5.7.2 History of philosophy
- 5.7.7 Social and Political philosophy
- 5.7.8 Philosophical anthropology,
philosophy of culture
- 5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology
- 5.4.1 Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.4 Social structure, social institutions and processes
- 5.4.7 Sociology of management

The periodical is registered
in the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor).
The Mass Media Registration Certificate
ПМ № ФС77-66481, July 14, 2016.

Subscription to the journal
«Perm University Herald.
Philosophy. Psychology. Sociology»
is carried out through an agency «Ural Press».
Subscription index — 41011

Address of Editorial Board
Perm State University,
Bukirev st., build. 15, Perm,
Perm Krai, Russia, 614990.
Tel. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

© Perm State University, 2023

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnutskikh (Doctor of Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm).

PHILOSOPHY

Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Culturology and Social and Humanitarian Technologies, Perm State University, Perm),

Vladimir N. Zheleznyak (Doctor of Philosophy, Head the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),

Larisa P. Kiyashchenko (Doctor of Philosophy, Leading Researcher of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Leva A. Musaelyan (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Sergey A. Nickolsky (Doctor of Philosophy, Chief Researcher - Head of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Orlov (Doctor of Philosophy, Professor of the Section of Philosophy of the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg),

Alexander V. Pertsev (Doctor of Philosophy, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of History of Philosophy and Philosophy of Education, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg).

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Doctor of Psychology, Academician of Russian Academy of Education, Professor, Dean of Psychology Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow),

Viktor D. Balin (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Elena V. Levchenko (Doctor of Psychology, independent researcher, Perm),

Natalya A. Loginova (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Developmental Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Irina A. Mironenko (Doctor of Psychology, Professor of the of the Department of Personality Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Lyudmila A. Mosunova (Doctor of Psychology, Head of the Department of Publishing and Editing, Vyatka State University of Humanities, Kirov),

Alexander O. Prokhorov (Doctor of Psychology, Head of the Department of General Psychology, Kazan Federal University, Kazan),

Elena E. Sapogova (Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Educational Psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow).

SOCIOLOGY

Olga I. Borodkina (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Head of the Department of Social Work and Conflictology, Perm State University, Perm),

Evgeniya A. Kogay (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Sociology and Political Science, Kursk State University, Kursk),

Natalya A. Lebedeva-Nesevrya (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Perm State University, Head of Social Risk Analysis Laboratory, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, Perm),

Elena L. Omelchenko (Doctor of Sociology, Head of the Centre for Youth Studies, Head of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg),

Sergey A. Sudjin (Doctor of Sociology, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod).

EDITORIAL BOARD

Dmitriy I. Shirokanov (Doctor of Philosophy, Academician of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus),

Alexandre A. Strokanov (Ph.D., Professor of Department of Criminal Justice, History and Global Studies, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Northern Vermont University – Lyndon, Lyndonville, VT, USA),

Gyorgy Sarvari (Ph.D., Director of Bardo Consulting Organizational Development Office, Budapest, Hungary),

Georgio De Marchis (Ph.D., Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Complutense University of Madrid, Madrid, Spain),

Stefan D. McDowell (Ph.D., H. Phipps Professor of Communication, College of Communication and Information's Associate Dean for Academic Affairs, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Michael E. Ruse (Ph.D., Lucyle T. Werkmeister Professor, Director of the History and Philosophy of Science Program, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Paul Aitken (Ph.D., Adjunct Professor of the School of Business, Bond University, Gold Coast, QLD, Australia).

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ / PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. SOCIOLOGY

СВЕТ И ТЕНИ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

(Тематический выпуск)

LIGHT AND SHADOWS OF DIGITAL REALITY

(Special issue)

Свет и тени цифровой реальности: от редакции	321	Light and shadows of digital reality: from the editors
<i>Внутских А.Ю. (главный редактор)</i>		<i>Alexander Yu. Vnutskikh (editor-in-chief)</i>
Жильбер Симондон и Эвальд Ильенков о гуманизме и технократии	327	Gilbert Simondon and Evald Ilyenkov on humanism and technocracy
<i>Тимашов К.Н.</i>		<i>Konstantin N. Timashov</i>
Синхронное внедрение искусственного интеллекта и фармакологических когнитивных улучшений в образовании: социально-философский анализ	338	Synchronous implementation of artificial intelligence and pharmacological cognitive enhancements in education: a socio-philosophical analysis
<i>Федорова А.М.</i>		<i>Alexandra M. Fedorova</i>
Тревожные мысли философа по поводу особенностей современной общественной жизни и некоторых проблем образования в эпоху тотальной цифровизации	349	A philosopher's anxious reflections on modern social life and some problems of education in the era of total digitalization
<i>Мусаелян Л.А.</i>		<i>Lyeva A. Musayelyan</i>
Взаимосвязь эмоционального интеллекта и применения цифровых технологий: обзор современных исследований	365	The relationship between emotional intelligence and the use of digital technologies: a review of modern research
<i>Игнатова Е.С.</i>		<i>Ekaterina S. Ignatova</i>
Блазированность современного цифрового города	382	Blasé attitude and the modern digital city
<i>Прокофьева А.В., Сомхивили К.О.</i>		<i>Alyona V. Prokofyeva, Kristina O. Somkhishvili</i>
Виртуализация церкви: проблемы и перспективы	396	Virtualization of the church: problems and prospects
<i>Сироткин П.Ф.</i>		<i>Pavel F. Sirotkin</i>

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

Фикционализм, неустранимость и цикады: критика неустранимости математики и ее значение для онтологического статуса абстрактных объектов	404	Fictionalism, indispensability, cicadas: a fictionalist approach to the (in)dispensability of mathematics and the ontological status of abstract objects
<i>Бурьян В.В., Черкасов Г.В.</i>		<i>Veronika V. Burian, George V. Cherkasov</i>
Будущее религии как мировоззрения и социального института	414	The future of religion as a worldview and a social institution
<i>Суховерхов А.В., Исакова Н.В., Зацеляпин М.В.</i>		<i>Anton V. Sukhoverkhov, Natalya V. Isakova, Matvey V. Zatselyapin</i>

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

Социально-психологическая безопасность
как фактор субъективного благополучия
студентов с разным уровнем
самоэффективности
<i>Блинова Е.Е.</i> | 426 | Socio-psychological safety as a factor
of subjective well-being of students
with different levels of self-efficacy
<i>Olena Ye. Blynova</i> |
|---|-----|--|

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

Гендерное представительство
и политический потенциал женщин
в публичной политике
<i>Юшкина Н.А., Крыштановская О.В.</i>	443	Gender representation and political potential
of women in public policy
<i>Nadezhda A. Yushkina, Olga
V. Kryshtanovskaya</i>
Информация для авторов	457	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ**СВЕТ И ТЕНИ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ****(Тематический выпуск)**

УДК 111.7

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-321-326>

Поступила: 01.09.2023

Принята: 10.09.2023

Опубликована: 06.10.2023

СВЕТ И ТЕНИ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ОТ РЕДАКЦИИ***Внутских Александр Юрьевич*** (главный редактор)*Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)*

Устанавливается соотношение понятий информационные технологии, технологии искусственного интеллекта и цифровизация. Цифровизация рассматривается как неизбежная в смысле реализации возможности общественного развития в силу глубокой укорененности этой тенденции в развитии материального производства, а также в силу принятия цифровизации как безусловного блага и ключевого фактора конкурентоспособности во всех современных картинах мироустройства, включая альтернативные. Вместе с тем в условиях быстрого развития цифровой реальности в рамках ныне существующих социальных институтов человек все чаще сталкивается с растущей негарантированностью своего существования. Остается надеяться на то, что формы реализации тенденции цифровизации могут быть разными. Тенденция эта требует серьезного изучения и осознания соответствующих альтернатив в ходе научной дискуссии.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая реальность, человек, общество.

Для цитирования:

Внутских А.Ю. Свет и тени цифровой реальности: от редакции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 321–326. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-321-326>

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-321-326>

Received: 01.09.2023

Accepted: 10.09.2023

Published: 06.10.2023

LIGHT AND SHADOWS OF DIGITAL REALITY:**FROM THE EDITORS*****Alexander Yu. Vnutskikh*** (editor-in-chief)*Perm State University (Perm)*

The paper establishes the relationship between the concepts of information technologies, artificial intelligence, and digitalization. The author suggests that digitalization is an inevitable possibility of social development because it is deeply rooted in the development of material production and also because it is perceived as the public good and a key factor of competitiveness in all contemporary worldviews, including alternative ones. At the same time, people are increasingly faced with the growing insecurity of their existence due to rapid digitalization within the existing social institutions. We can only hope that the im-

plementation of the digitalization trend can take different forms. This trend requires serious study and an awareness of the relevant alternatives developed during scientific debate.

Keywords: digitalization, digital reality, human, society.

To cite:

Vnitskikh A.Yu. [Light and shadows of digital reality: from the editors]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 3, pp. 321–326 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-321-326>

В свое время М. Хайдеггер говорил о «необходимой, верной возможности» — той, реализация которой неизбежна [Хайдеггер М., 1997, с. 258]. Судя по всему, одной из таких возможностей для развития человечества в последние десятилетия стала тотальная цифровизация всех сфер общественной жизни, включившая в себя, с одной стороны, информационные технологии, а с другой, породившая высшее их проявление — технологии искусственного интеллекта (ИИ) и множество сопутствующих, до сих пор немыслимых технических, социальных и экономических явлений. Под цифровизацией мы понимаем совокупность процессов, связанных с прогрессом, развитием и внедрением цифровых технологий во все сферы деятельности человека и общества. Почему же эта возможность «необходима»?

Во-первых, появление этих технологий глубоко укоренено в фундаментальных тенденциях развития материального производства, человека и общества в целом. Еще в XIX в. К. Маркс отмечал, что проявляющееся на протяжении всей истории человечества и многократно ускорившееся и усилившееся в рамках капитализма разделение труда «все больше и больше превращает выполняемые рабочими операции в механические операции, так что на определенном этапе их место может занять механизм». В рамках функционирования крупной промышленности человек начинает относиться к процессу производства уже не как его «главный агент», а как его «контролер и регулировщик». Причем Маркс подчеркивал, что это имеет силу не только для системы машин, но и «для комбинации различных видов человеческой деятельности и для развития человеческого общения» [Маркс К., 1969, с. 213–214]. Разделение труда повышает эффективность производства. Поэтому не удивительно, что цифровизация существенным образом снижает из-

держки производителей товаров и услуг. Так, вице-премьер Дмитрий Чернышенко на недавнем выступлении отметил, что только в 2023 г. за счет внедрения технологий ИИ и соответствующего сокращения операционных расходов организаций в России экономический эффект достигнет 400 млрд. руб., а в 2025 г., возможно, составит 1 трлн. руб. [Чернышенко высказался об экономическом эффекте..., 2023].

Во-вторых, важным свидетельством того, что тенденция цифровизации относится к наиболее общим и потому неизбежным в смысле реализации возможностям развития общества, является то, что она рассматривается как один из ключевых факторов дальнейшего развития в рамках всех современных картин мироустройства, включая альтернативные современному «мэйнстриму» [Шваб К., 2021; Йоханнесбургская декларация – II..., 2023]. Цифровизация давно стала ключевым инструментом и показателем конкурентоспособности всех стран и регионов без исключения. Например, по итогам 2022 г. в международном рейтинге Всемирного банка «GovTech Maturity Index» в топ-10 стран с наибольшим уровнем внедрения цифровых технологий в сфере госуслуг, налоговой и бюджетной сферах, в образовании и здравоохранении вошли три из пяти стран БРИКС: Бразилия, Индия и Россия [Россия вошла в топ-10 стран-лидеров..., 2022].

Таким образом, цифровизация представляет собой объективный фактор. Однако, как и в случае с другим ключевым объективным фактором современности — глобализацией [Култыгин В.П., 2002], — *и концепции цифровизации, и формы ее реализации в действительности могут быть разными*. Пока приходится констатировать, что в условиях быстрого развития цифровой реальности в рамках ныне существующих социальных институтов «человек сталкивается с растущей негарантированно-

стью своего существования как биологического и социального существа» [Бодрунов С.Д., 2018, с. 377]. Разумеется, философия, как и конкретные гуманитарные и социальные науки, не могут оставаться безучастными к тенденциям, проблематизирующим сам объект их исследования. Тенденции эти требуют серьезного изучения и осознания возможных альтернативных форм их реализации в ходе научной дискуссии.

Одна из таких дискуссий была организована на базе философско-социологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета в марте 2023 г. в рамках Всероссийской конференции с международным участием «Свет и тени цифровой реальности». В конференции помимо представителей ПГНИУ приняли участие исследователи из Беларуси, университета ИТМО (г. Санкт-Петербург), Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск), Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ. Предлагаемый вниманию наших читателей специальный выпуск научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» представляет собой корпус текстов, созданных главным образом участниками этой конференции на основе их выступлений. О чем же пишут наши авторы?

В статье сотрудника НИУ-ВШЭ Санкт-Петербург К.Н. Тимашова констатируется, что столь разные философы XX в. как Э. Ильенков и Ж. Симондон независимо друг от друга пришли к выводу о необходимости специального изучения социокультурных аспектов интеграции техники в общество. Оба философа констатировали существенную дисгармонию в отношениях между культурой и техникой, возникновение которой они связывали с распространением технократического подхода. В качестве средства коррекции этой дисгармонии они видели устранение технократических мифов. Однако если советский философ-марксист Э. Ильенков настаивал в первую очередь на необходимости упразднения социальных препятствий на пути создания условий для освобождения и всестороннего развития человека, то Ж. Симондон выдвигал на первый план задачу интеграции техники в культуру на основе выявления имманентных законов ее развития, исходя из возможности пересмотра отношения

«человек–техника» вне трудовой парадигмы [Тимашов К.Н., 2023].

В статьях молодого московского исследователя А.М. Федоровой и известного пермского философа, профессора Л.А. Мусаеляна исследуются аспекты цифровизации сферы образования. А.М. Федорова ставит мысленный эксперимент, основой которого является гипотетическое синхронное внедрение в практику массового образования технологий ИИ и фармакологических когнитивных улучшений. Показано, что сами по себе эти технологии «автоматически» не несут негативных следствий. Однако существует риск того, что их встраивание в депersonализованную и формализованную образовательную среду массового образования усилит ориентацию на количественное измерение его эффективности, что приведет к искажению содержания, смысла образовательного процесса. Автор подчеркивает важность наличия правильной стратегии внедрения технологий ИИ и фармакологических когнитивных улучшений в образовании, и настаивает на необходимости возвращения гуманистически-смыслового подхода к его целям и задачам [Федорова А.М., 2023]. В свою очередь, Л.А. Мусаелян констатирует, что цифровизация образования расширила возможности обучающихся в выборе собственной образовательной траектории, усовершенствовала технологию организации и управления учебным процессом. Однако «цифра» равнодушна к содержанию. И если тотальное применение цифровых технологий в преподавании «человекоцентричных» дисциплин окажется оторванным от процесса формирования привлекательных для молодежи смыслов, ценностей и идеалов, то это ни к чему хорошему не приведет, особенно в условиях информационной войны. Следует помнить, что образование означает формирование человека как социального существа, определенного типа социального индивида, личности. И вопрос о технических средствах такого формирования, безусловно, важный, но далеко не единственно определяющий [Мусаелян А.А., 2023].

Психолог Е.С. Игнатова проводит обзор современных зарубежных и отечественных киберпсихологических исследований, посвященных изучению взаимосвязи эмоционального интеллекта и применения цифровых технологий. Показано, что взаимосвязь эта носит по-

ложительный характер для процесса обучения, общения, управления эмоциями и при построении терапевтических отношений. Вместе с тем выявлены риски негативного воздействия применения цифровых технологий при игровой деятельности и понимания эмоциональных сигналов в ходе использования эмодзи и смайлов [Игнатова Е.С., 2023].

В статье социологов А.В. Прокофьевой и К.О. Сомхишвили исследуется феномен блазированности (притупленности восприятия различия вещей по Г. Зиммелю) в крупных городах и в цифровой реальности, в т.ч. в рамках онлайн-коммуникации. Блазированность рассматривается как естественно появившийся защитный механизм, который позволяет ограждать от потока впечатлений и снизить уровень напряжения. При этом область впечатлений, требующих нервных затрат, сокращается, а деятельность автоматизируется. Вместе с тем показано, что жизнь в цифровой реальности, онлайн-взаимодействия, с одной стороны, расширяет возможности цифровых субъектов и участников коммуникации, но с другой, требует увеличения затрат внимания. В отдельных случаях они значительно размывают границу личного и публичного пространства [Прокофьева А.В., Сомхишвили К.О., 2023].

Социолог П.Ф. Сироткин изучает феномен виртуальной церкви. Показано, что появление сетевых ресурсов, создающих пространство для удовлетворения религиозных потребностей верующими пользователями, уже привело к появлению виртуальных храмов, виртуальных религиозных действий и виртуального участия верующих в данном процессе. Для части верующих это религиозное пространство становится единственной площадкой для выражения и реализации своих религиозных чувств и потребностей. При этом православные священники практически единодушно утверждают, что в виртуальном пространстве ценности спасения быть не может. Схожая позиция высказывается и частью католического священства и духовными лицами мусульман. Напротив, протестанты допускают возможность «виртуального спасения» и активно используют новое «окно возможностей» для расширения своего влияния. Автор предполагает, что в процессе дальнейшей трансформации религиозных практик часть религиозных структур, не сумевших адекватно адаптироваться к цифровой реальности, могут уступить место но-

вым массовым религиозным учениям, которые в своих практиках и ценностях будут более релевантны условиям и требованиям цифровой реальности [Сироткин П.Ф., 2023].

Таким образом, развитие цифровой реальности открывает новые возможности, но и создает новые риски. Причем это риски в том числе и экзистенциального характера. Говорят, что, если процесс невозможно прекратить, его можно возглавить. Способен ли современный человек в современных условиях действительно возглавить процесс цифровизации? Иными словами, возможна ли гуманистическая версия цифровизации, или солнце человечества необратимо движется к закату и потому «тени цифровой реальности» будут сгущаться и далее? Не будем забывать, что у Хайдеггера «не-обходимая» возможность — это возможность смерти... Во всяком случае, опыт проведения конференции и реализации спецвыпуска по столь актуальной проблематике свидетельствуют, что только дальнейшее исследование тенденций цифровизации и активная практическая деятельность людей, основанная на выверенном с помощью такого исследования целеполагании, может ответить на этот вопрос.

Список литературы

Бодрунов С.Д. К. Маркс. Четвертая технологическая революция. Ноономика (статья на основе доклада на международном форуме в МГУ им. М.В. Ломоносова 18 мая 2018 г.) // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 211, № 3. С. 367–389.

Игнатова Е.С. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и применения цифровых технологий: обзор современных исследований // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 365–381. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-365-381>

Йоханнесбургская декларация – П. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности, Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23 августа 2023 года / Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2023. 28 авг. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/ (дата обращения: 31.08.2023).

Култыгин В.П. Незападные концепции глобализации // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. 4, вып. 1–2. С. 80–103.

Маркс К. Экономические рукописи К. Маркса 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капи-

тала»). Ч. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 46, ч. 2. С. 3–521.

Мусаелян Л.А. Тревожные мысли философа по поводу особенностей современной общественной жизни и некоторых проблем образования в эпоху тотальной цифровизации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 349–364. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-349-364>

Прокофьева А.В., Сомхивили К.О. Блазированность современного цифрового города // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 382–395. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-382-395>

Россия вошла в топ-10 стран-лидеров в области цифровизации госуправления – Всемирный банк / D-russia.ru. 2022. 17 нояб. URL: <https://d-russia.ru/rossija-voshla-v-top-10-stran-liderov-v-oblasti-cifrovizacii-gosupravlenija-vsemirnyj-bank.html> (дата обращения: 30.07.2023).

Сироткин П.Ф. Виртуализация церкви: проблемы и перспективы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 396–403. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-396-403>

Тимашов К.Н. Жильбер Симондон и Эвальд Ильенков о гуманизме и технократии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 327–337. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-327-337>

Федорова А.М. Синхронное внедрение искусственного интеллекта и фармакологических когнитивных улучшений в образовании: социально-философский анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 338–348. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-338-348>

Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.

Чернышенко высказался об экономическом эффекте от применения ИИ // РИА Новости. 2023. 18 авг. URL: <https://ria.ru/20230818/intellekt-1890846276.html?ysclid=ln3zms7bcp65705412> (дата обращения: 31.08.2023).

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2021. 208 с.

References

Bodrunov, S.D. (2018). [K. Marx. The fourth technological Revolution]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Proceedings of

the Free Economic Society of Russia]. 2018. Vol. 211, no. 3, pp. 367–389.

Чернышенко высказался об экономическом эффекте от применения ИИ (2023) [Chernyshenko spoke about the economic effect from the use of AI]. RIA News, Aug. 18. Available at: <https://ria.ru/20230818/intellekt-1890846276.html?ysclid=ln3zms7bcp65705412> (accessed 31.08.2023).

Fedorova, A.M. (2023). [Synchronous implementation of artificial intelligence and pharmacological cognitive enhancements in education: a socio-philosophical analysis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 338–348. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-338-348>

Heidegger, M. (1997). *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow: Ad Marginem Publ., 452 p.

Ignatova, E.S. (2023). [The relationship between emotional intelligence and the use of digital technologies: a review of modern research]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 365–381. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-365-381>

Johannesburgskaya deklaraciya – II. BRICS i Afrika: partnerstvo v interesah sovmestnogo uskorenogo rosta, ustojchivogo razvitiya i inklyuzivnoj mnogostoronnosti, Sandton, Gauteng, YuAR, 23 avgusta 2023 g. [Johannesburg – II Declaration. BRICS and Africa: Partnership for Mutually Accelerated Growth, Sustainable Development and Inclusive Multilateralism Sandton, Gauteng, South Africa, August 23, 2023]. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Aug. 28. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/ (accessed 31.08.2023).

Kultygin, V.P. (2002). [Nonwestern conceptions of Globaliation]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. [Personality. Culture. Society]. Vol. 4, iss. 1–2, pp. 80–103.

Marx, K. (1969). [Grundrisse. Pt. 2]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol.46, pt. 2, pp. 3–521.

Musayelyan, L.A (2023). [A philosopher's anxious reflections on modern social life and some problems of education in the era of total digitalization]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia*. [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 349–364. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-349-364>

Prokofyeva, A.V., Somkhishvili, K.O. (2023). [Blasé attitude and the modern digital city]. *Vestnik*

Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 382–395. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-382-395>

Rossiya voshla v top-10 stran-liderov v oblasti cifrovizacii gosupravleniya – Vsemirnyj bank (2022) [Russia among top 10 leading countries in digitalization of public administration – World Bank]. D-russia.ru, Nov. 17 Available at: <https://d-russia.ru/rossija-voshla-v-top-10-stran-liderov-v-oblasti-cifrovizacii-gosupravlenija-vsemirnyj-bank.html> (accessed 30.07.2023).

Schwab, K. (2021). *Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya* [The Fourth Industrial Revolution]. Mos-

cow: Eksmo Publ., 208 p.

Sirotkin, P.F. (2023). [Virtualization of the church: problems and prospects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia*. [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 396–403. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-396-403>

Timashov, K.N. (2023). [Gilbert Simondon and Evald Ilyenkov on humanism and technocracy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 327–337. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-327-337>

Об авторе

Внутских Александр Юрьевич
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: avnut@inbox.ru
ResearcherID: R-3075-2017

About the author

Alexander Yu. Vnutskikh
Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: avnut@inbox.ru
ResearcherID: R-3075-2017

УДК 165.74

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-327-337>

Поступила: 01.08.2023

Принята: 26.08.2023

Опубликована: 06.10.2023

ЖИЛЬБЕР СИМОНДОН И ЭВАЛЬД ИЛЬЕНКОВ О ГУМАНИЗМЕ И ТЕХНОКРАТИИ

Тимашов Константин Николаевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

Ж. Симондон (1924–1989) и Э.В. Ильенков (1924–1979) — выдающиеся философы второй половины XX в., занимавшиеся поиском ответов на вопросы, которые поставило перед человечеством развитие современной техники. Эти мыслители принадлежали к разным философским традициям, но их подходы сближаются в ряде существенных моментов. На первый план они выдвинули социокультурные аспекты интеграции техники в условиях, когда кибернетика привлекала всеобщее внимание в качестве методологии и ей отводили значимую роль в научно-техническом прогрессе как во Франции, так и в СССР. В данной статье поставлена цель выявить общее и различное в критике Симондоном и Ильенковым некоторых сущностных сторон технической цивилизации и в предложенных ими решениях ряда проблем, возникающих в ходе ее развития на современном этапе. В результате анализа и сопоставления текстов, написанных ими в 1950–1960-х гг., было установлено, что оба философа констатируют наличие дисгармонии в отношениях между культурой и техникой, возникновение которой они связывают с распространением технократического подхода к технике и человеку и связанной с ним мифологии. Оба автора стоят на гуманистических позициях и считают необходимым устранить технократические мифы, чтобы не допустить превращения техники в орудие порабощения человека. Однако их подходы существенно отличаются в вопросе об отношении к технике: Симондон принципиально отказывается рассматривать технику только как средство и наделяет ее определенной автономией, тогда как Ильенков считает ее прежде всего средством для достижения целей, которые общество формулирует для себя в качестве идеала. По этой причине советский философ настаивает на необходимости упразднения всех социальных, экономических и политических препятствий на пути создания условий для полного освобождения и всестороннего развития человека, а Симондон — выдвигая на первый план задачу интеграции техники в культуру через ее познание и выявление ее имманентных законов развития.

Ключевые слова: гуманизм, Ильенков, кибернетика, Маркс, отчуждение, Симондон, техника, технократия.

Для цитирования:

Тимашов К.Н. Жильбер Симондон и Эвальд Ильенков о гуманизме и технократии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 327–337. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-327-337>

GILBERT SIMONDON AND EVALD ILYENKOV ON HUMANISM AND TECHNOCRACY

Konstantin N. Timashov

HSE University (Saint Petersburg)

G. Simondon (1924–1989) and E.V. Ilyenkov (1924–1979) are outstanding philosophers of the second half of the 20th century, who searched for answers to the questions that the development of modern technology posed to the mankind. These thinkers belonged to different philosophical traditions, but their approaches converge in a number of significant points. They brought to the fore the sociocultural aspects of the integration of technology at the time when cybernetics attracted general attention as a methodology and was assigned a significant role in the progress of science and technology, both in France and in the USSR. This article aims to identify the common and the different in the criticism by Simondon and Ilyenkov of some essential aspects of technical civilization and in their proposed solutions to a number of problems that arise in the course of its development at the present stage. An analysis and comparison of texts written by the philosophers in the 1950s–1960s showed that both of them state the presence of disharmony in the relationship between culture and technology, the emergence of which they associate with the spread of the technocratic approach to technology and man and the mythology associated with it. Both authors stand on humanistic positions and consider it necessary to eliminate the myths of technocracy in order to prevent the transformation of technology into a tool for the enslavement of man. However, their approaches differ significantly in their attitude to technology: Simondon fundamentally refuses to consider technology only as a means and endows it with certain autonomy, while Ilyenkov considers it primarily a means of achieving goals that a society formulates for itself as an ideal. For this reason, the Soviet philosopher insists on the need to eliminate all social, economic, and political obstacles to the creation of conditions for the complete liberation and comprehensive development of man, while Simondon highlights the task of integrating technology into culture through cognizing it and identifying its immanent laws of development.

Keywords: alienation, cybernetics, humanism, Ilyenkov, Marx, Simondon, technology, technocracy.

To cite:

Timashov K.N. [Gilbert Simondon and Evald Ilyenkov on humanism and technocracy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 3, pp. 327–337 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-327-337>

На протяжении нескольких столетий гуманизм как особый тип философского мировоззрения выполнял функцию своего рода интегральной схемы в самосознании европейской культуры Нового времени. В этом смысле он не только связывал воедино всевозможные знания, но и преобразовывал и модулировал их определенным образом — в свете идеи человека. С появлением в конце XIX в. антигуманистической мысли гуманизм не переставал подвергаться критике. Утверждения о наступлении «конца» — «конца метафизики», «конца модерна»,

«конца истории», которыми отмечена интеллектуальная история XX в., — не переставали распространяться на все больший круг фундаментальных для европейской мысли понятий. Утверждение о приближающейся «смерти человека», высказанное в 1960-е гг. Мишелем Фуко в начале третьего десятилетия третьего тысячелетия, может показаться уже сбывшимся пророчеством, поскольку постгуманизм стал мейнстримом. Вместе с тем такие современники того же Фуко, как Жильбер Симондон и Эвальд Ильенков, несомненно принадлежат европейской ин-

теллектуальной традиции, были далеки от указанной тенденции. По этой причине изучение их понимания гуманизма в связке с вопросами, которые ставят развитие современной техники и цифровизация, представляется актуальной задачей, поскольку позволит уточнить спектр позиций в философских дискуссиях о человеке и технике, вызванных в середине прошлого столетия перспективами развития и внедрения вычислительной техники и кибернетики. Философские подходы к интеграции техники в культуру, выработанные на заре цифровизации, не утратили своего значения и в нынешней ситуации.

Жильбер Симондон и Эвальд Ильенков хотя и были сверстниками и довольно известными мыслителями, вероятно, даже не подозревали о существовании друг друга: мы не располагаем никакими сведениями о контактах между ними. Это можно объяснить тем, что взгляды советского философа формировались в марксистско-ленинской традиции при большом влиянии культурно-исторической психологии, тогда как его французский коллега разрабатывал свою философию в диалоге с экзистенциализмом, неогегельянством и феноменологией, бывшими в то время на пике своего влияния во Франции, а также исторической эпистемологией, гештальт-психологией, антропологией и др. Но их интересы во многом совпадали: оба занимались не только историей философии, но и вопросами эстетики, психологии, педагогики, а также теми проблемами, которые перед современным обществом ставит развитие техники.

Симондон предпринял попытку создать целостную философскую систему, по широте охваченных областей претендующую на поистине энциклопедический масштаб, но в наибольшей степени его занимало философское осмысление техники, в том числе новейшей, о чем свидетельствуют хотя бы названия его докторских диссертаций, защищенных в 1958 г., — «Индивидуация в свете понятий формы и информации» и «О способе существования технических объектов». На интерес Ильенкова к технике, четко обозначившийся в 1960-е гг., обращают недостаточно внимания. Вместе с тем, как известно, с началом Оттепели, когда в СССР идеологическое давление на науку несколько ослабло, кибернетика переживала период бурного развития, а с ее внедрением в различные отрасли народного хозяйства руководство страны связывало большие надежды, что даже нашло

отражение в Третьей Программе КПСС от 1961 г. Ильенков не остался в стороне от разгоревшихся вокруг кибернетики споров, более того, он был членом Научного совета по кибернетике при Президиуме АН СССР, который создал и возглавил академик А.И. Берг в 1959 г. Представляется, что именно развитие и перспективы внедрения «науки об управлении и связи в животном и машине» побудили как Симондона, так и Ильенкова выступить с критикой технократии и предложить такое понимание гуманизма, которое бы соответствовало новым условиям технической цивилизации.

Гуманизм — во множественном числе

Симондон неоднократно возвращается к понятию гуманизма в своей «дополнительной» диссертации «О способе существования технических объектов», изданной в виде книги в 1958 г.¹, а также в других текстах, относящихся ко времени работы над ней. На этот факт исследователи творчества Симондона редко обращали внимание, и долгое время оно оставалось в тени других понятий, которые сделали его имя известным во всем мире. К примеру, «Словарь Жильбера Симондона» [Chateau J.-Y., 2008] не содержит статьи «гуманизм», но Жан-Гюг Бартелими уже включил его в свой краткий глоссарий из пятидесяти важнейших понятий этого философа [Barthélemy J.-G., 2015], а Ксавье Гюше дал своей книге характерное название «За технологический гуманизм. Культура, техника и общество в философии Жильбера Симондона» [Guchet X., 2010].

Одна из самых ранних публикаций Симондона имеет заголовок «Культурный гуманизм, негативный гуманизм, новый гуманизм». Это резюме доклада, прочитанного для молодой аудитории на конгрессе «Рабле и платонизм» в 1953 г. В соответствии с темой выступления, Симондон наделяет понятие гуманизма несколькими смыслами. Во-первых, это «позиция» (*l'attitude*) и «линия поведения», выраженная в словах из комедии Теренция «Сам се-

¹ Затем эта книга была переиздана еще при жизни Симондона в 1969 г., посмертные переиздания выходили в исправленном и дополненном виде в 1989, 2001, 2012 гг. Далее цитаты тех фрагментов из этой работы, которые не переводились на русский язык, приводятся в нашем переводе по последнему, наиболее полному изданию [Simondon G., 2012].

бя истязавший»: «Homo sum, humani nil a alienum puto» («Я человек, [и поэтому] считаю, что ничто человеческое мне не чуждо»), которые Симондон прочитывает как кредо *культурного гуманизма*: «Именно по той причине, что не существует раз и навсегда определенной природы человека, всякое событие и всякое единичное [в истории и географии] являются частью человечества. Перейти от наивного эгоизма, когда каждый принимает свои собственные обычаи и убеждения за чистый тип совершенного человечества, к всеобщей и щедрой мудрости, благодаря которой человечество мыслится как динамичное целое, разворачивающееся во времени и пространстве, культивировать в себе этот смысл участия в человеческом целом — это и есть быть человеком. Быть гуманистом значит желать быть человеком» [Simondon G., 2016, p. 72]. Во-вторых, Симондон связывает с гуманизмом критическую функцию в противостоянии «догматизму мнений», поэтому он получает именование *негативного*. Он утверждает, что ценностные установки негативного гуманизма, восходящие еще к Ренессансу, находят актуальное воплощение в экзистенциализме: «Его враг — это намеренный обскурантизм, а также деспотизм, который делает из человека средство. По этой причине, по нашему мнению, нельзя сбрасывать со счетов некоторые современные интеллектуальные движения, которые борются со всеми теми силами, которые стремятся отчуждать человека, лишить его наследия, сделать рабом мифов. Экзистенциализм — это единственное современное интеллектуальное движение, которому есть что противопоставить силам мистификации, таким как прагматизм, коммунизм, национал-социализм» [Simondon G., 2016, p. 72]. Несомненно, здесь Симондон опирается на Жан-Поля Сартра, которого упоминает в связи с атеизмом, и чьи слова, вынесенные в заглавие знаменитой работы «Экзистенциализм — это гуманизм» 1946 г., воспроизводит в своем докладе. Важно отметить, что для него экзистенциализм не является некой высшей формой гуманизма, исторически преодолевшей предшествующую стадию или вобравшей в себя все ее содержание, но рассматривается как дополнение, необходимый союзник конструктивного, культурного гуманизма.

Пересечение двух обозначенных путей гуманизма возможно, согласно Симондону, на новой территории и в рамках *нового гуманизма*, который рассматривает технику как человеческую реальность: «В масштабе человечества оно [размышление о технике] является тем же, что самопознание для индивида. Возможно, гуманизм мог бы обрести новое значение, если бы он стал этой активной рефлексией человечества о самом себе, в согласии с принципом “познай самого себя”, преодолевая индивида, чтобы применить этот принцип к более широкому кругу сообществ» [Simondon G., 2016, p. 74–75].

В дальнейшем эксплицитные ссылки на Сартра у Симондона уже не встречаются. И все же отголоски влияния экзистенциализма продолжают звучать на многих страницах дополнительной диссертации: «технический индивид», «освобождение техники» — в таких понятиях он анализирует в ней «способы существования» той части реальности, которую он предложил называть «технические объекты». Как бы перефразируя известный тезис Сартра «существование предшествует сущности», он утверждает, что суть техники заключается не в инструментальной функции, а в ее функционировании (что предполагает вариативность отношений «человек–техника», различное ее применение).

В книге «О способе существования технических объектов» понятие гуманизма также наделяется конструктивным и негативным смыслами и особо подчеркивается роль технического знания², но теперь оно получает именование *энциклопедизм*: «Всякий энциклопедизм — это гуманизм, если под гуманизмом понимать стремление вернуть статус свободы тому, что было от человека отчуждено, чтобы ничто человеческое не было ему чуждо; но открывать вновь человеческую реальность можно в разных смыслах, и каждая эпоха заново создает гуманизм, который всегда в определенной мере является ответом на обстоятельства, потому что он направлен на самый тяжкий аспект отчуждения, который несет в себе или производит цивилизация» [Simondon G., 2012, p. 144]. С этой точки зрения в энциклопедизме нужно ви-

² Ср. в многостраничном «Дополнительном примечании» к «основной» диссертации: «Гуманизм должен также (...) включать изучение техники» [Simondon G., 2017, p. 342].

деть не столько форму универсального и систематизированного знания, сколько стремление к знанию как к средству освобождения человека. Симондон выделяет три этапа в истории так понятого энциклопедизма. Эпоха Ренессанса преодолевала интеллектуальный и этический догматизм; *технический энциклопедизм* эпохи Просвещения стремился расширять и распространять технические знания, что привело к подъему промышленности; к середине XX в. уже назрела необходимость освободить человека от подчинения достигнутому колоссальных масштабов индустриальному производству. На этом новом этапе совершается переход к *технологическому энциклопедизму*, на который возлагается задача выработать адекватное знание современной техники, достигшей уровня «технических ансамблей».

Для Эвальда Ильенкова проблемы, которые перед человеком и обществом ставит развитие современной техники, становятся предметом исследований в 1960-е гг. В этот очень плодотворный творческий период он разрабатывал категории *идеала* и *идеального*. Именно в связке с ними он размышлял тогда над проблемами эстетики, психологии, педагогики, а также проблемами отношения «человек–машина». Итоговой работой стала книга «Об идолах и идеалах», изданная в 1968 г. Подобно Симондону, Ильенков рассматривал гуманизм как исторически развивающееся культурное явление. Он также высоко оценивал вклад деятелей эпохи Возрождения и Просвещения в развитие идей гуманизма, отдавая должное их борьбе с отчуждающими явлениями, но дальнейшее их развитие связывал, конечно, не с кибернетикой, а с немецкой классической, а затем и марксистской философией. В многовековой истории он видел последовательную конкретизацию идеала Человека как свободной всесторонне развитой личности. В эпоху Возрождения идеалом было провозглашено «земное, полнокровное жизнеизъявление каждого живого человека», «Человеку возвещает законы жизни только Наука, Самосознательное и никаких других авторитетов не признающее Мышление, постигающее законы Природы, а не Откровение» [Ильенков Э.В., 2020а, с. 312]; материалисты XVIII в. провозгласили: «Пусть каждый Человек делает то, что хочет и может, к чему его определила Природа, лишь бы он не приносил

несчастий своему собрату по роду человеческому, не ущемлял права другого делать то же самое!» [Ильенков Э.В., 2020а, с. 313]; социалисты-утописты XIX в. связали реализацию идеала Свободы, Равенства и Братства с трудом, промышленным производством и требованием специфической формой социальной организации; коммунистический идеал оформился как «всесторонне, гармонически развитая личность» [Ильенков Э.В., 2020а, с. 372].

Таким образом, подходы Симондона и Ильенкова в понимании гуманизма как исторического явления в основном совпадают. Их существенные отличия проявляются в том, что советский философ не подчеркивал связь гуманизма с техникой, тогда как его французский коллега хотя и не упускал из вида социальные обстоятельства, все же не принимал в расчет политические, экономические и юридические аспекты связанных с гуманизмом идей.

Проблема интеграции техники в культуру

В первых абзацах «О способе существования технических объектов» Симондон описывает то, какой ему видится главная современная проблема в отношениях человека и техники. Он считает, что современная культура проявляет по отношению к технике своего рода ксенофобию, она видит в ней источник опасности и потому настроена к ней враждебно. Он утверждает, что техника противопоставляется человеку, потому что она не воспринимается как часть человеческой реальности. Как было отмечено выше, Симондон сформулировал и отстаивал идею «технологического энциклопедизма», и поэтому не мог согласиться с таким положением дел: «Оппозиция, выстроенная между культурой и техникой, между человеком и машиной, является ложной и безосновательной; за ней скрывается незнание или ресентимент. Прикрываясь легковесным гуманизмом (*un facile humanisme*), она скрывает реальность, насыщенную человеческими усилиями и природными силами, которая образует мир технических объектов, этих посредников между природой и человеком» [Simondon G., 2012, p. 9]. Согласно Симондону, здесь и кроется основная причина отчуждения, с которым сталкивается человек современной эпохи, именно с нею должен бороться «новый гуманизм». Может показаться странным, что, живя в середине XX в. в промышленно развитой

стране, этот философ заявляет, что техника не является частью культуры. Но если вспомнить, как часто звучала критика (во многом справедливая) в адрес технической цивилизации в устах ряда выдающихся мыслителей из числа современников Симондона (Шпенглер, Ясперс, Хайдеггер, Эллюль и др.), то эта констатация не покажется преувеличением.

Напротив, Симондон призывает к тому, чтобы рассматривать технические объекты как часть культуры, преодолеть разрыв между ней и техникой, тем самым устранить частичный характер существующей культуры. Он считает, что необходимо создать «техническую культуру» и прививать ее подобно другим областям знания — через образование: необходимо изучать технику в школе, она должна занять свое место среди других предметов вроде физики и математики. Но прежде необходимо познать технику, раскрыть ее сущность и законы развития — этому Симондон и посвятил значительную часть своей дополнительной диссертации.

Другой важный аспект разлада в культуре по Симондону заключается в том, что распространенное в культуре представление — и при том частичное — о технике уже не адекватно тем технологиям, которые к середине XX в. стали передовыми: будущее промышленности связано не с простой автоматизацией, а с широким внедрением кибернетических устройств, вычислительной техники и коммуникаций. Прделанный им анализ подвел его к выводу о том, что развитие техники после промышленной революции Нового времени действительно подчинило человека, поработило его не без тяжелых для него последствий, но в новейших технологиях имеется возможность для того, чтобы человек перестал быть частью большой машины и стал бы играть роль организатора «технических ансамблей» наподобие дирижера оркестра [Simondon G., 2012, p. 12].

В свою очередь для Ильенкова проблема противопоставления и противостояния культуры и техники не стояла, что не в последнюю очередь объясняется «технооптимизмом» советской системы: развитие средств производства напрямую связано с научно-техническим прогрессом, и в целом техника рассматривается как прогрессивное явление. М.Л. Бурова отмечает: «Для Ильенкова как марксиста техника — это часть культуры, предметного тела человеческой цивилизации, всего “неорганического тела человека”.

Реальность техники в том, что она производна от человека и противостоит ему. Объективно противостоящий индивиду мир духовной и материальной культуры, мир понятий науки, техники и нравственности и есть опредмеченное — реализованное в продукте — мышление человечества» [Бурова М.Л., 2015, с. 56]. Но это не значит, что с этой точки зрения между культурой и техникой не могло быть разрыва в принципе. Ильенков формулирует проблему так: «Либо индивидуум превращается в хозяина всей созданной человеческой культуры, либо он остается ее рабом, прикованным к тачке своей узкой профессии» [Ильенков Э.В., 2020а, с. 373]. Другими словами, причины отчуждения культуры проистекают из системы разделения труда, а решение этой проблемы видится в создании «для всех без исключения людей равно реальных условий развития своих способностей в любом направлении» [Ильенков Э.В., 2020а, с. 374]. При капиталистическом способе производства формируется, по выражению Маркса, «частичный человек», идеалом же является «тотально-развитый индивид».

Итак, Симондон и Ильенков подходили к одной и той же современной проблеме с разных сторон: первый направил свою критику на частичную культуру, второй — на частичного человека. И вместе с тем разница между их исходными позициями очень велика: едва ли советский философ согласился бы с тем, что преодоление отчуждения осуществимо через такую реформу культуры, которая не затрагивает отношения собственности.

Критика технократии

В сущности, «частичный человек» и «частичная культура» оказываются двумя сторонами одного явления, которое следует искоренить, и техника играет в этом далеко не последнюю роль. В вопросах, связанных с интеграцией техники в культуру, и Симондон, и Ильенков возлагают на философию критическую функцию, а именно разрушение мифов.

В этой связи нужно упомянуть, что разработка проблем кибернетики в СССР вызвала у Ильенкова неоднозначную реакцию. Довольно показательным, что его первым печатным откликом на *некоторые* проекты по практическому применению теоретических разработок этой

науки, завоевывавшей тогда все большую популярность, был памфлет в жанре научной фантастики «Тайна Черного ящика», написанный в 1962 г.³ В нем в гротескной форме высмеивалась попытка создания «машины, более совершенной, чем человек» через формализацию всех мыслительных функций мозга, человеческого мышления как такового. В статье 1965 г. «Машина и человек, кибернетика и философия», написанной Ильенковым в соавторстве с двумя другими членами Научного совета по кибернетике при Президиуме АН СССР, А.С. Арсеньевым и В.В. Давыдовым, те, в адрес кого высказывается критика, названы «горячими головами из числа поклонников кибернетики» — как в странах капитализма, так и в СССР [Ильенков Э.В., 2020а, с. 148]. Скептическое отношение к подобным проектам не означает, что Ильенков отказывал кибернетике в праве на существование. Напротив, как выразили свое отношение авторы этой статьи, они не призывают «поставить пределы развитию кибернетики и счетно-вычислительной техники», но настаивают на том, чтобы это развитие шло «в союзе с трезвыми научными представлениями, уже разработанными наукой, в частности философией» [Ильенков Э.В., 2020а, с. 161].

Не вдаваясь в подробности этой полемики, отметим, что именно в отсутствии четкого научного обоснования проектов по машинному моделированию функций головного мозга обвинял некоторых разработчиков-кибернетиков профессор Колумбийского университета Мортимер Таубе, специалист по программированию и использованию компьютеров в научно-информационном деле, автор книги «Вычислительные машины и здравый смысл: миф о думающих машинах» [Таубе М., 1964], с которой Ильенков был знаком. Хотя ее автор не был марксистом и его критика звучала с совершенно иных позиций, Ильенков сходится с ним в главном: с кибернетикой связано немало мифов, а многие ожидания от нее беспочвенны.

³ Этот текст предполагался к печати в «Новом мире», но редакция журнала его не приняла. В итоге он был опубликован в другом периодическом издании и несколько раз перепечатывался, в том числе в книге «Об идолах и идеалах». Редактор-составитель и автор примечаний десяти-томного собрания сочинений философа А.Д. Майданский называет этот текст «любимой вещью Ильенкова» [Ильенков Э.В., 2020а, с. 503].

Слова «миф» и «мифология» применяются Ильенковым по отношению к кибернетике многократно. Так, в книге «Об идолах и идеалах» он пишет: «И когда некоторые увлекающиеся поклонники кибернетики, забыв обо всем этом, начинают говорить, что человек абсолютно (а не только частично) тождествен машине, что человек — “это тоже машина” и только, а все остальное от лукавого, от поэзии или от “иррациональных эмоций”, то они и съезжают как раз с рельсов научности на рельсы самой что ни на есть настоящей мифологии. Ибо любая мифология и рождается из абсолютизации относительно верных представлений, из абсолютизации абстракций, которые на своем месте хороши и правильны, но становятся призраками-идолами, как только их начинают применять за законными границами их применимости» [Ильенков Э.В., 2020а, с. 478].

Другой существенный момент связан с тем, что в «чрезмерном увлечении кибернетикой» Ильенков видит не что иное, как проявление технократической идеологии. Ее он понимает следующим образом: «Представление, согласно которому Машина — Большая Машина, как совокупность всех существующих и могущих появиться машин и машинок — есть высшая цель, то есть самоцель истории развития человеческой цивилизации, науки и техники, теории и практики. А Человек — живой человек, индивидуум — только средство, только живое говорящее орудие, с помощью которого осуществляется эта великая всепоглощающая цель. Средство, более или менее пригодное для осуществления цели, и не более» [Ильенков Э.В., 2020а, с. 298]. Главной же опасностью является то, что, полагаясь на технические средства, ее носители стремятся закрепить существующий порядок и с выгодой для себя. В той же книге он особо подчеркивает этот момент: «И тогда, как и всякая мифология, такая абсолютизованная, то есть мифологизированная, кибернетика начинает по сути дела исполнять несвойственную науке функцию. Как и всякая религиозная мифология, она начинает служить способом духовного примирения человека с реальными нечеловеческими условиями жизнедеятельности большинства людей на земном шаре. Она начинает “освящать” от имени науки то обстоятельство, что живые люди до сих пор вынуждены исполнять при машинах чисто ма-

шинные функции, играть при машинах тяжелую роль детали, “части частичной машины” (К. Маркс). Человек все еще вынужден “прислуживать” машинам, вместо того, чтобы, передав все чисто машинные, чисто механические функции машинам, самому посвятить все свое свободное время труду подлинно человеческому, труду творческому, труду в сфере производства, науки, искусства и социального творчества» [Ильенков Э.В., 2020а, с. 478]. Как видно из этих слов, угол атаки на технократическое мышление задает идеал, с которым философ связывал свою идею гуманизма.

Ильенков не ограничивает проблему отчуждения только сферой производства. Более того, понятие машины он трактует весьма широко, включая в него механизм рынка, государственно-бюрократический аппарат и другие «иерархически-организованные системы управления» [Ильенков Э.В., 2020а, с. 490]. С этой точки зрения прежде всего сама товарно-капиталистическая система отношений предстает как машина машин, в которой человек вынужден исполнять функцию «частичной детали частичной машины». В то же время за эксплицитной критикой, с которой Ильенков обрушивается на технократов капиталистического мира, проглядывает также и критика реальной практики в странах социализма, где переход к коммунистическому общественному самоуправлению еще не осуществлен и сохраняется государственно-бюрократический аппарат [Ильенков Э.В., 2020а, с. 492]. Это переход, согласно Ильенкову, не может быть осуществлен без создания материально-технической базы, в которой должны быть применены достижения современной техники, в том числе кибернетики. Угроза ему видится в том, что средства будут ошибочно приняты за цель и машина превратится в «нового бога, нового идола», как это происходит в странах капитализма [Ильенков Э.В., 2020а, с. 479].

Подобно Ильенкову, Симондон указывает на существование мифологии, которой окружена кибернетическая техника и которая, по сути, препятствует возникновению технической культуры: «Перед лицом этого выражающего защиту отказа, который дала частичная культура [технике], люди, которые знают технические объекты и понимают их значение, стремятся узаконить свое суждение, наделяя технический

объект единственным признанным статусом наряду с эстетическим объектом, а именно статусом священного объекта. Так рождается разнужданный технизм, который является не чем иным, как идолопоклонством по отношению к машине, и через это идолопоклонство, посредством идентификации, технократическим стремлением к безусловной власти. ... Человек, который хочет навязать свою волю другим, стремится создать машину-андроида. ... Таким образом, машина, ставшая двойником этого человека, то есть роботом, лишенным внутренне-го, представляет самым очевидным и неизбежным образом нечто совершенно мифическое и выдуманное» [Simondon G., 2012, p. 10–11]. Сходство этой констатации с выводами Ильенкова, в существенных моментах доходящее до полного совпадения, по-настоящему поразительно. Действительно, исходные положения у них общие, но решение проблемы они видят по-разному, поскольку у них было диаметрально противоположное отношение к коммунизму. Как было ясно из слов Симондона в лекции 1953 года, он не считал, что у коммунизма есть адекватное решение этой проблемы; более того, он назван одной из трех современных «сил мистификации». Несколько лет спустя в книге «О способе существования технических объектов» также упоминаются три социально-политические доктрины: национал-социализм, американская демократия и коммунизм, названный здесь марксистским [Simondon G., 2012, p. 304–305]. Андреа Бардин считает, что критика, которая здесь звучит в адрес коммунизма, метит в сталинизм (под определенным влиянием не только Сартра, но и Мерло-Понти) [Bardin A., 2013, p. 27].

Вероятно, та же социально-политическая доктрина подразумевается в следующих словах: «Можно было бы назвать автократической философию техники, которая считает техническую совокупность местом, где машины используются для получения власти. Машина — это только средство; цель — завоевание природы, укрощение природных сил посредством первичного порабощения: машина — это раб, который служит тому, чтобы создавать других рабов. Такое господское, рабовладельческое устремление может сочетаться с намерением добиться свободы для человека. Но трудно освободиться самому, неся рабство другим су-

ществам (êtres) — людям, животным и машинам; управлять народом машин, которые подчиняют весь мир — значит все же управлять, а любое управление предполагает принятие схем подчинения» [Simondon G., 2012, p. 176–177]. Небезынтересно отметить, что этот фрагмент приводит фрейдомарксист Герберт Маркузе в своей знаменитой книге «Одномерный человек» [Маркузе Г., 1994, с. 209], в которой существующие социалистическая и капиталистическая системы рассматриваются как одно индустриальное общество, в основе которого лежит, согласно Маркузе, именно эта «автократическая философия техники» со всеми вытекающими последствиями⁴.

Но значит ли это, что Симондон так же резко отрицал значение Маркса? В заключительной главе книги «О способе существования технических объектов» Симондон делает оговорку: «Мы не хотим сказать, что экономического отчуждения не существует; но возможно, что первая причина отчуждения сущностным образом заключена в труде и что отчуждение, описанное Марксом, есть лишь одна из его разновидностей» [Симондон Ж., 2011, с. 102]. Другими словами, парадигма труда, лежащая в основе марксизма в любой его форме, не позволяет схватить основной источник отчуждения, который, согласно Симондону, проистекает из неадекватного восприятия техники и самой ее сущности, которая заключается, согласно ему, не в полезности и инструментальности, а в техническом функционировании — самом по себе и до всякого применения. В то же время Симондон не склонен преуменьшать последствия отчуждения, связанного с формой собственности: «совершенно справедливо, что экономические условия усиливают и упрочивают это отчуждение: в промышленной жизни технический объект не принадлежит тем, кто его использует. Впрочем, отношение собствен-

ности весьма абстрактно, и было бы недостаточно, чтобы рабочие стали собственниками машин для того, чтобы отчуждение резко убавилось. Обладать машиной еще не значит знать ее. И все же не-обладание увеличивает дистанцию между рабочим и машиной, оно делает их отношение еще более хрупким, внешним, недолговечным. Требуется найти такой социальный и экономический режим, в котором пользователь технического объекта был бы не только собственником этой машины, но и тем, кто сам ее выбирает и содержит в порядке» [Симондон Ж., 2011, с. 104]. Как видно из этой цитаты, Симондон учитывает фактор социально-экономических условий и совсем не считает его малозначительным. И все же ему отводится второстепенная роль, по этой причине произведенное в СССР обобществление средств производства он не считал достаточным для преодоления отчуждения.

Пусть это не вполне согласуется с тем представлением о коммунизме, которое прочитывается на страницах работ Симондона, но марксист-Ильенков также не считал, что одного лишь изменения формы собственности достаточно для преодоления отчуждения в его основе. Несомненно, это не было общепринятой точкой зрения, даже наоборот. Как он писал в докладе 1966 г. «Гегель и отчуждение», «формально-юридическое “обобществление” собственности, ее превращение в государственную, в общенародную собственность, согласно Марксу и Ленину, представляет собой *необходимо* первый, но лишь *первый* шаг на пути к *действительному* обобществлению материального и духовного богатства, накопленного в форме “отчуждения”» [Ильенков Э.В., 2020b, с. 93]. Второй шаг на пути к полному снятию отчуждения «совпадает с задачей создания таких условий непосредственного труда и образования, внутри которых каждый индивидуум — а не только некоторые — достигал бы подлинно современных высот духовно-теоретической, технической и нравственной культуры» [Ильенков Э.В., 2020b, с. 94]. Как показала история, этот второй, решающий шаг не был сделан. Как прокомментировал столкновение коммунистического идеала с реальностью А.Д. Майданский, в СССР «генеральная линия “реального социализма” — *ровно обратная*: огосударствление всего и вся вокруг. Вместо со-

⁴ Маркузе был одним из первых читателей книги «О способе существования технических объектов», с которой мог познакомиться в Париже во время преподавания в Практической школе высших исследований (EPHE), где в конце 1950-х гг. он вел семинар на тему «Тенденции индустриального общества». Резюме этих занятий, содержащее отмеченную цитату из книги Симондона, было опубликовано на французском языке в журнале «Аргументы» [Marcuse H., 1960], а позднее легло в основу шестой главы «Одномерного человека».

циализма “с человеческим лицом” строится *социализм машинный*. Коммунизм как был бродячим призраком, так им и остался» [Майданский А.Д., 2017, с. 62]. В то же время нельзя отрицать реальные достижения в преодолении отчуждения, обеспеченные уже первым шагом, как и социальные и индивидуальные приобретения, которые на этой базе достигались в дальнейшем.

Подводя итог вышесказанному, можно с уверенностью сказать, что сформулированный Ильенковым гуманистический идеал, заключающийся в движении к состоянию, когда «индивидуум превращается в хозяина всей созданной человечеством культуры» [Ильенков Э.В., 2020а, с. 372], вполне соответствует тому, к чему стремился Симондон, когда настаивал на необходимости «технической культуры». Оба указывали на препятствия, создаваемые технократической идеологией на пути к реализации этого идеала. Существенная разница проявляется в том, что советский философ связывал этот идеал и его реализацию с марксистско-ленинским социально-политическим учением, тогда как французский философ исходил из необходимости пересмотреть отношение «человек–техника» вне парадигмы труда. Современные критики капитализма приходят к выводу, что информационные технологии расширили и усилили эксплуатацию, т.е. фактор основных отношений никуда не исчез [Григорова Я.В., 2016, с. 101]. В этих условиях «технологический гуманизм» Симондона мог бы дополнить марксистскую критику в ее поиске стратегии преодоления отчуждения.

Список литературы

Бурова М.Л. Проблемы философии техники в творчестве Э.В. Ильенкова // *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*. 2015. № 3(9). С. 54–63.

Григорова Я.В. Информационные технологии как «машина эксплуатации» // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право*. 2016. № 3. С. 98–102.

Ильенков Э.В. Собрание сочинений. Т. 3: Идеал. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 512 с.

Ильенков Э.В. Собрание сочинений. Т. 4: Диалектическая логика. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 464 с.

Майданский А.Д. Коммунистический идеал Э.В. Ильенкова и реальный социализм // *Наука. Искусство. Культура*. 2017. Вып. 3(15). С. 59–65.

Маркузе Г. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ. А.А. Юдина. М.: REFL-book, 1994. 368 с.

Симондон Ж. О способе существования технических объектов (Сокращенный перевод заключения) / пер. с фр. М.А. Куртова // *Транслит*. 2011. № 9. С. 94–105.

Тайбе М. Вычислительные машины и здравый смысл: миф о думающих машинах / пер. с англ. С.С. Вениаминова; предисл. акад. А.И. Берга. М.: Прогресс, 1964. 184 с.

Bardin A. De l’homme à la matière: pour une «ontologie difficile». Marx avec Simondon // *Cahiers Simondon / éd. par J.-H. Barthélémy*. Paris, FR: L’Harmattan, 2013. No. 5. P. 25–43.

Barthélémy J.-H. Glossaire Simondon: les 50 grandes entrées dans l’oeuvre // *Appareil*. 2015. No. 16. URL: <https://journals.openedition.org/appareil/pdf/2253> (accessed: 12.07.2023). DOI: <https://doi.org/10.4000/appareil.2253>

Chateau J.-Y. Le vocabulaire de Gilbert Simondon. Paris, FR: PUF, 2008. 128 p.

Guchet X. Pour un humanisme technologique. Culture, technique et société dans la philosophie de Gilbert Simondon. Paris, FR: PUF, 2010. 280 p.

Marcuse H. De l’ontologie à la technologie: les tendances de la société industrielle // *Arguments*. 1960. Vol. 4, no. 18. P. 54–59.

Simondon G. Du mode d’existence des objets techniques. Paris, FR: Aubier, 2012. 368 p.

Simondon G. L’individuation à la lumière des notions de forme et d’information. Grenoble, FR: Jérôme Millon, 2017. 576 p.

Simondon G. Sur la philosophie (1950–1980). Paris, FR: PUF, 2016. 472 p.

References

Bardin, A. (2013). [From Humain to Matter: for «Difficult Ontology». Marx with Simondon]. J.-H. Barthélémy (ed.) *Cahiers Simondon* [J.-H. Barthélémy (ed.) *Simondon Notebooks*]. Paris, FR: L’Harmattan Publ., no. 5, pp. 25–43.

Barthélémy, J.-H. (2015). [Simondon’s Glossary: 50 Key Terms in the Works of Gilbert Simondon]. *Appareil* [Apparatus]. No. 16. Available at: <https://journals.openedition.org/appareil/pdf/2253> (accessed 12.07.2023). DOI: <https://doi.org/10.4000/appareil.2253>

Burova, M.L. (2015). [The philosophy of technology in E. V. Ilyenkov's works]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and Humanities in Information Society].

No. 3(9), pp. 54–63.

Chateau, J.-Y. (2008). *Le vocabulaire de Gilbert Simondon* [Simondon's Vocabulary]. Paris, FR: PUF, 128 p.

Grigorova, Ya.V. (2016). [Information technology as an exploitation machine]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo* [Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Culture. History. Philosophy. Law]. No. 3, pp. 98–102.

Guchet, X. (2010). *Pour un humanisme technologique. Culture, technique et société dans la philosophie de Gilbert Simondon* [For a technological humanism. Culture, technology and society in the philosophy of Gilbert Simondon]. Paris, FR: PUF, 280 p.

Ильенков, Е.В. (2020). *Sobranie sochineniy. T. 3: Ideal* [Collected works. Vol. 3: Ideal]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 512 p.

Ильенков, Е.В. (2020). *Sobranie sochineniy. T. 4: Dialekticheskaya logika* [Collected works. Vol. 4: Dialectical logic]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 464 p.

Marcuse, H. (1960). [From ontology to technology: Tendencies of industrial society]. *Arguments*. Vol. 4, no. 18, pp. 54–59.

Marcuse, H. (1994). *Odnomernyy chelovek: issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obschestva* [One-dimensional man: Studies in the ideology of advanced industrial society]. Moscow: REFL-Book Publ., 368 p.

Maydanskiy, A.D. (2017). [E.V. Ilyenkov's communist ideal and the real socialism]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura* [Science. Art. Culture]. Iss. 3(15), pp. 59–65.

Simondon, G. (2011). [On the mode of existence of technical objects]. *Translit*. No. 9, pp. 94–105.

Simondon, G. (2012). *Du mode d'existence des objets techniques* [On the mode of existence of technical objects]. Paris, FR: Aubier Publ., 368 p.

Simondon, G. (2016). *Sur la philosophie (1950–1980)* [About philosophy (1950–1980)]. Paris, FR: PUF, 472 p.

Simondon, G. (2017). *L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information* [Individuation in light of notions of form and information]. Grenoble, FR: Jérôme Millon Publ., 576 p.

Taube, M. (1964). *Vychislitel'nye mashiny i zdravyy smysl: mif o dumayuschikh mashinakh* [Computers and common sense: The myth of thinking machines]. Moscow: Progress Publ., 184 p.

Об авторе

Тимашов Константин Николаевич

старший преподаватель департамента ближневосточных и африканских исследований

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
190068, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, 123;
e-mail: timashovkn@yandex.ru
ResearcherID: Q-5436-2017

About the author

Konstantin N. Timashov

Senior Lecturer of the Department of Middle Eastern and African Studies

HSE University,
123, Griboyedov canal emb., Saint Petersburg,
190068, Russia;
e-mail: timashovkn@yandex.ru
ResearcherID: Q-5436-2017

УДК 1:[316.3:004]+373.3

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-338-348>

Поступила: 06.03.2023

Принята: 12.09.2023

Опубликована: 06.10.2023

СИНХРОННОЕ ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ФАРМАКОЛОГИЧЕСКИХ КОГНИТИВНЫХ УЛУЧШЕНИЙ В ОБРАЗОВАНИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Федорова Александра Михайловна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

В статье анализируются перспективы и риски гипотетического синхронного применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) и фармакологических когнитивных улучшений в рамках системы образования на примере трансформации системы оценивания образовательных результатов в массовой школе. В статье показано, что несмотря на наличие большого потенциала для улучшения образования, некоторые особенности функционирования массовой школы и социальной видимости результатов эффективности образования могут стать серьезным препятствием на пути положительных достижений внедрения данных технологий, что имело место в связи с внедрением технологий биометрии в массовой школе. Показано, что сами по себе данные технологии не несут с необходимостью негативные последствия, а также, как отмечается, имеют высокий положительный потенциал. Трудности же возникают в том случае, если внедрение происходит в среде, где и до этого имели место проблематичные административные и коммуникационные практики. В статье обосновывается, что аналогично биометрии существует риск встраивания технологий ИИ в депersonализованную и формализованную образовательную среду массовой школы, которые усилят ориентацию на количественное измерение эффективности образования в виде системы перманентного оценивания, что приведет к искажению сущности образовательного процесса в следствии работы эффектов закона Кэмпбелла. Также показано, что существуют высокие риски усиления нелиберального подхода к образованию в случае легализации фармакологических когнитивных улучшений, что также приведет к эпистемологическим затруднениям в интерпретации образовательной ситуации (корректного понимание поведения учеников). В заключении подчеркивается важность наличия как правильной стратегии внедрения технологий ИИ и фармакологических когнитивных улучшений, так и возвращения гуманистически-смыслового подхода к целям и задачам образования, что только в совокупности сможет привести к достижению значительных положительных результатов при использовании данных технологий в образовании.

Ключевые слова: искусственный интеллект, фармакологические когнитивные улучшения, биометрия, массовая школа, образование.

Для цитирования:

Федорова А.М. Синхронное внедрение искусственного интеллекта и фармакологических когнитивных улучшений в образовании: социально-философский анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 338–348. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-338-348>

SYNCHRONOUS IMPLEMENTATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND PHARMACOLOGICAL COGNITIVE ENHANCEMENTS IN EDUCATION: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Alexandra M. Fedorova

Lomonosov Moscow State University (Moscow)

The article analyzes the prospects and risks of hypothetical synchronous application of AI technologies and pharmacological cognitive enhancements in the educational system through the example of transformation of the system of educational results assessment in mass school. The paper shows that despite the presence of a great potential for improving education, some features of the mass school's functioning and the social visibility of the results of educational efficiency can become a serious obstacle to gaining positive results of the introduction of these technologies, for example in connection with the introduction of biometrics technologies in mass school. It is shown that these technologies themselves do not necessarily lead to negative consequences and are seen to have a high positive potential, but there arise difficulties when they are implemented in an environment where there have previously occurred problematic administrative and communication practices. The article substantiates that, similarly to biometrics, there is a risk of embedding AI technologies in depersonalized and formalized educational environment of mass school, which will strengthen the orientation toward quantitative measurement of educational effectiveness in the form of a permanent assessment system, which, in turn, will lead to distortion of the essence of the educational process due to the effects of Campbell's Law. It is also shown that there are high risks of strengthening the neoliberal approach to education in case of legalization of pharmacological cognitive enhancements, which will also lead to epistemological difficulties in interpreting the educational situation (correct understanding of students' behavior). The conclusion emphasizes the importance of both having a correct strategy for the introduction of AI technologies and pharmacological cognitive enhancements and ensuring the return of a humanistic-sense-based approach to the goals and objectives of education, which only together can lead to significant positive results when using these technologies in education.

Keywords: artificial intelligence, pharmacological cognitive enhancement, biometrics, mass school, education.

To cite:

Fedorova A.M. [Synchronous implementation of artificial intelligence and pharmacological cognitive enhancements in education: a socio-philosophical analysis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 3, pp. 338–348 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-338-348>

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) является технологией, которая рассматривается как один из самых перспективных способов «улучшения» образования. Обоснование внедрения данной технологии самым существенным образом опирается на то, что ИИ сможет привнести существенные положительные изменения в образовательный опыт всех участников образовательного процесса: учеников, учителей, административ-

ных работников; в частности, именно на такое обоснование внедрения часто опираются коммерческие разработчики образовательных решений на основе ИИ [Leaton Gray S., 2020, p. 163].

Стоит обратить внимание, что ИИ — не единственное технологическое улучшение, которое используется в образовании, внедрение технологий ИИ не происходит изолированно по отношению к внедрению других инноваций, а кроме того, отличительной особенностью новой «четвертой промышленной революции» (к

которой и относится ИИ) является возникновение феномена НБИКС-конвергенции (взаимосвязанного развития нано-, био-, инфо-, когнитивных и социогуманитарных технологий). Соответственно, исследования внедрения ИИ требуют междисциплинарного подхода, который учитывает максимальное возможное число различных факторов.

В данной работе будет предпринята попытка рассмотрения внедрения «улучшений» в образовании не изолировано (отдельно ИИ, отдельно биотехнологии), а совместно, т.е. рассматривая последствия их синхронного внедрения на примере трансформации системы оценивания под влиянием ИИ и легализации фармакологических когнитивных улучшений. Такой способ рассмотрения выбран в силу того, что, как уже отмечалось выше, существенной особенностью НБИКС-конвергенции предполагается глубокая взаимная интеграция указанных технологий. Анализ будет посвящен школьному уровню образовательных систем в виде массовой школы.

В статье будет акцентировано внимание на проблеме исходных социальных условий функционирования массового образования, в рамках которых и происходит внедрение технологий «улучшения», однако чья роль и высокая значимость может теряться на фоне доминирования технико-экономически ориентированных метрик повышения эффективности системы образования. Данные метрики являются продолжением и реализацией специфической логики нелиберального порядка, определяющего структуру всех сфер общественной жизни в экономических терминах [Brown W., 2015].

Следует с большим вниманием относиться к дегуманизирующим и техницистским тенденциям, которые способствуют устранению гуманистических ценностей в сфере образования [Кожевникова М.Н. и др., 2021], а также препятствуют полноценной реализации конструктивных возможностей внедрения инноваций, в частности ИИ. Цель исследования заключается в том, чтобы, реализуя прогностический потенциал социальной философии, посредством постановки мысленного эксперимента попытаться предсказать последствия синхронного внедрения ИИ и легализованных фармакологических когнитивных улучшений в массовой средней школе на фоне применения технико-экономических метрик оценки эффективности в образовании.

Объектом исследования являются ИИ и фармакологические улучшения в системе образования; предметом — синергетические эффекты синхронного внедрения ИИ и фармакологических когнитивных улучшений в массовой средней школе на фоне применения технико-экономически метрик оценки эффективности в образовании.

Роль ИИ в трансформации системы оценки образовательных результатов

В соответствии с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта в РФ на период до 2030 г., ИИ определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490].

Одной из возможных сфер для применения ИИ в образовании является формирование комплексных систем оценки образовательных достижений. Уникальность возможностей технологий ИИ заключается в данном случае в том, что в отличие от большинства предшествующих систем оценивания, которые были ретроспективны, т.е. могли оценить результаты только после окончания обучения, ИИ способен при правильном использовании прогнозировать результаты, которые будут получены в будущем и формировать рекомендации для превентивного решения задач, связанных с особенностями прохождения обучения [Даггэн С., 2020, с. 38].

Кроме того, единичные контрольные и стандартизированные тесты не способны комплексно оценить понимание изученного, в отличие от ИИ, который может фиксировать образовательные достижения учащегося на протяжении всего периода обучения «незаметно и непрерывно» [Холмс У. и др., 2022, с. 156], а кроме того, может учитывать еще и неформальные учебные достижения (спорт, игра на музыкальных инструментах и т.д.).

Актуальность внедрения систем оценивания на основании ИИ связана с тем, что с развитием технологий анализа больших данных в последнее десятилетие (в 2010–2019 гг.) доминирующим направлением исследований ИИ в образовании стали модели профилирования учащихся и аналитика обучения, которые направлены

также на персонализацию обучения [Guan Ch. et al., 2020].

Также для профилирования учащихся и аналитики обучения используются технологии биометрии, которые теснейшим образом связаны с технологиями ИИ, к примеру, для распознавания лиц (биометрия) используются нейросети (ИИ). В силу того, что технологии биометрии уже достаточно широко внедрены в образовательных учреждениях многих стран и прежде всего в таких областях, как идентификации обучающихся, посещаемость занятий, безопасность, улучшение мотивации обучающихся и, как уже было отмечено, аналитика обучения [Hernandez de Menéndez M. et al., 2021], а также их теснейшей связи с ИИ, кратко рассмотрим некоторые особенности внедрения биометрии в массовой школе.

Внедрение технологий биометрии в массовой школе являлось ответом на ряд вызовов со стороны системы образования: рост размера школ, проблема контроля, а также трендов на усиление эффективности и прогрессивности школы и рассмотрение технологий биометрии как маркеров выполнения данных трендов [Leaton Gray S., 2017]. Использование биометрии в школах также вызывает большие опасения по поводу коммерциализации и конфиденциальности данных, порождая крайне поляризованные взгляды на вопрос их использования, однако стоит отметить, что, хотя данные технологии безусловно производят глубокие изменения в обществе и порождают указанные проблемы, сами по себе они не несут негативные последствия с необходимостью, а также, как отмечается рядом исследователей, имеют высокий положительный потенциал [Hernandez de Menéndez M. et al., 2021]. Трудности же возникают в том случае, если внедрение происходит в среде, где и до этого имели место проблематичные административные и коммуникационные практики; так, сам феномен массовизации образования и рост размеров школы приводит к деперсонализации и формализации образовательного процесса, хотя массовая школа обеспечивает экономическую эффективность расходования бюджетных средств за счет своего масштаба, качество самого образования оказывается в этом случае ниже, чем в более малочисленных школах (в них выше вовлеченность, лучше поведение и выше образовательные достижения учеников) [Leaton Gray S., 2017].

Трансформация системы оценивания образовательных достижений актуальна также и для российского контекста. В соответствии с паспортом стратегии «Цифровая трансформация образования» до 2030 г., планируется реализация сервиса для школьников «цифровое портфолио ученика» (управление образовательной траекторией, академическими и личностными достижениями, возможность формирования пакета документов для продолжения обучения на уровне среднего профессионального или высшего образования), а кроме того, к 2030 г. 50 % домашних заданий должно проверяться автоматически с использованием экспертных систем ИИ [Паспорт стратегии..., 2021].

Кроме того, система оценивания является критически важной составляющей массовых образовательных систем во всем мире, хотя иногда высказываются радикальные мнения о негативной роли оценивания, популярным примером которого может служить высказывание Пола Грэма (инвестора и основателя одного из самых престижных акселераторов Y Combinator) о том, что самая пагубная вещь, которой вы научились в школе, — привычка получать хорошие оценки [Грэм П., 2020], прежде всего потому, что фокус внимания ученика смещается с сути предмета на формальные показатели успешности в виде оценок, что впоследствии мешает начинающим стартаперам быть действительно «хорошим вложением», а не ухищряться в разнообразных способах поднятия инвестиций.

Однако до тех пор, пока квалификация специалиста, полученная в рамках образовательной институции, «подтверждается получением сертификата (диплома) и в этом (только в этом) случае объективируется, становится видимым для общества и признанным им. Организационная необходимость подтверждения результата сертификатом делает его отдельным элементом мотивации и самостоятельной целью действий участников образовательного процесса» [Очкина А.В., 2018, с. 107–108], т.е. фокус внимания будет смещен с непосредственной задачи получения знаний на выполнение формальных требований, подтверждающих готовность к функционированию на рынке труда, в силу того, что именно эта задача и является одной из ключевых для современной системы образования.

Этот феномен часто называют «законом Кэмпбелла». Дональд Кэмпбелл был одним из

критиков использования количественных показателей в социологии и политической науке. Он считал, что такие показатели могут искажать реальность социальных процессов и отношений, упрощать сложные социальные явления и сужать их трактовку до нескольких цифр или статистических показателей; кроме того, такие показатели могут скрыть важные нюансы и контекст, которые влияют на социальные процессы. Кратко данный закон можно сформулировать так: чем больше планируемых количественных показателей используются для принятия социальных решений, тем больше регулируемая сфера общественной жизни искажается, также увеличивается вероятность нарушения естественного хода социальных процессов, которые контролируются этими планируемыми показателями [Campbell D.T., 1979]. Грубо говоря, усилия людей все больше концентрируются на достижении формальных показателей, а не на реализации миссии организации.

Фармакологические когнитивные улучшения

Фармакологические когнитивные улучшения (ноотропы) — биотехнологические препараты, которые развивают память, усиливают когнитивные и интеллектуальные способности. Данные технологии также рассматриваются как способ «улучшения» человека и его способностей для достижения успеха в образовании. Выбор рассматривания ноотропов в данной статье обусловлен тем, что данные препараты — это не гипотетические технологии будущего, а то, что уже применяется в образовании для повышения эффективности, а кроме этого, также могут расцениваться как способы преодоления целого ряда важных проблем в сфере образования. К примеру, хотя одним из самых обсуждаемых рисков внедрения «улучшений» человека является проблема усиления неравенства, т.к. большинство технологий окажутся труднодоступными для людей с низким социально-экономическим положением (СЭП), существует и противоположная точка зрения, отстаивающая наличие положительных эффектов применения улучшений в сфере проблемы неравенства. Хотя на данный момент долгосрочные побочные эффекты употребления ноотропных препаратов не изучены [Куракин Д.Ю. и др., 2022, с. 61], существуют исследования, согласно которым наибольший эффект от применения

ноотропов наблюдается у людей с меньшим уровнем образования или более заметными когнитивными ограничениями [Куракин Д.Ю. и др., 2022, с. 57].

Именно на этом основании строятся аргументы, оспаривающие, что применение фармакологических когнитивных улучшений будет способствовать усилению неравенства; наоборот, применение данных препаратов будет способствовать сокращению разрыва в интеллектуальных способностях между людьми, а т.к. связь между менее сильными когнитивными функциями и бедностью доказана многочисленными исследованиями [Сапольски Р., 2019, с. 178–180], то наибольшую выгоду от их применения получают люди с низким СЭП. Одним из исследователей, который рассматривал связь проблемы социального неравенства и применения технологий когнитивных улучшений в образовании, является Ален Бьюкенен, который полагал, что необходимо обеспечить такой же широкий доступ к средствам когнитивного улучшения, как и к системе образования, т.к. обе данных сферы способствуют наиболее полноценной реализации человека. Кроме того, биологически улучшенный человек, имеющий более высокий уровень концентрации и работоспособности, сможет выбрать более успешную образовательную траекторию благодаря получению дополнительного образования [Куракин Д.Ю. и др., 2022, с. 226]. Также легализацию фармакологических когнитивных улучшений поддерживают сторонники движения трансгуманизма, к примеру, известный в том числе и исследованиями ИИ Ник Бостром [Bostrom N., Sandberg A., 2009].

Таким образом, допустим в качестве гипотезы исследования, что фармакологические когнитивные улучшения являются практикой, используемой в качестве помощи для учеников либо с низким СЭП, либо отстающих и имеющих низкие образовательные результаты, либо же, благодаря прогностическим способностям систем ИИ, для потенциально отстающих учеников; также, предположим, что внедрена комплексная система оценки образовательных результатов на основании технологий ИИ, ведущими стейкхолдерами которой являются коммерческие компании. Рассмотрим в качестве мысленного эксперимента, как в таком случае будет выглядеть образовательный процесс в массовой среднестатистической школе.

«Улучшенное» образование

Необходимость изменения прежде всего социальных особенностей функционирования системы образования для того, чтобы различные технологические инструменты действительно привнесли в него положительные изменения, мы продемонстрируем в рамках мысленного эксперимента, в котором в массовой школе произошло внедрение технологий ИИ и легализованы фармакологические когнитивные улучшения, при этом значительных социальных реформ и реструктуризаций не произошло, т.е., по сути, внедрение новых технологий происходит в условиях особенностей функционирования массовой школы, берущих свое начало в середине XIX в.

В силу того, что экзаменационная система хотя и в соответствующем трансформированном виде сохраняется, а кроме того, если раньше ученика оценивали только во время заранее запланированных тестов/контрольных, то теперь оценка происходит непрерывно, практически все действия ученика фиксируются в «цифровом портфолио», которое, заменяя тесты, может впоследствии использоваться в качестве критерия продолжения образования на более высокой ступени или при приеме на работу. Подобная система, таким образом, несет колоссальную опасность возникновения тотального надзора, именно поэтому для того, чтобы технологии на основе ИИ способствовали защите и укреплению основных прав человека, необходимо гарантировать прозрачность их применения и контроль со стороны пользователей [Даггэн С., 2020], что предполагает учет обратной связи самих участников образовательного процесса: прежде всего учеников и учителей, которые должны быть способны влиять на то, каким именно образом будет происходить внедрение ИИ-технологий.

Предположим, что в целях соблюдения данных прав у учеников и их родителей, а также учителей всегда есть доступ к информации о том, что и как фиксирует ИИ, т.е. проблем с доступом к цифровому портфолио нет, напротив, все данные доступны в любой момент в режиме реального времени.

Кажется правдоподобным то, что из-за такой тотальной фиксации практически каждого действия ученика во время обучения, а также постоянного контроля его образовательного пути

со стороны учителей и родителей, у него существенно возрастет уровень тревожности и снизится степень фокусирования внимания (ведь он знает, что каждое его действие фиксируется и если «что-то будет не так», его никогда не возьмут в престижный вуз/компанию), виртуальный ИИ-ассистент, для которого распознавание эмоций уже является выполнимой задачей и применяется на практике [Baker R.S., 2021], дает ученику следующую рекомендацию: «я вижу, что ты грустный и не сфокусированный, выпей фенотропил/модафинил, не грусти, давай дальше учиться». Для ИИ, который может добиться колоссального прогресса в распознавании эмоций, настоящая причина негативных эмоций с высокой вероятностью не будет доступна, ведь она заключается в неправильном способе постановки целей самому ИИ, при этом используя «таблетки» феноменально (на уровне фиксации видимого результата) проблема будет решена, по крайней мере тревожность снизится, а фокусирование возрастет.

Для ИИ это будет достижение цели: ученик снова вовлечен, значит целевые показатели достигаются. Предложенная схема действия ИИ будет таковой вследствие того, что основными креаторами решений на основе технологий ИИ в образовании являются, как уже отмечалось, EdTech-компании, часто ориентированные на коммерческие, более краткосрочные результаты, а не на образовательные модели реализации с отложенным результатом, а также и делающие больший упор на метрику вовлеченности и длительного удержания внимания пользователя (базовая схема монетизации современных технологических компаний в условиях цифровой экономики [Zuboff S., 2019]), следствием чего является то, что во многих образовательных приложениях и на многих платформах на самом деле оказывается крайне мало самого «образовательного» содержания, а их эффективность по сравнению с обычными методами обучения сомнительна [Hirsh-Pasek K. et al., 2015; Meyer M. et al., 2021; Kucirkova N., 2022]. Потому при сохранении указанной логики функционирования ИИ должен будет решить проблему как можно быстрее и с наименьшими издержками для скорейшего восстановления уровня вовлеченности и эффективности ученика.

Также дополнительным обоснованием таких действий ИИ может служить известный тезис об ортогональности, сформулированный Ником

Бостромом [Бостром Н., 2016], который утверждает, что интеллектуальные способности и цели могут быть независимыми друг от друга, т.е. если ИИ обладает высоким уровнем интеллектуальных способностей, это не гарантирует, что преследуемая им цель будет также разумна. В нашем примере ИИ будет преследовать цель повышения вовлеченности и стабилизации эмоционального состояния ученика с помощью ноотропов, при этом подчиняя этой цели все доступные ему средства, даже если в перспективе они вредны для самого ученика.

Предположим, что ИИ также уведомляет о данной ситуации и самого учителя, однако сможет ли он принять альтернативное решение? В статье М. Инона [Inon M., 2019] продемонстрировано, что применение фармакологических средств искажает эмоциональные реакции учеников, что влечет за собой неправильную интерпретацию учителем образовательной ситуации, и проблем, которые могут возникнуть: «Если, чтобы справиться с постоянным зудом в руке, я применяю анестезию, то в процессе этого действия я теряю ценную информацию. Иногда это действительно может быть правильным поступком, однако могут быть исключения. Зуд может быть сигналом того, что происходит что-то более серьезное, и я должен это проверить. Если в классе я даю таблетки непослушным и шумным детям, чтобы заставить их вести себя так, как я хочу, я тоже теряю ценную информацию. Есть бесчисленное множество причин, по которым ребенок ведет себя так, а не иначе, и роль воспитателя частично состоит в том, чтобы активно интерпретировать эту ситуацию» (перевод наш. — А.Ф.) [Inon M., 2019, p. 64].

Аргументация М. Инона строится на том, что применение фармакологических когнитивных улучшений имеет не только этическое измерение опасений, но и эпистемологическое: их использование может исказить понимание образовательной ситуации и повысить сложность ее интерпретации. К примеру, если использование ноотропов позволяет ученику одинаково концентрироваться как на изучении математики, так и английского языка, то это затруднит для него понимание того, к чему у него существует большая склонность и интерес. Также это касается и способов преподавания учебного материала: ноотропы могут позволить одинаково сосредоточиться на обучении с учителями, использующими различные стили преподавания,

что затруднит понимание учеником того, какой стиль ему больше подходит [Inon M., 2019].

Таким образом, с учетом того, что исходя из принятой нами предпосылки легализации фармакологических улучшений для потенциально отстающих учеников, и того, как замечает М. Инон, что массовое производство ноотропов гораздо проще и дешевле, чем другие способы улучшения образовательных результатов (увеличение зарплаты учителей, обновление материальной базы школы и проч.) [Inon M., 2019, p. 66], а также «закона Кэмбелла», который повлечет за собой с учетом сохранения ориентации образования на формальное измерение эффективности, пускай и новым способом перманентного оценивания, представляется, что для учителя будет крайне сложной задачей «активно интерпретировать ситуацию» и поступить иначе. Ведь вместо сравнительно легко достижимого формального показателя образовательной эффективности ученика (что может быть также и критерием рейтинга школы), который станет следствием применения «таблеток», учителю придется выбрать альтернативный путь. В условиях массовой школы, когда для учителя затруднена сама возможность персональной и адресной помощи ученикам, а также выявленного давления рейтинговых систем, представляется, что возможность несогласия с рекомендацией ИИ крайне затруднена.

Хотя неолиберальная ориентация на рейтинги и формальное измерение эффективности образования может расцениваться как менее актуальная для российского контекста (к примеру, термин «образовательная услуга» был недавно изъят из закона «Об образовании» [Федеральный закон от 14.07.2022 N 295-ФЗ]), тем не менее в ряде исследований фиксируется, что и российские педагоги массовой школы часто ориентируются на достижение формальных показателей эффективности в виде стандартизированных экзаменов [Добрякова М.С. и др., 2018]. В других исследованиях показано, что для российского контекста массовой школы характерна невысокая агентность учителя [Гаси́нец М.В. и др., 2022], поэтому в указанной гипотетической ситуации рекомендаций ИИ практически нет.

Таким образом, изложенная выше гипотетическая модель совместной реализации технологий ИИ и фармакологических улучшений имеет следующую структуру:

Первая посылка. Система оценивания/экзаменов является основным критерием демонстрации эффективности системы образования и «социального признания» квалификации индивида. Хотя и существуют большие сомнения в ее эффективности в силу такого рода укорененности в широком контексте социальных норм, предполагается скорее трансформация указанного механизма, а не его ликвидация.

Вторая посылка. ИИ применяется для формирования комплексной (перманентной системы оценки), т.к. является более «объективным» способом фиксации образовательных результатов с помощью формирования «цифрового портфолио», его главная цель — повышение успеваемости учеников.

Третья посылка. Легализовано применение фармакологических когнитивных улучшений в системе образования в качестве метода терапии для отстающих учеников.

Первое следствие. Трансформация системы оценивания с помощью ИИ вызовет увеличение давления на учащихся, повышение тревожности (фиксируется каждый шаг), и, как следствие, снижения фокусирования внимания и вовлеченности. Так же как сейчас единичные экзамены — это стрессовая ситуация, «перманентный экзамен» с помощью ИИ может сформировать непрерывное стрессовое состояние.

Второе следствие. ИИ распознает указанное эмоциональное состояние и для его ликвидации рекомендует ученику применение ноотропа, что с точки зрения ИИ является решением проблемы, и на уровне фиксации видимого краткосрочного результата это действительно так.

Третье следствие. Хотя ИИ информирует учителя о данной ситуации, однако он с достаточно высокой вероятностью согласится с рекомендацией ИИ, т.к. это приведет к быстрому достижению формальных показателей (деформация сущности образовательного процесса вследствие «закона Кэмпбелла»), которые также являются и критериями успешности как работы учителя, так и школы (возможности работы ИИ с данными позволяют формировать и постоянно обновлять рейтинг ученика, школы, педагога, поэтому решать проблему следует как можно быстрее).

Вывод: Технологии ИИ и фармакологического вмешательства, призванные «улучшить» образовательный опыт всех участников образовательного процесса при сохранении системы

«социального признания» эффективности образования с помощью формальных показателей (единичных или непрерывных), а также с учетом самих особенностей функционирования массовой школы, не приведет к улучшению образовательного опыта, несмотря на значительный потенциал самих технологий.

Заключение

В статье было рассмотрено гипотетическое синхронное внедрение технологий ИИ и фармакологических когнитивных улучшений на примере системы оценки в условиях особенностей функционирования массовой школы. Было установлено, что аналогично внедрению биометрии, технологии ИИ с большей вероятностью и быстрее будут внедрены в депрессонализованную и формализованную образовательную среду массовой школы, усиливая ее ориентацию на достижение количественных показателей эффективности в виде перманентно обновляющегося рейтинга учеников/школ. При этом легализация фармакологических когнитивных улучшений со своей стороны также будет усиливать неолиберальный подход в образовании и приведет к затруднению в корректной интерпретации поведения учеников.

Таким образом, ориентирование сферы образования на выполнение принципов экономической ликвидности и эффективности является не только достаточно спорным в смысле этическом, но и в долгосрочной перспективе не приведет и к повышению экономической эффективности в силу того, что при устранении гуманистических смыслов и целей образования оно постепенно утрачивает и свою главную функцию — формирование человеческой личности, ведь обезличенные «люди-объекты» едва ли смогут эффективно решать производственные задачи в условиях глобальных вызовов, социальной турбулентности и войн за ценности и смыслы, столь характерных для наших дней.

Данные выводы не направлены на отрицание существенных перспектив применения ИИ в образовании, также как и на отрицание терапевтического смысла применения фармакологических когнитивных улучшений, однако их положительный потенциал может быть девальвирован при условии сохранения структуры массовой школы, а также преобладании ориентации на социальную видимость результатов образования.

Стоит отметить, что в наши дни можно наблюдать и определенные положительные тенденции в падении значимости дипломов и формальных квалификационных сертификатов в некоторых сферах занятости, выраженной персонализации образовательного процесса и учете индивидуальных особенностей каждого ученика, в том числе и с помощью технологий ИИ.

Таким образом, при наличии правильной стратегии внедрения технологий ИИ и фармакологических когнитивных улучшений, а также возвращения гуманистически-смыслового подхода к целям и задачам образования, открывается возможность для значительных положительных результатов использования технологических инструментов. Однако в случае отсутствия последнего компонента возрастают риски получения негативных результатов от технологической трансформации образования.

Список литературы

Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 490 с.

Гасинец М.В., Капуза А.В., Добрякова М.С. Агентность учителей в формировании учебного успеха школьников: роли и убеждения // Вопросы образования. 2022. № 1. С. 75–97. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-1-75-97>

Грэм П. Почему от хороших отметок столько вреда: пер. с англ. / Идеономика. 2020. 21 янв. URL: <https://ideanomics.ru/articles/19736> (дата обращения: 21.02.2023).

Даггэн С. Искусственный интеллект в образовании: Изменение темпов обучения. Аналитическая записка ИИТО ЮНЕСКО / пер. с англ. А.В. Паршакова. М.: Ин-т ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, 2020. 44 с.

Добрякова М.С., Юрченко О.В., Новикова Е.Г. Навыки XXI века в российской школе: взгляд педагогов и родителей. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 72 с.

Кожевникова М.Н., Асмолов А.Г., Борисов С.В., Брызгалова Е.В. и др. Образование человека в третьем тысячелетии: проблемы, цели и ценности образования в современном мире (круглый стол) // Ценности и смыслы. 2021. № 6(76). С. 117–149.

Куракин Д.Ю., Кислицын Д.В., Воронина Н.Д., Нагерняк М.А. и др. Укрепление человека в меняющемся мире: Возможности, вызовы и риски / под науч. ред. Д.Ю. Куракина; НИУ ВШЭ. М.: Эгитас, 2022. 313 с.

Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: https://base.garant.ru/72838946/#block_1000 (дата обращения: 21.02.2023).

Очкина А.В. Образование как фиктивный капитал: кризис социальной значимости знания // Логос. 2018. Т. 28, № 6. С. 105–130. DOI: <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2018-6-105-128>

Паспорт стратегии Цифровая трансформация образования. 2021. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/267a55edc9394c4fd7db31026f68f2dd/download/4030/> (дата обращения: 21.02.2023).

Сапольски Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 766 с.

Федеральный закон от 14.07.2022 N 295-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140031> (дата обращения: 21.02.2023).

Холмс У., Бялик М., Фейдл Ч. Искусственный интеллект в образовании: Перспективы и проблемы для преподавания и обучения. М.: Альпина ПРО, 2022. 304 с.

Baker R.S. Artificial Intelligence in Education: Bringing It All Together // OECD Digital Education Outlook 2021: Pushing the Frontiers with Artificial Intelligence, Blockchain and Robots. Paris, FR: OECD, 2021. P. 43–56. DOI: <https://doi.org/10.1787/f54ea644-en>

Bostrom N., Sandber A. Cognitive Enhancement: Methods, Ethics, Regulatory Challenges // Science and Engineering Ethics. 2009. Vol. 15, iss. 3. P. 311–341. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11948-009-9142-5>

Brown W. Undoing the Demos. Neoliberalism’s Stealth Revolution. N.Y.: Zone Books, 2015. 296 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt17kk9p8>

Campbell D.T. Assessing the Impact of Planned Social Change // Evaluation and Program Planning. 1979. Vol. 2, iss. 1. P. 67–90. DOI: [https://doi.org/10.1016/0149-7189\(79\)90048-x](https://doi.org/10.1016/0149-7189(79)90048-x)

Guan Ch., Mou J., Jiang Zh. Artificial Intelligence Innovation in Education: A Twenty-Year Data-Driven Historical Analysis // International Journal of Innovation Studies. 2020. Vol. 4, iss. 4. P. 134–147. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijis.2020.09.001>

Hernandez de Menndez M, Morales-Menendez R., Escobar C., Arinez J. Biometric applications in education // International Journal on Interactive Design and Manufacturing. 2021. Vol. 15, iss. 2–3. P. 365–380. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12008-021-00760-6>

Hirsh-Pasek K., Zosh J.M., Golinkoff R.M., Gray J.H., Robb M.B., Kaufman J. Putting Education in «Educational» Apps: Lessons From the Science of Learning // *Psychological Science in the Public Interest*. 2015. Vol. 16, iss. 1. P. 3–34. DOI: <https://doi.org/10.1177/1529100615569721>

Inon M. Fooled by «smart drugs» — why shouldn't pharmacological cognitive enhancement be liberally used in education? // *Ethics and Education*. 2019. Vol. 14, iss. 1. P. 54–69. DOI: <https://doi.org/10.1080/17449642.2018.1538713>

Kucirkova N. Opinion: EdTech has not lived up to its promises — here's how to turn that around / World Economic Forum. 2022. Jul. 12. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2022/07/edtech-has-not-lived-up-to-its-promises-heres-how-to-turn-that-around/> (accessed: 21.02.2023).

Leaton Gray S. Artificial Intelligence in Schools: Towards a Democratic Future // *London Review of Education*. 2020. Vol. 18, iss. 2. P. 163–177. DOI: <https://doi.org/10.14324/lre.18.2.02>

Leaton Gray S. Biometrics in schools: the role of authentic and inauthentic social transactions // BSA annual conference 2017: «Recovering the Social: Personal Troubles and Public Issues» (April 4–6, 2017). Manchester, UK, 2017. URL: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1545213> (accessed: 21.02.2023).

Meyer M., Zosh J.M., McLaren C., Robb M. et al. How educational are «educational» apps for young children? App store content analysis using the Four Pillars of Learning framework // *Journal of Children and Media*. 2021. Vol. 15, iss. 4. P. 526–548. DOI: <https://doi.org/10.1080/17482798.2021.1882516>

Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. N.Y.: Public Affairs, 2019. 704 p.

References

Baker, R.S. (2021). Artificial intelligence in education: Bringing it all together. *OECD Digital Education Outlook 2021: Pushing the Frontiers with Artificial Intelligence, Blockchain and Robots*. Paris: OECD Publ., pp. 43–56. DOI: <https://doi.org/10.1787/f54ea644-en>

Bostrom, N. (2016). *Iskusstvennyy intellekt. Etapy. Ugrozy. Strategii*. [Superintelligence: paths, dangers, strategies]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber Publ., 490 p.

Bostrom, N. and Sandberg, A. (2009). Cognitive enhancement: Methods, ethics, regulatory challenges. *Science and Engineering Ethics*. Vol. 15, iss. 3,

pp. 311–341. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11948-009-9142-5>

Brown, W. (2015). *Undoing the demos: Neoliberalism's stealth revolution*. New York: Zone Books Publ., 296 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt17kk9p8>

Campbell, D.T. (1979). Assessing the impact of planned social change. *Evaluation and Program Planning*. Vol. 2, iss. 1, pp. 67–90. DOI: [https://doi.org/10.1016/0149-7189\(79\)90048-x](https://doi.org/10.1016/0149-7189(79)90048-x)

Dobryakova, M.S., Yurchenko, O.V. and Novikova, E.G. (2018). *Navyki XXI veka v rossiyskoy shkole: vzglyad pedagogov i roditeley* [21st century skills in Russian school: The view of teachers and parents]. Moscow: HSE Publ., 72 p.

Duggan, S. (2020). *Iskusstvennyy intellekt v obrazovanii: Izmenenie tempov obucheniya. Analiticheskaya zapiska IITO YUNESKO* [AI in education: Change at the speed of learning. UNESCO IITE Policy Brief]. Moscow: UNESCO IITE Publ., 44 p.

Federal'nyy zakon ot 14.07.2022 N 295-FZ «O vnesenii izmenenii v Federalnyy zakon "Ob obrazovanii v Rossiiskoy Federatsii"» [Federal Law No. 295-FZ of July 14, 2022 «On amending the Federal Law "On Education in the Russian Federation"»]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140031> (accessed 21.02.2023).

Gasinets, M.V., Kapuza, A.V. and Dobryakova, M.S. (2022). [Teachers' agency in shaping the educational success of schoolchildren: Roles and beliefs]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow]. No. 1, pp. 75–97. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-1-75-97>

Graham, P. (2020). *Pochemu ot khoroshikh otmetok stol'ko vreda* [Why good grades do so much harm?]. *Ideonomika*, Jan. 21. Available at: <https://ideanomics.ru/articles/19736> (accessed 21.02.2023).

Guan, Ch., Mou, J. and Jiang, Zh. (2020). Artificial intelligence innovation in education: A twenty-year data-driven historical analysis. *International Journal of Innovation Studies*. Vol. 4, iss. 4, pp. 134–147. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijis.2020.09.001>

Hernandez de Menendez, M., Morales-Menendez, R., Escobar, C. and Arinez, J. (2021). Biometric applications in education. *International Journal on Interactive Design and Manufacturing*. Vol. 15, iss. 2–3, pp. 365–380. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12008-021-00760-6>

Hirsh-Pasek, K., Zosh, J.M., Golinkoff, R.M., Gray, J.H., Robb, M.B. and Kaufman, J. (2015). Putting education in «Educational» apps: Lessons from the science of learning. *Psychological Science in the*

Public Interest. Vol. 16, iss. 1, pp. 3–34. DOI: <https://doi.org/10.1177/1529100615569721>

Holmes, W., Bialik, M. and Feidl, Ch. (2022). *Iskusstvennyy intellekt v obrazovanii: Perspektivy i problemy dlya prepodavaniya i obucheniya* [Artificial intelligence in education: Promises and implications for teaching and learning]. Moscow: Al'pina PRO Publ., 304 p.

Inon, M. (2019). Fooled by «smart drugs» — why shouldn't pharmacological cognitive enhancement be liberally used in education? *Ethics and Education*. Vol. 14, iss. 1, pp. 54–69. DOI: <https://doi.org/10.1080/17449642.2018.1538713>

Kozhevnikova, M.N., Asmolov, A.G., Borisov, S.V., Bryzgalina, Ye.V. et al. (2021). [Human education in the third Millennium: problems, goals and values of education in the modern world (round table)]. *Tsennosti i smysly* [Values and Meanings]. No. 6(76), pp. 117–149.

Kucirkova, N. (2022). *Opinion: EdTech has not lived up to its promises — here's how to turn that around*. World Economic Forum, Jul. 12. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2022/07/edtech-has-not-lived-up-to-its-promises-heres-how-to-turn-that-around/> (accessed 21.02.2023).

Kurakin, D.Yu., Kislitsyn, D.V., Voronina, N.D., Nagernyak, M.A. et al. (2022). *Ukrepnenie cheloveka v menayushchetsya mire: Vozmozhnosti, vyzovy i riski, pod red. D.Yu. Kurakina* [D.Yu. Kurakin (ed) Strengthening of the human in the changing world: Opportunities, challenges and risks]. Moscow: Egita Publ., 313 p.

Leaton Gray, S. (2017). Biometrics in schools: the role of authentic and inauthentic social transactions. *BSA annual conference 2017: «Recovering the Social: Personal Troubles and Public Issues» (April 4–6, 2017)*. Manchester, UK. Available at: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1545213> (accessed 21.02.2023).

Leaton Gray, S. (2020). Artificial intelligence in schools: Towards a democratic future. *London Review of Education*. Vol. 18, iss. 2, pp. 163–177. DOI: <https://doi.org/10.14324/lre.18.2.02>

Meyer, M., Zosh, J.M., McLaren, C., Robb, M. et al. (2021). How educational are «educational» apps for young children? App store content analysis using the Four Pillars of Learning framework. *Journal of Children and Media*. Vol. 15, iss. 4, pp. 526–548.

DOI: <https://doi.org/10.1080/17482798.2021.1882516>
Ukaz Prezidenta RF ot 10.10.2019 N 490 «O razvitiy iskusstvennogo intellekta v Rossiyskoy Federatsii» [Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of October 10, 2019 «On the development of artificial intelligence in the Russian Federation»]. Available at: https://base.garant.ru/72838946/#block_1000 (accessed 21.02.2023).

Ochkina, A.V. (2018). [Education as a fictitious capital: Crisis of the social significance of knowledge]. *Logos*. Vol. 28, no. 6, pp. 105–130. DOI: <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2018-6-105-128>

Passport strategii Tsifrovaya transformatsiya obrazovaniya (2021) [Passport of the digital transformation of education strategy]. Available at: <https://docs.edu.gov.ru/document/267a55edc9394c4fd7db31026f68f2dd/download/4030/> (accessed 21.02.2023).

Sapol'skiy, R. (2019). *Biologiya dobra i zla. Kak nauka ob 'yasnyaet nashi postupki* [BEHAVE: The biology of humans at our best and worst]. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ., 766 p.

Zuboff, S. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York: Public Affairs Publ., 704 p.

Об авторе

Федорова Александра Михайловна
 аспирант кафедры философии образования
 Московский государственный университет
 им. М.В. Ломоносова,
 119991, Москва, Ломоносовский пр., 27/4;
 e-mail: a.m.fedorovaa@gmail.com
 ResearcherID: HNS-8480-2023

About the author

Alexandra M. Fedorova
 Postgraduate Student of the Department
 of Philosophy of Education

Lomonosov Moscow State University,
 27/4, Lomonosovskiy av., Moscow, 119991, Russia;
 e-mail: a.m.fedorovaa@gmail.com
 ResearcherID: HNS-8480-2023

УДК 1:[316.3:004]–053.6

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-349-364>

Поступила: 01.08.2023

Принята: 26.08.2023

Опубликована: 06.10.2023

ТРЕВОЖНЫЕ МЫСЛИ ФИЛОСОФА ПО ПОВОДУ ОСОБЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ТОТАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Мусаелян Лева Асканазович

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Россия в настоящее время сталкивается с глобальными вызовами и угрозами. На переломных этапах истории молодежь — главный мобилизационный ресурс страны. Потенциал этого ресурса зависит от эффективности существующей системы образования. Дигитализация общественной жизни — одна из важных современных тенденций, которая затронула и систему образования. В статье показывается, что цифровизация диктует изменения характера отношений на всех уровнях социальных институтов. Это касается отношений власти и народа, информационной политики государства. Цифровизация изменила отношения между субъектами образовательного процесса, усложнила работу преподавателя, повысила его профессиональную и гражданскую ответственность перед обществом. Автор не разделяет эйфорию относительно возможностей реализации цифровых технологий в образовании. Их масштабное применение в человекоцентричных дисциплинах контрпродуктивно. Сегодня как никогда остро стоит вопрос: какова цель учебной деятельности преподавателя? Ответ же на этот вопрос дает парадигма, лежащая в основе образовательного процесса. Сама концепция образования определяется государственной идеологией страны. Но в России нет государственной идеологии. По мнению автора, Россия нуждается в четко артикулируемой властями государственной идеологии, выражающей национальные интересы страны и, конечно, новые, привлекательные для молодежи смысложизненные ценности и социальные идеалы, которые должны быть отражены в образовательном процессе.

Ключевые слова: цифровизация, общество, молодежь, образование, неолиберальный капитализм, образовательный процесс, информационный ресурс, идеология.

Для цитирования:

Мусаелян Л.А. Тревожные мысли философа по поводу особенностей современной общественной жизни и некоторых проблем образования в эпоху тотальной цифровизации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 349–364. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-349-364>

A PHILOSOPHER'S ANXIOUS REFLECTIONS ON MODERN SOCIAL LIFE AND SOME PROBLEMS OF EDUCATION IN THE ERA OF TOTAL DIGITALIZATION

Lyeva A. Musayelyan

Perm State University (Perm)

Russia is currently facing global challenges and threats. At the turning points in history, youth is the country's main mobilization resource. The potential of this resource depends on the effectiveness of the existing educational system. The digitalization of public life is one of the important modern trends and it affects, among other spheres, the system of education. The article shows that digitalization dictates changes in the nature of relations at all levels of social institutions. This concerns the relationship between the authorities and the people, the information policy of the state. Digitalization has changed the relations between the subjects of the educational process, has complicated the work of the teacher, increased his professional and civic responsibility to society. The author does not share the euphoria about the possibilities of using digital technologies in education. Their large-scale application in human-centered disciplines is counterproductive. Today, more than ever, of particular importance is the question about the purpose of the teacher's educational activity. The answer to this question is provided by the paradigm underlying the educational process. The concept of education is determined by the state ideology of the country. However, there is no state ideology in Russia. According to the author, Russia needs a clearly defined state ideology that would express the national interests of the country as well as provide new life-meaning values and social ideals that are attractive to young people and should be reflected in the educational process.

Keywords: digitalization, society, youth, education, neoliberal capitalism, educational process, information resource, ideology.

To cite:

Musayelyan L.A. [A philosopher's anxious reflections on modern social life and some problems of education in the era of total digitalization]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 3, pp. 349–364 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-349-364>

Введение

Многоаспектный характер кризиса современной цивилизации [Бжезинский З., 2015; Гэмбл Э., 2018; Главная книга о кризисе, 2009; Мусаелян Л.А., 2016; Сорос Дж., 1999] обернулся глобальными вызовами и экзистенциальными угрозами России. Против нашей страны коллективный Запад развернул гибридную войну. Цели Запада в этом противостоянии — сдержать развитие России, консервировать ее технологическое отставание, элиминировать духовные скрепы, объединяющие ее народы, разрушить государственность. Значимым компонентом этой гибридной войны является ин-

формационно-психологическая агрессия Запада против нашей страны. Объектом этой агрессии является население России, но прежде всего — ее молодежь, которая в немалой своей части не обладает сформировавшимся мировоззрением, устойчивыми убеждениями и жизненными принципами. Попытка повлиять на молодежь, трансформировать ее сознание, добиться ее десоверенизации и десубъективизации не является случайностью, поскольку молодежь в любой стране — это важный ресурс мобилизации общества, определяющий его жизнеспособность [Манхейм К., 2010, с. 571–572]. Историческая миссия молодежи заключается в том, что, с одной стороны, она перенимает опыт, традиции,

духовно-нравственные ценности предшествующих поколений и, таким образом, сохраняет культурно-исторический код народа, его цивилизационную самобытность, а с другой, она легко усваивает последние достижения науки и техники, активно участвует во внедрении новых технологий в общественное производство и в силу этого становится мотором инновационного развития страны. Молодежь выполняет эту свою историческую миссию, если успешно проходит социализацию через эффективно функционирующую систему образования. История Германии, Франции, Японии и других стран, в том числе и нашей, свидетельствует о том, что качественная система образования является условием и фактором мощного научно-технического прогресса и успешного ответа на внутренние и внешние вызовы. В конце пятидесятых годов прошлого века советская система образования была признана одной из лучших в мире. Отсюда и успехи советской науки той эпохи — семь лауреатов Нобелевской премии, пионерские достижения в освоении космоса, создание ракетно-ядерного щита государства. Это и многое другое, чем пользуется современное поколение нашей страны, были бы невозможны без качественной системы образования.

Образование — чрезвычайно инерционная сфера. Но чтобы отвечать на постоянно изменяющиеся запросы общества, она должна развиваться, применять передовые образовательные технологии и дидактические практики, соответствующие задачам образования и субъектам образовательного процесса.

Цифровая революция и ее объективная обусловленность

Цифровизация является одним из самых значимых веяний последнего времени, которая буквально вторглась во все сферы общественной жизни, породив противоречивые ожидания перспектив человечества [Ракитов А.И., 2016; Буданов В.Г., 2016; Петрова Е.В., 2022]. По масштабам и глубине влияния на современное общество происходящие процессы не без основания характеризуют как цифровую революцию [Спирова Э.М., 2020]. Она способствует возникновению нового технологического уклада и переломного этапа истории, радикально меняющего образ жизни человечества [Шваб К., 2016]. Цифровизация началась в тех-

нологически развитых странах, а затем распространилась по всему миру. Словом, цифровизация стала глобальным феноменом. Не лишне отметить, что глобализация в своей очевидности дала о себе знать в результате дигитализации коммуникативных технологий и возникновения единого (глобального) виртуального пространства. По скорости и масштабам распространения цифровизации ее можно определить как своеобразную «интеллектуальную пандемию», охватившую все человечество.

Но любая пандемия имеет свое начало и конец. Не постигнет ли цифровизацию участь многих модных в прошлом массовых интеллектуальных увлечений, о которых в настоящее время мало кто помнит? В шестидесятых годах прошлого века после длительного забвения в центре внимания научного сообщества оказалась кибернетика. Затем возник интерес к научно-техническому прогрессу и научно-технической революции. Позже в фокусе массового научного внимания оказалась синергетика. Во второй половине восьмидесятых годов власть призывает ученых страны интенсифицировать исследования человеческого фактора. В демократической России интерес к человеку и человеческому измерению как-то угас, зато появилась масса публикаций, посвященных проблеме постиндустриального общества. Отвечая на поставленный выше вопрос, уместно вспомнить И. Канта, который в математизации науки видел свидетельство ее зрелости. «...В любом частном учении о природе, — отмечал немецкий мыслитель, — можно найти науки в *собственном* смысле лишь столько, сколько имеется в ней *математики*» [Кант И., 1966, с. 58]. Цифровизация, с одной стороны, есть естественный, объективный процесс, обусловленный логикой развития науки, развертывания научно-технической революции, смены технологий. С другой стороны, это в некоторой степени управляемый процесс, который не мог обойти систему образования, являющуюся важным инновационным фактором развития общества [Храпов С.А., Баева Л.В., 2022, с. 17–18]. Почему цифровизацию можно рассматривать, хотя и с оговорками, как управляемый процесс? Дигитализация сфер общественной жизни началась с формированием глобального неолиберального капитализма. Что для современного капитала является основным мотивом цифровизации материального производства, фи-

нансовой сферы, средств коммуникации и т.д.? Очевидно, экономический интерес. Экономическая целесообразность и потребность в повышении эффективности деятельности субъектов образовательного процесса являются мотивами цифровизации системы образования [Обухов А.С., Томилина М.В., 2021]. Отметим, что по времени с эпохой глобального неолиберального капитализма теоретики постиндустриализма связывали глубокие технологические изменения в общественном производстве — замену механических и электромеханических средств на электронные и превращение информации в основной ресурс развития общества [Белл Д., 2004; Мусаелян Л.А., 2005].

Факторы цифровизации образования

Реформы девяностых годов у нас в стране привели к коммерциализации всех сфер общественной жизни, в том числе и социальной, которая в течение тридцати лет финансировалась лишь настолько, чтобы она могла сохранить свое существование. Учреждения образования, включенные в рыночные отношения, превратились в хозяйствующих субъектов по предоставлению образовательных услуг. Рынок значительно изменил мотив и задачи деятельности образовательных учреждений. Многолетнее хроническое недофинансирование вынуждает образовательные учреждения зарабатывать, а успешное решение этой задачи диктует подчиняться законам рынка. Отметим два из них. Эффективным является деятельность, которая позволяет получить максимум прибыли при минимальных издержках. Продукт, выпускаемый образовательным учреждением, теперь уже товар, который должен быть легко продан. Значит, потребительские качества этого товара определяются уже большей частью не запросами государства, интересами общества, а потребностями рынка. Эти потребности диктуют подготовку выпускников, обладающих профессиональными практико-ориентированными конкретными знаниями и компетенциями. Принципы функционирования рынка и его запросы способствовали существенному сокращению и даже полной элиминации из многих учебных программ теоретических и социально-гуманитарных дисциплин, формирующих у выпускника вуза глубокие знания и убеждения, которые плохо монетизируются или не монетизируются вовсе. Воспита-

тельная работа преподавателя, являющаяся неотъемлемым компонентом нормального учебного процесса, также исчезла из учебных учреждений. Это и понятно, поскольку результаты такой работы не монетизируются. Более того, убеждения, нравственные принципы в условиях высокой конкуренции на рынке труда могут быть помехой для удачного трудоустройства. Как уже отмечалось, по экономическим соображениям вуз заинтересован давать студенту лишь необходимый минимум профессиональных знаний, позволяющих ему владельцу выполнять определенные исполнительские («рецептурные») функции. По существу, такими являются профессиональные возможности бакалавра. При изменяющейся конъюнктуре рынка, практически ориентированные профессиональные знания быстро устаревают, и выпускник для сохранения своей конкурентоспособности вынужден через некоторое время снова обратиться в вуз для переподготовки. Понятно, что эти услуги вуз предоставляет на коммерческой основе. Поэтому учебные учреждения, если руководствоваться правилами рынка, а иного не дано, не заинтересованы давать студенту глубокие фундаментальные знания, способствующие развитию человека как универсального существа, расширяющие его эвристические и функциональные возможности. Бесспорно, это противоречит предназначению вуза. Но таковы законы рынка. То, во что нельзя вложить деньги для их приращения, бессмысленно в своем существовании. Рынок, как отмечал Дж. Сорос, лишен морали. «Рынки аморальны: они позволяют людям действовать в соответствии с собственными эгоистическими интересами и даже налагает определенные ограничения на тех, чьи интересы пересекаются, но не выносит моральных суждений о сути этих интересов» [Сорос Дж., 2004, с. 21]. Это еще одна причина элиминации из учебного процесса воспитательной функции. В результате у нас в стране после реформ в системе образования сформировалось поколение молодых людей, у которых отсутствует знание традиционных духовно-нравственных ценностей, позволяющих идентифицировать себя с Россией. Как уже отмечалось выше, идеологической основой проведенных в России реформ, в том числе в сфере образования, был неолиберализм. Поэтому цифровизация, способствующая росту экономиче-

ской эффективности, получила распространение в системе образования. В официальных документах страны, определяющих основные направления развития российской системы образования на последние десятилетия, указывается на необходимость цифровой трансформации государственных учебных заведений [Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ; Постановление Правительства РФ от 04.10.2000 N 751]. Цифровизация системы образования России, которая осуществлялась быстрыми темпами, позволила без больших потерь продолжить обучение школьников и студентов в период пандемии. Как справедливо отмечается в аналитике, дистант был бы невозможен, если образовательные технологии, включающие цифровые и технические средства, ускоренно не развивались в стране до пандемии [Обухов А.С., Томилина М.В., 2021, с. 53]. Немаловажным условием успешной работы образовательных учреждений страны во время пандемии была высокая цифровая грамотность субъектов образовательного процесса. Она достигла у преподавателей школ и вузов 87–88 %, а у детей и молодежи 73–77 % соответственно [Обухов А.С., Томилина М.В., 2021, с. 55].

Результаты цифровизации образования в России

Каковы положительные результаты цифровизации образования в нашей стране? Как подмечено в аналитике, она расширила возможности обучающихся в выборе собственной образовательной траектории, целей и темпов обучения. При оптимальных условиях это должно способствовать повышению эффективности обучения. Дигитализация образовательного процесса рельефно проявилась и в сфере менеджмента. Благодаря использованию специального программного обеспечения в учебных заведениях России, изменилась технология организации и управления учебным процессом. Но как уже отмечалось, в условиях коммерциализации системы образования более значимым мотивом ее цифровизации был экономический интерес. Новые технологии позволяли образовательным учреждениям существенно разнообразить формы и спектр образовательных услуг. Вузы стали активно предлагать преимущественно в формате онлайн-обучения дополнительное непрерывное образование, различные курсы переподготовки и по-

вышения квалификации. Согласно некоторым экспертным данным, рынок образовательных услуг с применением новых технологий в 2018 г. оценивался в 60 млрд. руб. [Ларьяновский А.В., 2019]. Несмотря на высокие темпы роста новых образовательных технологий в России, ее доля в сегменте мирового рынка пока чрезвычайно мала. По разным экспертным оценкам она составляет от 0,5 до 1,5 % [Обухов А.С., Томилина М.В., 2021, с. 56].

Дигитализация общественной жизни и формирование новой социальной реальности

Как отмечалось ранее, дигитализация различных сфер общественной жизни началась с возникновения глобального неолиберального капитализма. Его формирование было обусловлено возникновением мировых (глобальных) финансовых рынков [Сорос Дж., 2004, с. 17], которые для быстрого осуществления транзакций нуждались в новых цифровых технологиях. Возможность своевременно получать, быстро перерабатывать соответствующую информацию во многом определяла успех транснациональных финансовых компаний на мировых рынках капитала. Как уже отмечалось, теоретики постиндустриализма хорошо уловили эту особенность функционирования финансового капитала, придя к выводу о том, что в новую эпоху информация становится определяющим фактором прогресса. Цифровые технологии способствовали гигантскому росту финансово-спекулятивного капитала Запада, особенно в США, где он занял командные высоты в экономике, политике, СМИ и в определенной мере в духовной жизни. Можно сказать, что дигитализация различных сфер общественной жизни в немалой степени способствовала возникновению монополярного мира во главе с США. Одновременно цифровизация породила глобальную виртуальную реальность. Симптоматично то, что интернет был изобретен в одной из технологично наиболее развитых стран мира — в США. Далеко не случайно и то, что именно в этой стране государство преуспело в использовании возможностей информационно-коммуникативных технологий для контроля не только собственных граждан, но и сотен миллионов человек по всему миру. Понятно, что в технологически развитых странах также используются возможности новых цифровых техноло-

гий для получения нужных для различных спецслужб информации. Видеокамеры и подслушивающие устройства стали в урбанизированных и развитых странах повседневностью. Конечно, это объясняется благими намерениями — обеспечить безопасность граждан и государства. Но так или иначе вывод напрашивается вполне определенный: одним из негативных последствий дигитализации общественной жизни явилось вхождение человечества в «оруэлловский мир», где как минимум половина мирового сообщества находится под бдительным оком «большого брата». Субъективность сознания, его интимность, закрытость для другого является необходимым условием свободы человека как социального существа. И если мысли человека, его намерения становятся достоянием «большого брата», используются для манипулирования его сознанием, контроля его поведения, давления на него, это означает, что человек потерял свою автономию, свою свободу. Свобода есть прежде всего возможность выбора целей, способов и средств их достижения. Можно сказать, что свобода позволяет человеку наполнять свою жизнь смыслом, иначе, выводить свое существование за границы наличного бытия. Этим отличается жизнь человека как социального существа от существования животных. Изложенное дает основание для вывода, что цифровизация способствовала не только формированию нового типа тоталитаризма, но в определенной мере расчеловечиванию человеческой сущности. Ситуация усугубляется еще тем, что в последние три десятилетия все более демонстративно функцию «большого брата» взяли на себя США, ставшие во главе монополярного мира. Впервые в истории возник тоталитаризм, имеющий глобальный характер. Этот тоталитаризм, опирающийся на идеологию неолиберализма, пытается монополизировать мировой исторический процесс, как это в прошлом пыталась сделать фашистская Германия [Якеменко Б.Г., 2023, с. 10]. Оказавшись во главе монополярного мира, США (как и третий рейх) стали строить новый мировой порядок в соответствии с правилами, которые формируются в Вашингтоне. Эти правила, навязываемые миру, фактически ведут к отказу от исторически сложившихся устоев и принципов международных отношений: равной безопасности стран, уважения их суверенитета, невмешательства в внутренние дела государств

и т.д. Одновременно происходит радикальный пересмотр традиционных духовно-нравственных ценностей, благодаря которым более двух тысяч лет существовала западная христианская цивилизация. В результате не только она, но и народы, отдельный человек лишается своей идентичности, своей индивидуальности. Фактически проводится целенаправленная политика по десуверенизации и десубъективизации государств и проживающих в них людей. Может возникнуть вопрос, какое имеют отношение эти тревожные глобальные процессы к теме настоящей статьи? Представляется, что непосредственное. Мир стал глобальным, взаимосвязанным и взаимозависимым. Субъекты образовательного процесса живут, учат и обучаются в той социальной реальности, которая формируется в результате отмеченных выше изменений. Колоссальные финансовые, политические, военные и особенно информационные возможности позволяют глобальному «большому брату» создавать «оруэлловскую» социальную реальность, где война (с целью свержения очередного «плохого парня») — это вовсе не война, а забота о мире, фонд, финансирующий закупку оружия для нацистов Украины, расстреливающих из этого оружия города Донбасса — это фонд мира, зло (убийство тысяч мирных граждан в процессе транзита демократии) — это исключительно добро во благо свободы человечества. Точно так же откровенная ложь, тиражируемая тысячи раз в мировом медиапространстве, выдается за правду (ведь все не могут ошибаться, а тем более лгать). Возникшее в последние десятилетия общество «постправды» представлено прежде всего в виртуальном пространстве, где более всего пребывает молодежь всех стран, в том числе и тех, которые не принадлежат коллективному Западу. Поэтому деструктивные процессы, свидетельствующие о выходе коллективного Запада за пределы европейской христианской цивилизации, так или иначе сказываются на сознании и поведении молодежи нашей страны, отстаивающей свой суверенитет и традиционные духовно-нравственные ценности. Необходимо отметить, что радикальный пересмотр Западом своих ценностей, цивилизационных устоев и норм общественной жизни выдается за отличительную черту современных демократических и прогрессивных стран. Государства, которые не принимают эти «передовые» тренды,

характеризуются как отсталые, варварские, с авторитарным или тоталитарным режимом правления. Как правило, молодежь любой страны желает быть в тренде прогрессивных тенденций, но она в силу недостаточного жизненного опыта и знаний не всегда в состоянии увидеть сущность того, что предлагается ей в привлекательной, красивой упаковке.

О некоторых аспектах информационно-коммуникативной деятельности государства и сложных задачах преподавательского сообщества в условиях тотальной цифровизации и гибридной войны

Как отмечалось ранее, коллективный Запад ведет против нашей страны гибридную войну, значимым компонентом которой является информационно-психологическая борьба. Полем и инструментом этой агрессии является общедоступная виртуальная реальность. Объектом этого информационно-психологического воздействия, как уже отмечалось, является наиболее уязвимое в этом плане молодое население страны. Понятно, что противостояние Запада и нашей страны было и в эпоху «холодной войны». Но в настоящее время у деидеологизированного населения России иммунитет к сопротивлению воздействия информационно-психологической агрессии Запада сильно ослаб. В то же время в условиях глобальной цифровизации возможности влияния противника на наше общество, особенно нашу молодежь с целью ее десубъективизации и десоверенизации, заметно возросли. Соответственно, задачи преподавателей, в круг обязанностей которых была возвращена воспитательная функция, значительно усложнились. Это произошло и потому, что политической элите нашей страны в тяжелейшем противостоянии с коллективным Западом не всегда, как представляется, удается оставаться последовательными в справедливо отстаиваемых ими принципах. В ряде случаев во внешней и внутренней политике она прибегает к тем же методам, что их политические и военные противники. Речь идет о двойных стандартах при квалификации политических действий России и других государств в идентичных условиях, о дозировании информации относительно происходящих в стране реальных событиях. Безусловно, не всякая облигативная информация может доводиться до общественности. Есть

ограничения, определяемые интересами государственной безопасности. Но есть информация, которую нельзя утаивать от народа или говорить ему полуправду. В эпоху тотальной цифровизации это бессмысленно. К такой информации относится объективная оценка реального состояния нашей экономики, поскольку народ имеет возможность сравнить услышанное от официальных лиц с той социальной реальностью, в которой он пребывает. К подобной информации относится также замалчивание причин провала принятой ранее и мощно распиаренной партией власти амбициозной программы социально-экономического развития страны (2012–2020). Для общественности страны до сих пор остается тайной, почему при возрастающем технологическом отставании России от Запада, не скрывающего свое маниакальное желание загнать ее в технологическое гетто, власти упорно в течение не одного десятилетия финансируют науку, особенно фундаментальную, на критически низком уровне. А ведь очевидно, что от успехов фундаментальной науки зависят технологические прорывы страны. Если в 90-е гг. слабое финансирование науки и образования можно было объяснить отсутствием денег, то в нулевые и последующие тучные на нефтедоллары годы деньги были, но они вывозились за рубеж даже тогда, когда против России велась гибридная война. Ожидаемо, эти деньги были арестованы. Власть дипломатично умолчала, почему ЦБ страны не предусмотрел такую возможность. В настоящее время, насколько известно автору этих строк, валютная выручка крупных российских компаний не репатрируется в Россию. СВО обнажила болевые точки и ошибки в управлении страной. И первые полгода проведения СВО увеличили количество вопросов общественности к некоторым странностям проводимой военной операции. Почему в тяжелые годы Великой Отечественной войны власти страны считали нужным сообщать народу, что Красная армия после тяжелых кровопролитных боев сдала тот или иной город, скажем Харьков, что противнику удалось прорвать нашу линию обороны. Сегодня подобную информацию россияне получают из сети. Можно сказать, что в прошлом, когда решалась судьба страны, власти доверяли народу и не могли скрыть от него тяжелую правду. Соответствен-

но и народ доверял власти. «Доверие — ключевой элемент социального капитала и источник формирования идентичности» [Федотова В.А., 2022, с. 126]. А осознание гражданской, национальной идентичности есть условие единства страны и залог победы. Доверие власти народу и народа власти — признак сильной власти. Так ведь и сегодня решается судьба государства.

В публичных выступлениях властной элиты не было объективного критического анализа допущенных ошибок в управлении страной. Признание ошибок — это не только признак честности власти, но и силы, уверенности правильности выбранного пути. Понятно, не ошибается тот, кто ничего не делает. Особенно, когда речь идет о такой большой и сложной стране, как Россия. Но очевидно также, что признание просчетов в управлении страной и анализ их причин есть условие не повторения допущенных ошибок. Но непризнание ошибок вовсе не означает их отсутствие. Неоднократные откровения главы государства, что нас снова обманули, свидетельствуют об обратном. Непризнание ошибок в управлении страной есть фактически претензия на несменяемость состава политической элиты страны и, следовательно, возможности повторения ошибок.

Создается впечатление, что власти России в немалой степени повторяют промахи советских руководителей. Последние даже в эпоху «гласности» продолжали давать населению дозированную информацию, иначе полуправду (авария на Чернобыльской АЭС, «хлопковое дело» и т.д.), камуфлировали острые социально-экономические проблемы страны через официальные СМИ. Население, сопоставляя реальную действительность с той, которая рисовалась властями и ее идеологами, вынуждено было искать альтернативные источники информации — слушало «вражьи голоса», которые безуспешно глушились. Чем больше возникало несоответствие между рисуемой властями виртуальной реальностью и действительностью, тем больше росло недоверие народа к органам власти, переросшее затем в отчуждение. Все это создавало благодатную почву для осуществления в стране цветной революции и развала Советского Союза.

В настоящее время политика властей ограничить доступ населения к альтернативным источникам информации обречена на неудачу. В

эпоху тотальной цифровизации все становится так или иначе транспорентным. Следует согласиться с Я.И. Свирским, что цифровизация «задает определенные поведенческие рамки на всех уровнях социальной коммуникации» [Свирский Я.И., 2023, с. 83]. В условиях глобальной цифровизации политика властей, если она выражает коренные интересы народа и государства, должна перейти из кулуарной сферы в публичную. Ограничения публичности могут быть продиктованы, как уже отмечалось, лишь соображениями не нанесения вреда государственной безопасности. В эпоху «постправды» для народа правда представляет особую ценность. Даже горькая правда, доведенная до общества, означает доверие властей народу, а это — условие единства власти и народа, условие сохранения современного российского государства. В этом контексте доверие представляет важнейшую социальную ценность, наличие которой является условием существования и функционирования любых социальных организмов. К сожалению, приходится констатировать, что эта социальная ценность в результате реформ оказалась в большом дефиците. Кризис социального доверия в обществе — это иное выражение кризиса политических элит страны. Непоследовательность, непредсказуемость политики, ошибки, просчеты в управлении страной, полуправда в коммуникации с населением страны не проходит мимо молодежи, особенно студенческой, которая отличается цепким взглядом и критическим мышлением. Неудовлетворенная услышанным и увиденным, она погружается в виртуальную реальность, где в различных сетях активно работают ловцы неокрепших душ — блогеры, журналисты, политологи, представляющие интересы внешних и, увы, внутренних противников России. Они умело эксплуатируют промахи властей, проблемы, с которыми сталкивается молодежь, укрепляя у нее недоверие к властным структурам, формируя негативное отношение к российскому государству, что выражается в участии некоторых из них в несанкционированных антиправительственных демонстрациях и митингах. В последние годы участились случаи вербовки молодых людей (даже школьников) спецслужбами враждебных к России стран для совершения террористических актов. Задачи преподавателя в современных сложных для

страны условиях — дать студентам не только профессиональные знания, но и, как бы пафосно это ни звучало, сформировать у них высокую гражданскую ответственность, воспитать патриотов России, способствовать сохранению и укреплению единства страны. Но как это сделать, если преподаватели существуют в той же социальной реальности, что и студенты, и у них доступ к правде такой же, что и у студентов? Проблема, стоящая перед преподавателем, кажется практически непреодолимой, если учесть, что в эпоху цифровизации преподаватель перестал быть для студентов единственным и авторитетным источником информации. Не претендуя на гарантированное и исчерпывающее решение отмеченной проблемы, представляется необходимым сказать следующее. Преподаватель, в отличие от своих студентов, обладает более глубокими теоретическими знаниями и более богатым жизненным опытом, позволяющим ему дать релевантное понимание сущности происходящих процессов или событий. Он может стать для студентов авторитетным источником информации, если предстанет перед студентами как живой представитель науки, который в своих лекциях опирается не только на работы современных ученых, но и собственные теоретические наработки. Понятно, учебная лекция не может быть превращена в популярный дискурс политических, социально-экономических и иных актуальных проблем повседневности. Но одна из важных и трудных задач обществоведа, как справедливо отмечал А. Зиновьев, найти способ теоретического объяснения повседневности [Зиновьев А.А., 2021]. Преподаватель не может избегать обсуждения со студентами острых проблем человечества, страны, если они находятся в контексте анализируемой темы учебной дисциплины, или если такие вопросы задаются студентами. А подобные вопросы, как свидетельствует опыт автора этих строк, студенты задают часто.

О роли преподавателя в образовательном процессе в условиях применения информационных технологий

Цифровизация, как отмечалось выше, требует изменения поведения на всех уровнях социальной коммуникации. Эти изменения касаются и субъектов образовательного процесса. В связи с тем, что учащиеся получают доступ к различ-

ным образовательным ресурсам, в аналитике была высказана идея о том, что преподаватель должен перестроиться из «мудреца на сцене», дающего информацию, он должен превратиться в «гида сбоку», который знакомит студентов с новыми цифровыми технологиями, корректирует, направляет процесс получения компетенций, словом, содействует их обучению [Бельский В.Ю. и др., 2022, с. 217]. В нашем образовательном сообществе подобные представления о преподавателе как гида студентов далеко не редкость. Упрощенное понимание субъектов образовательного процесса свидетельствует, на наш взгляд, как минимум о кризисе методологии преподавания в вузах. Во всяком случае, цифровизация образования выдвинула на первый план проблемы дидактики высшего образования. К ней мы вернемся несколько позже, а здесь необходимо отметить, что преподаватель в образовательном процессе не может рассматриваться в роли гида студентов, ибо экскурсовод занят организацией досуга свободных от труда людей, а учеба студентов — это не праздное времяпрепровождение (хотя такое тоже иногда бывает), а целенаправленная напряженная интеллектуальная деятельность по освоению системы научных знаний.

Мы разделяем позицию ученых, считающих неприемлемым видеть в преподавателе технического оператора или даже инструктора поведения учащегося в коммуникативно-образовательной среде [Храпов С.А., Баева Л.В., 2021, с. 24]. Несомненно, существовавшие некогда в прошлом представления об отношении преподавателя и студента как субъекта и объекта в эпоху цифровизации устарели окончательно и бесповоротно. При всем том, что цифровизация узаконила субъект-субъектные отношения между преподавателем и студентом, определяющая роль в образовательном процессе, на наш взгляд, все же остается за преподавателем в силу того, что, как уже отмечалось, преподаватель, как правило, — это живой представитель науки, который передает студентам современные научные знания, в том числе и собственные теоретические наработки. Он организует, направляет, управляет, контролирует и мотивирует познавательную деятельность студентов и, в определенном смысле, несет моральную ответственность за ее результаты. Кроме того, преподаватель — это учитель, который не только переда-

ет определенную сумму знаний учащимся, но и делится с ними своим жизненным опытом, формирует у них определенные духовно-нравственные ценности. Без этого процесс образования не был бы полноценным и завершённым. Ведь образование дословно означает формирование (образование) человека как социального существа, определенного типа социального индивида, личности. Никакой инструктор, никакой «гид сбоку» не занимается этим. Поэтому никакие образовательные ресурсы, онлайн-лекции не могут заменить живого общения, диалога преподавателя и студентов. Отметим, что чем более технологичен образовательный процесс, тем меньше в нем субъект-субъектных отношений, живого общения между преподавателем и студентом. Поэтому одним из негативных последствий цифровизации образования является его дегуманизация, что отмечает подавляющее большинство ученых. Сказанное дает основание для вывода, что цифровизация образования имеет свои ограничения, свои пределы, обусловлена необходимостью сохранения той ее базовой функции, ради которой этот институт возник и существует, а именно, формирование человека как социального универсального существа.

Необходимо отметить, что среди исследователей помимо безоговорочных сторонников цифровизации общества и образования есть немало и тех, кто однозначно негативно относится к этим феноменам общественной жизни [Гобозов И.А., 2021; Пурьничева Г.М., Базанова Н.М., 2021; Кувшинова А.А., Савченко И.А., 2022; Свирский Я.И., 2023]. Однако жесткое критическое отношение к цифровой революции не дает основание игнорировать этот процесс и возможность его отменить. Задача философии не только в объяснении причин возникновения общественно значимых тенденций, которые стали повседневностью, но и в прогнозировании и минимизации возможных рисков, обусловленных этими тенденциями. В аналитике достаточно подробно рассмотрены все возможные социальные и когнитивные риски, вызванные цифровизацией общества и системы образования [Храпов С.А., Баева Л.В., 2021, 2022, 2023; Обухов А.С., Томилина М.В., 2021; Петрова Е.В., 2022; Чернавин Ю.А., Барина Г.В., 2023]. У нас нет оснований их оспаривать. Более того, автор этих строк, как и любой препода-

ватель с большим стажем работы в высшей школе, мог бы написать собственные выводы и опасения на этот счет. Нам представляется интересными некоторые предложения ученых по минимизации различных рисков, вызванных цифровизацией образования. К числу таких рекомендаций следует отнести экспертную разработку руководства для преподавателей и учащихся, использующих цифровые технологии в учебном процессе, методички для авторов, создающих цифровые учебные курсы, применение комбинированной формы преподавания, включающей цифровые образовательные системы и классическую контактную форму обучения [Храпов С.А., Баева Л.В., 2022, 2023; Петрова Е.В., 2022].

Не отрицая практическую значимость подобных рекомендаций для минимизации когнитивных, эмоциональных и иных рисков, вызванных цифровизацией образования, представляется необходимым отметить следующее. Эти предложения относятся к особенностям дидактики учебного процесса в эпоху цифровизации. Иначе, они центрируются вокруг вопроса **как преподавать** в современных условиях. Но ответ на вопрос как преподавать зависит от ответа на другой вопрос. **Что преподавать.** Одно дело, когда речь идет о физике, математике, математической статистике, информатике и т.д., и другое дело, когда обсуждаются проблемы преподавания русской литературы, истории, психологии, философии. Абстрактные дидактические рекомендации без учета предмета преподавания некорректны и малоэффективны. Перечисленные в последнем ряду предметы носят человекоцентричный характер. Если цифровизация нарушает принцип человекообразности, обусловленный содержанием преподаваемого предмета, то цифровая технология может быть применена в учебном процессе в ограниченном масштабе лишь как способ получения дополнительной информации или вовсе отвергнута, поскольку она противоречит достижению целей учебного процесса при изучении конкретной дисциплины. Почему такой категоричный вывод? «Понятие “цифра”, — как отмечает Э.М. Спирова, — происходит от лат. *cifra* и от араб. *sifr* означающее нуль, пустой. Цифры — знаки, используемые для записи конкретных значений чисел» [Спирова Э.М., 2020, с. 8]. Отличие «цифры от числа в том, что

первое понятие абстрактно, это всего лишь знак, а второе выражает количество чего-либо. Цифра равнодушна к содержанию» [Спирова Э.М., 2020, с. 8]. Если цифра, как, впрочем, и число равнодушна к содержанию, то это означает, что в информации, передаваемой через «цифру», отсутствует смысл. Но там, где отсутствует смысл, как справедливо подметил Ф.И. Гиренок, «невозможен человек» [Гиренок Ф.И., 2018]. Если в образовательных ресурсах, созданных на основе цифровых технологий, и присутствует человек, то как абстрактное безликое бесполое существо, потерявшее свою индивидуальную, групповую, цивилизационную идентичность. Нетрудно догадаться, что такое представление о человеке соответствует новым веяниям западной цивилизации, свидетельствующем о его глубоком кризисе. Поэтому можно сказать, что цифровые технологии, применяемые при описании и изучении социальной реальности, — это заказ современного глобального капитала. При обозначении содержания образовательных ресурсов (имеющего абстрактный характер) используют слово «контент», т.е. информационную наполненность ресурса. Доступ к ресурсу дает возможность получить информацию о чем-либо. Но обладать информацией и знать что-либо — далеко не одно и то же. Это разные уровни и формы когнитивной деятельности [Храпов С.А., Баева Л.В., 2021, с. 25]. Обладать информацией означает возможность иметь знания, но не обязательно обладать ими. «Знание предполагает осмысленность имеющейся информации, умение ее использовать и уверенность в ее истинности или, по меньшей мере в ее достоверности» [Труфанова Е.О., 2019, с. 10]. Информация, полученная в виртуальной реальности, не дает оснований для такой уверенности. **Знание**, на наш взгляд, есть **когнитивное выражение способности человека, формирующееся в результате идеального освоения мира, позволяющее ему в своих мыслях и действиях по своему усмотрению воспроизводить предметы и процессы познанной действительности.** Знание, как следует из определения, предполагает субъектность человека. Субъектность человека не вписывается в числовой мир, создаваемый информационными технологиями [Гиренок Ф.И., 2018]. Гуманитарные и общественные науки имеют человекоцентричный харак-

тер. В фокусе их внимания человек, человеческая деятельность, отношения, складывающиеся между людьми в результате этой деятельности. При преподавании указанных дисциплин анализируется не только бесконечная сложность и многогранность человека как универсального деятельного существа, но и пробуждаются в студентах собственно человеческие интенции — способность к самостоятельному творчеству и критическому мышлению — свойства крайне необходимые для развития человека и общества. Цифровизация образования, как свидетельствует аналитика, не способствует формированию этих способностей. Более того, легкий доступ к различным информационным ресурсам чаще всего демотивирует студентов к самостоятельному выполнению различных учебных заданий. Это подтверждается и собственным опытом преподавательской деятельности автора данной публикации.

Любая научная теория разрабатывается в определенных конкретно-исторических условиях и является ответом на запросы общественно-исторической практики и самой науки. Понять теорию и проблемы, которые в ней ставятся и решаются, невозможно вне той социальной реальности, в лоне которой она возникла, и в которую был погружен ученый, создавший эту теорию. Особенно это касается социально-гуманитарных наук. В них дают о себе знать не только сложившиеся в данной стране научные традиции, но и особенности ее культуры, существующие ценности, мировоззрение. Исторические и культурные традиции в социально-гуманитарных науках влияют на смысловое значение языка, проявляющегося в особенностях его коннотации. Коннотация является дополнительной семантической информацией не о самом предмете, а об отношении человека к этому предмету [Тер-Минасова С.Г., 2000]. Она выражает особенности культурно-исторических традиций общества. Прочитать научный текст и адекватно понять его смысл без учета особенностей коннотации языка трудно, если вообще возможно. Учебный материал в информационных ресурсах носит отчужденный от человека, от культурного фона характер. Изложенное дает основание для вывода, что цифровизация образования имеет свои ограничения и нужна определенная демаркация дисциплин, которые можно цифро-

вать от предметов, цифровизация которых контрпродуктивна. К последним следует отнести дисциплины, формирующие мировоззрение, смысложизненные ценности, нравственность и т.д. Представляется в этой связи, что философия должна преподаваться в классическом формате, предполагающий непосредственное общение преподавателя со студенческой аудиторией. Информационные ресурсы при изучении философии могут применяться ограниченно в качестве дополнительного материала или способа коммуникации субъектов образовательного процесса.

Некоторые выводы

Метод преподавания в современную эпоху должен определяться не только на основе учета особенностей изучаемого предмета, но и понимания **целей** изучения данной дисциплины. Знание цели освоения студентами предмета в свою очередь зависит от идеологии, положенной в основу образовательного процесса в стране. Этот вопрос принципиально важный в силу тех вызовов и рисков, с которыми сталкивается в настоящее время наша страна, и в силу того, что в учебный процесс была возвращена воспитательная функция. Идеология (методология решаемых задач), лежащая в основе образовательного процесса, в свою очередь зависит от государственной идеологии в стране. Но в современной России, согласно Конституции (ст. 13, п. 2), нет государственной идеологии. Де-юре ее нет, но де-факто она существует более 30 лет [Мусаелян Л.А., 2022]. Руководствуясь этой идеологией, постсоветская элита под присмотром западных кураторов построила в стране маргинальный олигархический капитализм, выполнявший все эти годы функцию сырьевого придатка ядра мир-экономики. Каковы были задачи российского профессионального образования за прошедшие 30 лет — готовить конкурентноспособный товар для мирового капиталистического рынка, частью которой была экономика России. Воспитательная функция в учебном процессе отсутствовала, поскольку формирование убеждений, нравственных принципов, патриотизма были помехой при трудоустройстве, особенно за рубежом.

Для России дата 24 февраля 2022 г. стала началом переломного этапа в ее постсоветской истории. Он, если руководствоваться заявлени-

ем Президента страны, связан с борьбой за сохранение независимости, целостности российского государства, восстановлением ее экономического, финансового, технологического образовательного суверенитета. В этих условиях цель образования заключается не только в том, чтобы дать студентам добротные профессиональные знания, но и формировать из них развитую личность, ответственных и активных граждан страны, любящих свою родину, обладающих широким кругозором, способностью к самостоятельному творческому мышлению. Очевидно, что переломный этап истории России требует смену идеологических вех [Лившиц Р.Л., 2023, с. 142]. На основе неолиберальной идеологии, формирующей ригористический индивидуализм и эгоизм в стране маргинального капитализма, трудно формировать у молодого поколения патриотизм, высокую гражданскую активность и ответственность, уважительное отношение к историческим духовно-нравственным ценностям. Для них так или иначе будут притягательными образ жизни и духовные ценности развитых стран ядра мир-экономики. Это и понятно, ведь неолиберальная идеология — это идеология Запада. Очевидно также, что, руководствуясь неолиберальной идеологией, государству будет сложно победить глобальный неолиберальный капитализм. Россия по всему значимому в военном противостоянии с коллективным Западом потенциалу (экономическому, технологическому, военному, человеческому) уступает противнику. Россия — традиционно идеократическая страна, лишена своего преимущества — государственной идеологии. Но ведь у России есть свой национальный интерес, который должен быть выражен в ее государственной идеологии для консолидации полиэтнического, поликонфессионального населения страны. В тоже время она должна показывать экономическую, социально-политическую, а сегодня и цивилизационную перспективу развития страны. Куда должна идти Россия, какое общество она должна строить завтра, послезавтра? Закончится СВО, я надеюсь, решением всех тех военно-политических и геополитических задач, о которых не раз заявлял глава нашего государства. Вернутся домой героические участники СВО. Что дальше? Россия будет строить новый вариант олигархического капитализма? Не появится ли у патриотов России (как и сегодня у немалой

части молодежи) горькое разочарование в существующей социальной реальности? Возникнет вопрос: ради интересов новых олигархов и коррумпированных чиновников проливали свою кровь на Украине? Не произойдет ли в этом случае то, что произошло с Советским Союзом через несколько лет после вывода советских войск из Афганистана? Россия сегодня в условиях экзистенциальной угрозы остро нуждается в новой государственной идеологии. Она должна включать не только испытанные временем традиционные, но и новые смысло-жизненные ценности и социальные идеалы, которые были бы привлекательны для молодежи и мотивировали бы ее на активную созидательную деятельность в собственной стране во имя благополучия своей семьи и процветания своей Родины — России.

Список литературы

- Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Образец социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 944 с.
- Бельский В.Ю., Майкова В.П., Молчан Э.М.* Цифровые технологии в системе образования // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 216–219. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-2-216-219>
- Бжезинский З.* Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / пер. с англ. М.Н. Десятовой. М.: АСТ, 2015. 288 с.
- Буданов В.Г.* Новый цифровой жизненный техноуклад — перспективы и риски трансформаций антропосферы // Философские науки. 2016. № 6. С. 47–55.
- Гиренок Ф.И.* Человек — это не цифра // Завтра.ру. 2018. 23 июн. URL: https://zavtra.ru/blogs/uroki_digital_noj_filosofii (дата обращения: 22.07.2023).
- Главная книга о кризисе: сб. ст. / ред.-сост. А.В. Бузгалин.* М.: Яуза: Эксмо, 2009. 256 с.
- Гобозов И.А.* Цифровизация общества и деинтеллектуализация человека // Философия и общество. 2021. № 3. С. 35–54. DOI: <https://doi.org/10.30884/jfio/2021.03.02>
- Гэмбл Э.* Кризис без конца: крах западного процветания / пер. с англ. А. Гуськова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2018. 304 с.
- Зиновьев А.А.* Зияющие высоты. М.: Канон-РООИ «Реабилитация», 2021. 720 с.
- Кант И.* Метафизические начала естествознания // Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 53–176.
- Кувшинова А.А., Савченко И.А.* К вопросу о негативном влиянии цифровой коммуникации на сознание индивидов // Философия и общество. 2022. № 2. С. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.30884/jfio/2022.02.02>
- Ларьяновский А.В.* Кто в российском EdTech зарабатывает больше всего // РБК. 2019. 17 дек. URL: <https://pro.rbc.ru/news/5df8aad49a7947793e2dfd7a> (дата обращения: 22.07.2023).
- Лившиц Р.Л.* Что мешает формировать патриотизм? // Философия и культура в гуманитарном дискурсе: материалы междунар. науч.-метод. конф. (Воронеж, 27–28 апреля 2023 г.) / отв. ред. С.И. Сулимов. Воронеж: Истоки, 2023. С. 133–144.
- Манхейм К.* Проблемы молодежи в современном обществе // Манхейм К. Избранное. Диагноз нашего времени. М.: РАО Говорящая книга, 2010. С. 570–590.
- Мусаелян Л.А.* Исторический процесс и глобализация / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2016. 128 с.
- Мусаелян Л.А.* К вопросу об отсутствии в России государственной идеологии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 1(55). С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-55-6-21>
- Мусаелян Л.А.* Марксово учение об историческом процессе и теория постиндустриального общества // Философия и общество. 2005. № 2. С. 39–59.
- Постановление* Правительства РФ от 04.10.2000 N 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/182563/> (дата обращения: 22.07.2023).
- Обухов А.С., Томилина М.В.* Развитие цифровых образовательных технологий в России до пандемии: история и особенности индустрии EdTech // Информатика и образование. 2021. № 8. С. 52–61. DOI: <https://doi.org/10.32517/0234-0453-2021-36-8-52-61>
- Петрова Е.В.* Экология цифровой среды как попытка ответа на цивилизационные вызовы цифровой эпохи // Вопросы философии. 2022. № 11. С. 99–109. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-11-99-109>
- Пурьничева Г.М., Базанова Н.М.* Цифровая реальность как вызов человечеству // Философия и общество. 2021. № 4. С. 66–74. DOI: <https://doi.org/10.30884/jfio/2021.04.04>
- Ракитов А.И.* Человек в оцифрованном мире // Философские науки. 2016. № 6. С. 32–46.
- Свирский Я.И.* Цифровизация и антропоцентризм // Вопросы философии. 2023. № 6. С. 83–86.

DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-6-83-86>

Сорос Дж. Кризис мирового капитализма: Открытое общество в опасности / пер. с англ.

С.К. Умрихиной, М.З. Штернгарца. М.: ИНФРА-М, 1999. 262 с.

Сорос Дж. О глобализации / пер. с англ.

А.А. Башкирова. М.: Эксмо, 2004. 224 с.

Спирова Э.М. Апофеоз безличного в цифровой реальности // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 2(136). С. 7–16. DOI:

<https://doi.org/10.25730/VSU.7606.20.019>

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово, 2000. 262 с.

Труфанова Е.О. Информационное перенасыщение: ключевые проблемы // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2019. № 1. С. 4–21. DOI:

<https://doi.org/10.17726/philit.2019.1.16.1>

Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 22.07.2023).

Федотова В.А. Доверие к власти и политическая активность российской молодежи: роль этнической самоидентификации // Общественные науки и современность. 2022. № 2. С. 126–136. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869049922020095>

Храпов С.А., Баева Л.В. Цифровизация образовательного пространства: эмоциональные риски и эффекты // Вопросы философии. 2022. № 4. С. 16–24. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-4-16-24>

Храпов С.А., Баева Л.В. Феномен памяти в условиях цифровизации образования: создание модульной системы безопасности цифровой образовательной среды // Вопросы философии. 2023. № 5. С. 61–69. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-5-61-69>

Храпов С.А., Баева Л.В. Философия рисков цифровизации образования: когнитивные риски и пути создания безопасной коммуникативно-образовательной среды // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 17–26. DOI:

<https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-4-17-26>

Чернавин Ю.А., Барина Г.В. Человек в пространстве цифровой культуры // Вопросы философии. 2023. № 4. С. 29–39. DOI:

<https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-4-29-39>

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 208 с.

Якеменко Б.Г. Пепел над пропастью. Феномен

концентрационного мира нацистской Германии и его отражение в социокультурном пространстве Европы середины второй половины XX столетия. М.: Яуза-каталог, 2023. 512 с.

References

Bell, D. (2004). *Gryaduschee postindustrial'noe obschestvo. Obrazets sotsial'nogo prognozirovaniya* [The coming of post-industrial society; a venture in social forecasting]. Moscow: Academia Publ., 944 p.

Bel'skiy, V.Yu., Maykova, V.P. and Molchan, E.M. (2022). [Digital technologies in the education system]. *Voprosy Filosofii*. No. 2, pp. 216–219. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-2-216-219>

Brzezinski, Z. (2015). *Strategicheskiiy vzglyad: Amerika i global'niy krizis* [Strategic vision: America and the crisis of global power]. Moscow: AST Publ., 288 p.

Budanov, V.G. (2016). [The new digital lifestyle - prospects and risks of transformations of the anthroposphere]. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. No. 6, pp. 47–55.

Buzgalin, A.V. (ed.) (2009). *Glavnaya kniga o krizise* [The main book about the crisis]. Moscow: Yauza Publ., Eksmo Publ., 256 p.

Chernavin, Yu.A. and Barinova, G.V. (2023). [A man in the space of digital culture]. *Voprosy Filosofii*. No. 4, pp. 29–39. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-4-29-39>

Fedotova, V.A. (2022). [Political trust and political activity of Russian youth: The role of ethnic self-identification]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 2, pp. 126–136. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869049922020095>

Federal'nyy zakon ot 29.12.2012 N 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 «On Education in the Russian Federation»]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (accessed 22.07.2023).

Gamble, A. (2018). [Crisis without End: The collapse of Western prosperity]. Moscow: HSE Publ., 304 p.

Girenok, F.I. (2018). [Man is not a figure]. *Zavtra.ru*. Jun. 23. Available at: https://zavtra.ru/blogs/uroki_digital_noj_filosofii (accessed 22.07.2023).

Gobozov, I.A. (2021). [Digitalization of society and deintellectualization of a person]. *Filosofiya i obschestvo* [Social Studies]. No. 3, pp. 35–54. DOI: <https://doi.org/10.30884/jfio/2021.03.02>

- Kant, I. (1966). [Metaphysical foundations of natural science]. *Kant I. Sochineniya: v 6 t.* [Kant I. Works: in 6 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 6. pp. 53–176.
- Khrapov, S.A. and Baeva, L.V. (2021). [Risk philosophy of education digitalization: Cognitive risks and ways to create a secure communicative educational environment]. *Voprosy Filosofii*. No. 4, pp. 17–26. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-4-17-26>
- Khrapov, S.A. and Baeva, L.V. (2022). [Digitalization of educational space: Emotional risks and effects]. *Voprosy Filosofii*. No. 4, pp. 16–24. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-4-16-24>
- Khrapov, S.A. and Baeva, L.V. (2023). [Phenomenon of memory in the context of digitalization of education: Creation of a modular security system of digital educational environment]. *Voprosy Filosofii*. No. 5, pp. 61–69. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-5-61-69>
- Kuvshinova, A.A. and Savchenko, I.A. (2022). [On the negative impact of digital communication on the individuals' minds]. *Filosofiya i obschestvo* [Social Studies]. No. 2, pp. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.30884/jfio/2022.02.02>
- Lar'yanovskiy, A. (2019). [Who earns the most in Russian EdTech]. *RBK*. Dec. 17. Available at: <https://pro.rbc.ru/news/5df8aad49a7947793e2dfd7a> (accessed 22.07.2023).
- Livshits, R.L. (2023). [What prevents the formation of patriotism?]. *Filosofiya i kul'tura v gumanitarnom diskurse: materialy mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii (Voronezh, 27–28 aprelya 2023 g.)* [Philosophy and Culture in Humanitarian Discourse: Proceedings of the International Scientific and Methodological Conference (Voronezh, April 27–28, 2023)]. Voronezh: Istoki Publ., pp. 133–144.
- Manheim, K. (2010). [The problem of youth in modern society]. *Mankheym K. Izbrannoe. Diagnostika nashego vremeni* [Manheim K. Favorites. Diagnosis of our time]. Moscow: Govoryaschaya Kniga Publ., pp. 570–590.
- Musaelyan, L.A. (2005). [Marx's doctrine of the historical process and the theory of post-industrial society]. *Filosofiya i obschestvo* [Social Studies]. No. 2, pp. 39–59.
- Musaelyan, L.A. (2016). *Istoricheskiy protsess i globalizatsiya* [Historical process and globalization]. Perm, 128 p.
- Musaelyan, L.A. (2022). [On the absence of state ideology in Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences]. Iss. 1(55), pp. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-55-6-21>
- Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 04.10.2000 N 751 «Natsional'naya doktrina obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii»* [Decree of the Government of the Russian Federation No. 751 of October 4, 2000 «National doctrine of education in the Russian Federation»]. Available at: <https://base.garant.ru/182563/> (accessed 22.07.2023).
- Obukhov, A.S. and Tomilina, M.V. (2021). [The development of digital educational technologies in Russia before the pandemic: History and peculiarities of the EdTech industry.]. *Informatika i obrazovanie* [Informatics and Education]. No. 8, pp. 52–61. DOI: <https://doi.org/10.32517/0234-0453-2021-36-8-52-61>
- Petrova, E.V. (2022). [Ecology of the digital environment as an attempt to respond to the civilizational challenges of the digital age]. *Voprosy Filosofii*. No. 11, pp. 99–109. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-11-99-109>
- Purynicheva, G.M. and Bazanova, N.M. (2021). [Digital reality as a challenge to the humanity]. *Filosofiya i obschestvo* [Social Studies]. No. 4, pp. 66–74. DOI: <https://doi.org/10.30884/jfio/2021.04.04>
- Rakitov, A.I. (2016). [A man in the digital world]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. No. 6, pp. 32–46.
- Schwab, C. (2019). *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The fourth industrial revolution]. Moscow: Eksmo Publ., 208 p.
- Soros, G. (1999). *Krizis mirovogo kapitalizma: Otkrytoye obshchestvo v opasnosti* [The crisis of global capitalism: Open Society Endangered]. Moscow: INFRA-M Publ., 262 p.
- Soros, G. (2004). *O globalizatsii* [About globalization]. Moscow: Eksmo Publ., 224 p.
- Spirova, E.M. (2020). [Apotheosis of the impersonal in digital reality]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University]. No. 2(136), pp. 7–16. DOI: <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.20.019>
- Svriskiy, Ya.I. (2023). [Digitalization and anthropocentrism]. *Voprosy Filosofii*. No. 6, pp. 83–86. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-6-83-86>
- Ter-Minasova, S.G. (2000). *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. Moscow: Slovo Publ., 262 p.
- Trufanova, E.O. (2019). [Information oversaturation: key problems]. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva* [Philosophical Problems of IT & Cyberspace]. No. 1,

pp. 4–21. DOI: <https://doi.org/10.17726/philit.2019.1.16.1>

Yakemenko, B.G. (2023). *Pepel nad propast'yu. Fenomen kontsentratsionnogo mira natsistskoy Germanii i ego otrazhenie v sotsiokul'turnom prostanstve Evropy serediny vtoroy poloviny XX stoletiya* [The phenomenon of the concentration

world of Nazi Germany and its reflection in the socio-cultural space of Europe in the middle of the second half of the XX century]. Moscow: Yauza-katalog Publ., 512 p.

Zinov'ev, A.A. (2021). *Ziyayuschie vysoty* [Gaping heights]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 720 p.

Об авторе

Мусаелян Лева Асканазович

доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: lmusaelyan@yandex.ru
ResearcherID: N-4762-2017

About the author

Lyeva A. Musayelyan

Doctor of Philosophy, Docent,
Head of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: lmusaelyan@yandex.ru
ResearcherID: N-4762-2017

УДК 159.923:004

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-365-381>

Поступила: 01.08.2023

Принята: 26.08.2023

Опубликована: 06.10.2023

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Игнатова Екатерина Сергеевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

В современной социальной ситуации транслируется обеспокоенность характером влияния цифровизации на эмоциональную сферу личности, которое в психологической науке изучено недостаточно. Статья носит обзорный характер и посвящена проблеме взаимосвязи эмоционального интеллекта и применения цифровых технологий. Цель статьи — обобщить результаты современных исследований данной взаимосвязи. Для достижения цели осуществлен анализ 35 полнотекстовых версий статей, описывающих взаимосвязь эмоционального интеллекта и применения цифровых технологий, опубликованных в 2018–2023 гг., из которых 15 — отечественных, и 20 — зарубежных. Анализ результатов проведенных исследований сделан с опорой на культурно-исторический подход. Выделены отрасли психологии, в рамках которых ставится исследовательская проблема взаимосвязи эмоционального интеллекта и применения цифровых технологий: педагогическая психология, киберпсихология, психология здоровья и психотерапия. Анализа результатов исследований подтвердил наличие взаимосвязи эмоционального интеллекта и применения цифровых технологий. Применение цифровых технологий способствует развитию эмоционального интеллекта. Трансляция негативного влияния цифровых технологий на развитие эмоционального интеллекта детей и подростков не получила полного эмпирического подтверждения. Установлена роль эмоционального общения с родителями при совместном просмотре цифрового контента. Эмоциональный интеллект способствует продуктивному взаимодействию на онлайн-платформах. Негативный характер носит взаимосвязь эмоционального интеллекта и видеоигр. Существуют разные стратегии применения информационно-коммуникационных технологий для эмоциональной регуляции: положительные и отрицательные. Подтверждено восприятие дистанционного взаимодействия с психотерапевтом как эмпатийного. В обсуждении предпринята попытка обобщить основные аспекты взаимосвязи эмоционального интеллекта и применения цифровых технологий, описаны ограничения проведенного обзора. Сделан вывод о неоднозначном характере взаимосвязи эмоционального интеллекта и применения цифровых технологий. Взаимосвязь носит положительный характер в процессе обучения, общения, управления эмоциями и при построении терапевтических отношений. Отрицательный характер проявляется при взаимодействии с цифровым контентом и в ходе игровой деятельности. Полученные результаты могут быть использованы в актуальных отраслях психологической науки и в психологических практиках.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, цифровой эмоциональный интеллект, эмпатия, цифровая эмпатия, эмоциональная регуляция, цифровая эмоциональная регуляция, цифровые технологии, цифровые устройства, цифровой контент, цифровое поведение.

Для цитирования:

Игнатова Е.С. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и применения цифровых технологий: обзор современных исследований // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 365–381.

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-365-381>

THE RELATIONSHIP BETWEEN EMOTIONAL INTELLIGENCE AND THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES: A REVIEW OF MODERN RESEARCH

Ekaterina S. Ignatova

Perm State University (Perm)

In the current social situation, there is concern about the nature of the impact of digitalization on the emotional sphere of the individual, which is insufficiently studied in psychological science. The article provides an overview devoted to the problem of the relationship between emotional intelligence and the use of digital technologies. It aims to summarize the results of modern studies on this relationship. To achieve this aim, 35 full-text versions of articles describing the relationship between emotional intelligence and the use of digital technologies published in 2018–2023 were analyzed, of which 15 were written by Russian and 20 — by foreign authors. The results of the conducted research were analyzed based on the cultural and historical approach. The author identifies branches of psychology that deal with the relationship between emotional intelligence and the use of digital technologies as a research problem: educational psychology, cyberpsychology, health psychology, and psychotherapy. The analysis of the results of the study confirmed the existence of a relationship between emotional intelligence and the use of digital technologies. The latter contributes to the development of the former. The transfer of the negative impact of digital technologies on the development of emotional intelligence in children and adolescents has not received full empirical confirmation. The study established the role of emotional communication with parents when children and parents view digital content together. Emotional intelligence promotes productive interaction on online platforms. The connection between emotional intelligence and video games is negative. There are different strategies for using information and communication technologies to regulate emotions: positive and negative. The study confirmed the perception of remote interaction with a psychotherapist as empathic. The discussion section of the article attempts to summarize the main aspects of the relationship between emotional intelligence and the use of digital technologies, and describes the limitations of the review undertaken. The study concludes that the relationship between emotional intelligence and the use of digital technologies is ambiguous in nature. It is positive in the process of learning, communication, managing emotions, and building therapeutic relationships. The negative nature of the relationship is manifested in the course of interaction with digital content and during gaming activities. The results obtained can be used in the relevant branches of psychological science and in psychological practice.

Keywords: emotional intelligence, digital emotional intelligence, empathy, digital empathy, emotional regulation, digital emotional regulation, digital technologies, digital devices, digital content, digital behavior.

To cite:

Ignatova E.S. [The relationship between emotional intelligence and the use of digital technologies: a review of modern research]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 3, pp. 365–381 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-365-381>

Постановка проблемы

Цифровизация имманентно присутствует в жизни человека. На территории РФ действует Стратегия развития информационного общества до 2030 г. [Веселова В.В., 2018]. Как пишет С. Руни

в романе «Прекрасный мир, где же ты»: «...каждый день сегодня становится новым и уникальным информационным юнитом, который замещает и прерывает информационный мир предыдущего дня» [Руни С., 2023, с. 34]. В цифровом обществе превалирует электронно-

цифровое опосредование социального взаимодействия. Одновременно с владением цифровыми технологиями для оперативного решения личных и профессиональных задач общество человеческого капитала требует развития эмоционального интеллекта для продуктивной коллаборации с другими. Приоритет цифровых и эмоциональных компетенций объясняется актуальностью социальной адаптивности личности и эффективности деятельности [Беркович О.А., Беркович М.Л., 2019; Смирнов Е.А., Рослякова М.В., 2019; Юровицкий С.Я., 2021; Glazunova O.G. et al., 2021; Kallou S. et al., 2022]. Хотя эмоциональный интеллект относится к тем немногим навыкам, которые не подлежат скорой роботизации [Гребняк О.В., 2020; Неизвестный С.И., 2021], в рамках вспомогательной робототехники уже созданы цифровые помощники, распознающие эмоциональные реакции для снижения потенциального эмоционального напряжения в коммуникации между оператором и клиентом [Egol V.A. et al., 2020].

Несмотря на это, знания о влиянии цифровых технологий на эмоциональную сферу личности неоднозначны и разрознены. Так, одни исследователи описывают положительное влияние цифровых технологий на эмоциональное благополучие, понимание собственных эмоциональных переживаний, сочувствие Другому и социальный обмен эмоциями [Wadley G. et al., 2020; Bettis A.H. et al., 2022]. Другие исследователи сосредотачиваются на негативном результате применения цифровых технологий для изменения валентности эмоционального взаимодействия, качества эмоционального взаимодействия и достижения цели цифрового поведения. Целью статьи выступает обобщение результатов исследований взаимосвязи использования цифровых технологий и эмоционального интеллекта личности.

Методология исследования

Осуществлен обзор 35 полнотекстовых исследований взаимосвязи эмоционального интеллекта и применения цифровых технологий. Среди них: 15 отечественных и 20 зарубежных исследований, проведенных в 2018–2023 гг.

Цифровые технологии рассматриваются как применение цифровых информационно-коммуникационных инструментов для передачи данных с помощью сетевых платформ и структур. Эмоциональный интеллект рассмат-

ривается нами как личностная особенность, которая позволяет собирать, обрабатывать и применять эмоциональную информацию для достижения коммуникационных целей. Структура эмоционального интеллекта включает дифференциацию, осознание и понимание эмоций, регуляцию и управление ими.

Анализ литературы показал, что взаимосвязь эмоционального интеллекта и применения цифровых технологий выступает предметом исследований, которые проводятся в педагогической психологии, киберпсихологии, психологии здоровья, а также в психотерапии.

Социальная ситуация предполагает цифровую трансформацию межличностного взаимодействия, когда психические функции, «язык эмоций» закодированы культурным полем Интернет-пространства [Нозикова Н.В., Баденкова Г.Г., 2020; Белашева И.В., 2022]. Теоретико-методологической основой обзора исследований является культурно-исторический подход.

Результаты обзора исследований

Взаимосвязь эмоционального интеллекта и применения цифровых технологий в педагогической психологии

Одним из трендов развития современной педагогической психологии выступает включение цифровых технологий в образовательный процесс, использование цифровых средств в том числе для развития эмоционального интеллекта у детей и взрослых [Веракса А.Н. и др., 2021; Kallou S. et al., 2022; Безносюк Е.В., Ломакина К.В., 2022; Родионова Е.В. и др., 2022]. Данных о результативности такой образовательной задачи пока получено немного. Как правило, авторы работ формулируют актуальную научную проблему в обозначенной проблематике и описывают перспективы работы в данном направлении. Если обратиться непосредственно к исследованиям, то они посвящены внедрению информационно-коммуникационных методов обучения в образовательный процесс, разработке и реализации обучающих онлайн-курсов, развитию цифровой грамотности (цифровой компетентности) обучающихся. Вместе с тем вопрос об эмпирической связи указанных цифровых феноменов с эмоциональным интеллектом остается открытым и требует дальнейшего изучения.

В условиях цифровизации эмпатия как компонент эмоционального интеллекта также при-

обретает цифровой характер, что способствует появлению новой формы — «цифровой эмпатии». Динамика цифровой эмпатии стала предметом исследования, проведенного в Тайване с участием 46 студентов. Привлекает внимание то, что в ходе преподавания непсихологической дисциплины «Английский язык для первокурсников» студентам было предложено создать видеоролики с целью популяризации цифровой эмпатии. Результаты исследования показывают увеличение значимости эмпатии для участников такого проекта [Chen Ch.W., 2018]. После проделанной работы они отмечают ее важность для построения продуктивной коммуникации, когда для понимания передаваемой информации необходимо эмоциональное включение, ориентация на благожелательное отношение к Другому и понимание его поведения.

Если обратиться к апробации психологических онлайн-курсов, то в отечественном исследовании с участием 174 студентов, обучающихся по инженерным направлениям подготовки, показана результативность внедрения в образовательный процесс онлайн-модуля для развития эмоционального интеллекта. Установлено, что количество студентов с низким уровнем эмоционального интеллекта сократилось в 2 раза; количество студентов, имеющих высокий уровень эмоционального интеллекта, выросло в 3,8 раз [Родионова Е.В. и др., 2022]. В другом исследовании подтверждено положительное влияние цифровых образовательных технологий на развитие эмоционального интеллекта у работников сферы туризма, которым этот навык необходим в профессиональной деятельности [Kallou S. et al., 2023]. Таким образом, цифровые технологии могут быть успешно использованы для развития эмоционального интеллекта взрослых. Однако не установлено, развитая способность работать с эмоциональной информацией проявляет себя только в цифровой коммуникации или при очном взаимодействии тоже.

Становится понятно, что эмоциональный интеллект также приобретает новую, цифровую форму. Получены данные о концептуализации феномена «цифровой эмоциональный интеллект» [Audrin C., Audrin B., 2023]. Этот феномен можно описать через несколько моделей эмоционального интеллекта (диспозиционную личностную черту эмоциональной самозффективности и способность эффективно понимать эмоции и управлять ими) и возмож-

ности результативно решать цифровые задачи. Концептуализация цифрового эмоционального интеллекта получила эмпирическое подтверждение в ходе исследований взаимосвязи эмоционального интеллекта и цифровой компетентности, а также отношения к ней с учетом предрасположенности положительно или отрицательно реагировать на цифровую деятельность. Так, в американском исследовании приняли участие 503 респондента в возрасте 25–45 лет (63,5 %), среди которых 40,9 % — мужчины. В батарею методик вошли опросник для измерения эмоционального интеллекта (эмоциональность, самоконтроль, благополучие и общительность) и фреймворк DigComp — для оценки компетентности в области цифровых технологий (знания, умения, отношение). В ходе диагностики цифровой компетентности авторы сосредоточили внимание на структурных компонентах, измеряющих следующие установки: отношение к информации, общение и сотрудничество, решение проблем, безопасность и создание цифрового контента. Установлены положительные взаимосвязи эмоционального интеллекта и отношения к цифровой компетентности за исключением установок на общение и сотрудничество. Результаты также подчеркивают, что показатель эмоционального интеллекта значительно и положительно предсказывает отношение к цифровой компетентности [Audrin C., Audrin B., 2023]. Итак, предпринята попытка первичной операционализации нового феномена: выделения структуры цифрового эмоционального интеллекта. Вместе с тем обнаруживается ряд методологических проблем, требующих разрешения: (1) В теоретическом анализе авторы описывают две модели эмоционального интеллекта (как личностной черты и как способности), говоря о большей эмпирической обоснованности второй, однако диагностический инструментарий включает методику оценки эмоционального интеллекта как личностной черты. При этом способность понимать эмоции Другого и проявлять сочувствие как категорию психического можно рассматривать в качестве личностной особенности. (2) Остается не ясным, как соотносятся цифровая компетентность и отношение к ней с точки зрения концептуализации понятия «цифровой эмоциональный интеллект». В обсуждении результатов авторы признаются, что не планировали акцентировать внимание на различных аспектах отношения к

цифровой компетентности: целью исследования выступила более общая задача.

В другом исследовании этих же авторов с участием 12 714 студентов США также получена положительная корреляция эмоционального интеллекта и цифровой грамотности [Alprian Y. et al., 2022, 2023]. Также в исследовании с участием 190 чел., половина из которых имеют стаж работы более 16 лет в сфере работы с клиентами, показано, что низкий уровень эмоционального интеллекта снижает цифровую компетентность и эффективность обслуживания клиентов [Garini R.A., Muafi M., 2023]. Следовательно, неоднократно эмпирически подтверждена положительная взаимосвязь эмоционального интеллекта и цифровой грамотности (цифровой компетентности).

Кроме количественных исследований взаимосвязи эмоционального интеллекта цифровой грамотности (цифровой компетентности), встречаются исследования, выполненные в качественной парадигме. S. Yeke обсуждает проблему связи эмоционального и цифрового интеллекта в сфере делового администрирования [Yeke S., 2023]. Автор обосновывает отказ от количественной парадигмы отсутствием релевантного диагностического инструментария для оценки цифрового интеллекта. Им был проведен анализ 41 публикации в базе данных Web of Science, в результате которого была обнаружена неразработанность содержания понятия «цифровой интеллект». В то же время в теоретическом исследовании показаны актуальность феномена, его значимость для развития личности с целью адаптации к цифровому миру и необходимость адекватного использования цифровых инструментов. Основным методом исследования становится анализ восприятия визуальных материалов (к/ф «Стажировка» («The Internship») (2013), русскоязычный вариант перевода «Кадры»; т/с «Силиконовая долина» («Silicon Valley»), русскоязычный вариант перевода «Кремниевая долина», 3 сезона (2014–2016)), отражающих взаимосвязь эмоционального и цифрового интеллекта. Получены данные о том, что для приобретения максимальной выгоды от цифровой деятельности необходимо реорганизовать модели поведения персонала путем развития эмоционального интеллекта. Следовательно, эмоциональный и цифровой интеллект положительно координируют друг с другом.

Взаимосвязь эмоционального интеллекта и применения цифровых технологий в киберпсихологии

Фокус внимания киберпсихологии сосредоточен на цифровом поведении личности. Теоретико-методологической основой постановки проблемы взаимосвязи цифрового поведения и эмоционального развития личности выступают работы А.Л. Журавлева и Т.А. Нестика, описывающие трансформацию личностных и межличностных границ при использовании цифровых технологий и влиянии этого процесса на эмоциональные переживания [Нозикова Н.В., Баденкова Г.Г., 2020; Руммо А.А., 2022]. Обнаруживаются попытки проследить взаимосвязь эмоций и цифрового поведения у детей и подростков, однако тексты статей не представляют собой результаты эмпирического исследования: сложно обоснованно говорить о характере взаимосвязи на основе рассуждений и ссылок на иностранные исследования 2010-х гг., т.к. информационная среда трансформируется очень быстро. Вместе с тем в современных отечественных работах транслируется негативное влияние применения цифровых устройств на эмоциональную осведомленность дошкольников [Кочетова А.А., 2023], их настроение, в т.ч. обозначается риск развития депрессии [Шматко Г.Р., 2023]. Основанием для таких утверждений выступают: стенограмма интервью с американским педиатром (2011) [Кочетова А.А., 2023], ссылка на статью ученых (Солдатова Г., Шляпникова В.), изучающих использование детьми цифровых устройств (планшетов, смартфонов) (2015) [Шматко Г.Р., 2023]. В эмпирическом исследовании развития эмоционального интеллекта в условиях цифровизации среды показано, что дошкольникам не свойственно распознавание таких эмоциональных состояний, как «зависть», «спокойствие» [Батенова Ю.В., Герасимова А.Ю., 2020]. При этом авторы делают достаточно общий вывод о сложностях, возникающих у детей при назывании эмоций Других, понимании себя, объясняя полученные данные влиянием именно цифровой среды. Дизайн представленного исследования не носит экспериментальный характер. Соответственно, факт отрицательного влияния информационного общества на развитие эмоционального интеллекта детей дошкольного возраста нельзя подтвердить

или опровергнуть. Следует отметить, что ребенок в дошкольном возрасте должен быть знаком с базовыми эмоциями и должен уметь распознавать их, однако ни зависть, ни спокойствие к ним не относятся — это, скорее, социально-психологические конструкты.

Цифровые устройства представляют собой информационно-коммуникационные технологии, которые наполнены контентом. В цифровой реальности транслятором контента являются в том числе электронные средства, которые также могут оказывать влияние на эмоциональную сферу личности. Для проверки этой гипотезы в США было проведено глобальное исследование, в котором приняли участие 4139 детей в возрасте от 8 до 11 лет. Дети отвечали на вопросы о собственном цифровом поведении, родители заполняли опросники, предназначенные для диагностики депрессии и тревоги. Получена положительная корреляция между экранным временем, потраченным детьми на просмотр электронных средств массовой информации, и депрессивными проявлениями. Аналогичная, но менее тесная корреляция выявлена между использованием электронных средств массовой информации и тревожными проявлениями. В ходе анализа данных предпринята попытка выявить специфику взаимосвязи типа электронных средств массовой информации и тревожно-депрессивных проявлений. Обнаружены более сильные корреляции видеочатов с депрессивными проявлениями, просмотра видео — с тревожными проявлениями [Fors P.Q., Varch D.M., 2019]. В другом исследовании, проведенном в Китае спустя 5 лет с участием 944 чел., установлена связь экранного времени, проведенного за просмотром цифрового медиа-контента, и риском задержки эмоционального развития детей, особенно у детей из обеспеченных семей. В ситуации ограничения такого вида деятельности уровень риска снижается, однако при совместном просмотре цифрового медиаконтента с родителями наоборот возрастает. В данном исследовании не обнаружено связи между типом цифрового медиаконтента и эмоциональным развитием ребенка [Gou H., Perceval G., 2023]. Следовательно, на этапе эмоционального развития личности цифровой контент может способствовать развитию тензионных состояний вплоть до аффективных расстройств, которые, в свою очередь, вносят от-

рицательный вклад в формирование эмоционального интеллекта ребенка.

Кроме исследований, результаты которых подтверждают негативное влияние применения цифровых технологий на эмоциональный интеллект, существуют иные работы. Так, в исследовании с участием 400 родителей детей в возрасте 5–12 лет не получено статистических подтверждений контрпродуктивной связи между использованием экранного времени различных цифровых устройств и эмоциональным интеллектом ребенка. Также отсутствуют корреляции между игровой деятельностью (в помещении или на открытом воздухе) и эмпатией, эмоциональной регуляцией ребенка. Выявлены корреляции чтения с высоким уровнем эмоционального интеллекта ребенка. Следует отметить наличие связи использования цифровых устройств родителями в присутствии ребенка и более низким уровнем эмоционального интеллекта самого ребенка, при этом работа родителей за компьютером не связана с эмоциональными навыками ребенка. Установлена корреляция эмоционального общения родителей с ребенком при совместном использовании цифровых устройств и высоким уровнем эмоционального интеллекта ребенка [Nabi R.L., Wolfers L.N., 2022]. Проведенное исследование имеет ограничения, однако полученные результаты призывают не интерпретировать столь однозначно воздействие цифровой реальности на развитие эмоционального интеллекта: немаловажную роль в формировании эмоциональной и информационной культур играет семья. Итак, полученные данные позволяют выделить возможные предикторы эмоционального развития личности и интегрировать киберпсихологию и педагогическую психологию для формирования эмоционального интеллекта, начиная с более раннего возраста. Что касается взрослых людей, то есть данные о связи цифрового поведения и эмпатии. Так, в исследовании с участием 193 китайцев получена положительная корреляция экранного времени, потраченного на развлекательный Интернет-серфинг, с цифровой эмпатией [Sun Z., 2023]. Конечно, здесь важно учитывать характер контента и тот факт, что взаимосвязь обнаружена только с одним структурным компонентом эмоционального интеллекта.

Еще одной составляющей цифровой реальности наряду с цифровыми устройствами и

цифровым контентом является цифровая межличностная коммуникация в социальных сетях либо мессенджерах. С целью обнаружения взаимосвязи цифровой коммуникации и эмоционального исследования в Хабаровске проведено исследование, в котором приняли участие 50 студентов в возрасте от 16 до 23 лет. Результаты исследования показали, что: 1) 52 % девушек свойственен низкий уровень эмоционального интеллекта; 2) увлеченность социальными сетями не имеет статистически значимых корреляций со структурными компонентами эмоционального интеллекта [Нозикова Н.В., Баденкова Г.Г., 2020]. Следовательно, активность в социальных сетях не связана с эмоциональным интеллектом в юношеском возрасте и периоде ранней зрелости у представительниц женского пола. Нельзя не сказать об ограничениях данного исследования, которыми выступают: 1) пилотажный характер; 2) малый объем выборки и отсутствие в ее составе студентов мужского пола; 3) отсутствие среди математических методов сравнительного анализа и проведение корреляционного анализа на общей выборке без учета уровня эмоционального интеллекта, который был определен. Напротив, в исследовании, проведенном в Малайзии в период пандемии с участием 909 учащихся средней школы (1–5 классов) и 278 студентов, получены данные о преобладании у большей части респондентов среднего уровня эмоционального интеллекта. Обнаружена положительная взаимосвязь между активностью в социальных сетях и эмоциональным интеллектом [Abdul Aziz A.A. et al., 2022]. Возможно, фактор пандемии сыграл свою роль в образовании такой взаимосвязи. Таким образом, взаимосвязь между активностью в социальных сетях и эмоциональным интеллектом неоднозначна: она либо отсутствует, либо носит положительный характер.

Помимо частоты пользования социальными сетями, важную роль с точки зрения эмоционального интеллекта играет способ реализации цифровой межличностной коммуникации. Вербальным средством цифровой коммуникации выступают онлайн-тексты. Проведенное исследование с участием 681 пользователей из разных географических точек мира онлайн-платформы Reddit обнаруживает диагностический потенциал онлайн-текстов для оценки эмоционального интеллекта. Получены положительные корреляции эмоционального интел-

лекта с выражением положительных эмоций, вежливости, и отрицательные корреляции — с выражением отрицательных эмоций, бранных слов [Dover Y., Amichai-Hamburger Y., 2023]. Следовательно, можно говорить о вкладе эмоционального интеллекта в вежливое, доброжелательное цифровое поведение.

Невербальным средством цифровой коммуникации являются эмодзи, с помощью которых собеседники передают эмоциональную информацию через мгновенные сообщения. По результатам исследования с участием 50 студентов, использующих WhatsApp, обнаружена следующая взаимосвязь эмоционального интеллекта и цифровой коммуникации: сообщения с эмодзи свидетельствуют о самораскрытии собеседника в ходе коммуникации. Восприятие таких сообщений имеет положительные корреляции с эмоциональностью, распознаванием эмоций и управлением ими. Установлено, что лица с низким уровнем эмоционального интеллекта распознают эмодзи как эмоциональные сигналы, однако при оценке эмодзи у них возникают трудности. Интересно, что лица с низким уровнем эмоционального интеллекта более верно распознают эмодзи с отрицательной валентностью, например, свидетельствующие о плохом самочувствии Другого [Völker J., Mannheim C., 2021]. Следовательно, эмоциональный интеллект необходим для понимания сообщений с эмодзи. Однако остается риск субъективной оценки даже популярных эмодзи. Также важно учитывать, что цифровая межличностная коммуникация через сообщения с эмодзи показывает эмоциональное раскрытие участников коммуникации в отношении друг к другу, однако только на основании анализа переписки нельзя делать вывод о взаимоотношениях собеседников. В другом исследовании, проведенном в Индии с участием 113 чел. в возрасте 18–40 лет, также подтверждена связь эмоционального интеллекта с использованием невербальных символов в ходе интернет-коммуникации. Показано, что лица с высоким уровнем эмоционального интеллекта эффективно распознают смайлики [Bhuvaneshwari G., Vijayakumar S., 2021]. Таким образом, для продуктивной цифровой невербальной коммуникации необходимо иметь развитый интеллект, без которого эмоциональная информация не будет распознана или будет воспринят только ее негативный аспект.

Цифровое поведение также сопровождается игровой деятельностью. Что касается взаимосвязи эмоционального интеллекта и видеоигр, то по результатам одного уже описанного исследования связь между ними отсутствует (см. [Abdul Aziz A.A. et al., 2022]). В другом исследовании обнаружено, что видеоигры отрицательно коррелируют с переживанием сочувствия [Sun Z., 2023]. Возможно, это связано с преобладанием среднего уровня эмоционального интеллекта у большей части выборки. Также важно учитывать аддиктивный потенциал такого цифрового поведения. Результаты лонгитюдного исследования с участием 282 студентов из Китая свидетельствуют о связи эмоционального интеллекта и зависимости от интернет-игр. Значительное опосредующее влияние на эту взаимосвязь оказывает депрессия [Dang D.L. et al., 2019]. Сходные результаты получили итальянские исследователи. Установлено, что данная корреляция более характерна для молодого возраста [Sechi C. et al., 2021]. Следовательно, можно предположить, что эмоциональный интеллект выполняет защитную функцию от компульсивного цифрового поведения. Результаты исследования с участием 73 студентов из Индии свидетельствуют об отрицательной взаимосвязи такого поведения с эмоциональным интеллектом. Предикторами компульсивного цифрового поведения выступают такие характеристики эмоционального интеллекта, как осознание эмоционального переживания и управление им [Sephargroуа E., Gokhale M., 2019]. Соответственно, для профилактики аддиктивных расстройств важно развивать стрессоустойчивость и социальную ответственность.

Взаимосвязь эмоционального интеллекта и применения цифровых технологий в психологии здоровья

Развитие стрессоустойчивости имеет колоссальную значимость для поддержания в том числе и психического здоровья. В постоянно изменчивой, неопределенной и неоднозначной социальной ситуации на первый план выходит такой навык, как эмоциональная регуляция, которая сегодня может быть названа «цифровая эмоциональная регуляция». В зарубежных исследованиях получены данные о связи использования цифровых технологий и изменения

эмоционального состояния [Wadley G. et al., 2020; Bettis A.H. et al., 2022; Bravou V. et al., 2022; Jadhakhan F. et al., 2022]. Проведен обзор 33 исследований, подтверждающих эффективность применения цифровых устройств для эмоциональной регуляции взрослых, в т.ч. при стрессовом состоянии [Jadhakhan F. et al., 2022]. Показана роль смартфонов как «скорой психологической помощи». В ситуации совладания со стрессом увеличиваются: частота просмотра онлайн-видео, использование цифровых музыкальных платформ, в т.ч. звуковых ландшафтов природы, обращения к видеоиграм, написание сообщений в мессенджерах, размещение постов в социальных сетях, онлайн-шопинг. Встает вопрос о негативных последствиях такого цифрового поведения для достижения психологического благополучия. Как мы видим, желание изменить настроение реализуется скорее через отвлечение от неприятного переживания, нежели через осознание, формирование и реализацию намерения его трансформации с помощью продуктивной для психики деятельности. В то же время описан опыт реализации позитивных стратегий цифровой эмоциональной регуляции в профессиональной деятельности через разработку следующих инструментов [Wadley G. et al., 2020]:

а) создание эмоционально маркированных плейлистов, а также проведение экспериментов с освещением и изображениями для улучшения настроения работников, повышения производительности и ускорения процесса принятия решений;

б) использование автоматических тактильных сидений и голосовых указаний для снятия напряжения у водителей автомобилей;

в) разработка и апробация телефонных приложений для мониторинга эмоционального состояния, прохождения тренинга осознанности и т.д.;

г) спроектированы роботы — личные помощники, помогающие их владельцу регулировать эмоции. Уже есть данные о результативности использования цифрового помощника в ходе эмоциональной регуляции. В течение 14 дней 32 респондента в возрасте 18–36 лет участвовали в программе тренинга по эмоциональной адаптации. Выявлено снижение уровня тензионных состояний, сопровождающихся тревожными и депрессивными проявлениями. Подтвержден пси-

хотерапевтический потенциал тренинга эмоциональной адаптации [Qu D. et al., 2023].

В другой работе проведен обзор 39 исследований применения цифровых устройств для эмоциональной регуляции детей и подростков 8–14 лет. Получены данные о роли цифровых игр в снижении неприятных эмоциональных переживаний, особенно у лиц, склонных к тревожным проявлениям [Reynard S. et al., 2022]. Следовательно, общей тенденцией является положительное влияние применения цифровых технологий на регуляцию эмоций, однако его статистический эффект незначителен.

Вместе с тем представляется важным отметить ряд ограничений описанных исследований:

1) отсутствуют данные об эффективности цифровой эмоциональной регуляции в краткосрочной и долгосрочной перспективах, а также о факторе влияния именно цифрового устройства на эмоциональное состояние;

2) ввиду сложности психического, не операционализированы диагностические критерии, разделяющие генерирование эмоции (например, злости при чтении новостей в социальных сетях) и ее регулирование (например, намеренный думскроллинг — просмотр новостей с негативной коннотацией для усиления эмоции злости), а также соответствующую мотивацию обращения к цифровым технологиям (гедонистическую и/или инструментальную);

3) не верифицирован аддиктивный потенциал цифровой эмоциональной регуляции.

Важно сформировать навык цифровой эмоциональной регуляции, решая конкретную задачу на каждом этапе совладания со стрессом. Например, на этапе обнаружения эмоции можно воспользоваться телефонным приложением для идентификации эмоционального состояния и принятия решения о его регуляции. Для отбора — просмотреть соответствующие онлайн-ресурсы, предлагающие диапазон психотехнологий от переключения внимания до когнитивных изменений. Следующий шаг — изменение поведения: внедрение выбранного способа эмоциональной регуляции в личную и профессиональную деятельность, регулярный функциональный анализ поведения и принятие решения о применении той или психотехнологии вместо привычного, возможно, дезадаптивного способа реагирования. Описанный процесс требует постоянного мониторинга и внесения

изменений. Для успешного выполнения такого алгоритма необходимо, с одной стороны, развивать инновационный психотехнологический потенциал цифровой эмоциональной регуляции, с другой, — социально-психологическую и эмоциональную культуры личности, а также уровень эмоционального интеллекта. Важно проводить дальнейшие более рандомизированные исследования для контроля различных факторов влияния на цифровую эмоциональную регуляцию с учетом возможности получения как краткосрочного, так и долгосрочного эффектов вмешательства.

Взаимосвязь эмоционального интеллекта и применения цифровых технологий в психотерапии

Цифровизация внесла свой вклад и в организацию терапевтических отношений между психотерапевтом и клиентом. Получены данные об эффективности дистанционной психотерапии не только с позиции ее клинической эффективности, но и касательно эмпатического аспекта терапевтической коммуникации. Так, в ходе исследования с участием 23 чел., прошедших с ноября 2020 по январь 2021 г. 72 сеанса (33 в очном формате и 39 — в онлайн-формате), установлено: клиенты считают, что терапевты проявляют значительно больше эмпатии и поддержки в ходе дистанционного консультирования [Sperandeo R. et al., 2021]. Полученные данные подтверждают значимость роли восприятия клиентом эмпатии для формирования продуктивных терапевтических отношений. Ограничениями исследования выступает отсутствие информации о: 1) качестве связи онлайн-платформ; 2) патопсихологических характеристиках личности клиентов; 3) эмпатийных способностях участников исследования. По результатам другого исследования, в котором приняли участие 93 американских студента, было установлено, что очная психотерапия воспринимается как более эффективная для снижения эмоционального напряжения, нежели телетерапия. Результаты исследования также свидетельствуют о связи тревожности, депрессии и стресса с выбором обеих форм организации коммуникации, что, вероятно, обусловлено высокими эмоциональными потребностями [McFarland S., Hay A., 2023]. Различия в полученных данных, возможно, связаны с тем, что: 1) второе исследование

проводилось в период пандемии, когда коммуникация была перенасыщена цифровыми технологиями; 2) различаются предметы исследований: если в первом ученых интересовало восприятие эмпатии со стороны психотерапевта в ходе коммуникации, то во втором речь идет о влиянии цифровой психотерапевтической коммуникации на эмоциональное состояние клиента. В любом случае, применение цифровых технологий в психотерапии положительно связано с эмоциональным интеллектом и может быть эффективно в достижении психотерапевтических целей, включающих, как правило, развитие последнего.

Обсуждение

В ходе проведенного обзора исследований обнаружены данные, которые подтверждают наличие взаимосвязи эмоционального интеллекта и применения цифровых технологий. Цифровизация внесла вклад на уровне постановки проблемы, модернизации понятий («цифровой эмоциональный интеллект», «цифровая эмпатия», «цифровая эмоциональная регуляция») и организации исследований. Анализ полученных результатов показал, что применение цифровых технологий в формате специально разработанных онлайн-курсов, цифровых игр помогает развивать эмоциональный интеллект у взрослых, формированию эмоциональной регуляции у детей. На наш взгляд, важно интегрировать достижения педагогической психологии в другие отрасли психологии и психологические практики, т.к. развитый эмоциональный интеллект положительно связан с успешностью обработки информации. Эмпирически обоснован факт взаимосвязи эмоционального интеллекта и цифровой компетентности. Подтверждается, что в процессе применения информационно-коммуникационных цифровых технологий важно работать не просто с информацией, которая является глобальным культурным контекстом современной эпохи, но и обрабатывать эмоциональную информацию для достижения цели.

Трансляция негативного влияния цифровых технологий на развитие эмоционального интеллекта детей и подростков не получила полного эмпирического подтверждения. Только в одном отечественном исследовании есть данные о низкой эмоциональной осведомленности детей

дошкольного возраста в связи с цифровизацией, причем последняя выступает лишь в качестве фона и никак не контролируется при проведении исследования. Действительно, показано негативное влияние цифрового контента на эмоциональное состояние детей вплоть до риска формирования аффективных расстройств. Однако содержание цифрового контента, предназначенного для детей, можно контролировать. Тем более, что такая взаимосвязь не носит однозначный характер, т.к. выявлена не во всех обнаруженных исследованиях. Напротив, подтверждена роль эмоционального общения с родителями при совместном просмотре цифрового контента, что можно использовать для организации семейного досуга.

Цифровые межличностные коммуникации также неоднозначно связаны с эмоциональным интеллектом: связь либо отсутствует, либо носит положительный характер. Эмоциональный интеллект способствует демонстрации вежливости, доброжелательности, самораскрытию, ориентации на понимание Другого в ходе взаимодействия на онлайн-платформах. Низкий уровень эмоционального интеллекта позволяет воспринимать только негативные эмоциональные сигналы и усложняет понимание положительных. Негативный характер носит взаимосвязь эмоционального интеллекта и видеоигр. В ходе игровой деятельности снижается эмпатийное поведение и возрастает аддиктивный потенциал такой активности, особенно у молодежи. Вероятно, игра компенсирует достижение жизненных целей, требующих приложения эмоционально-волевых усилий. Важно исследовать мотивацию игрока и выявить его эмоциональные потребности, которые на фоне низкой стрессоустойчивости и социальной ответственности, скорее всего, не удовлетворяются.

Также существуют разные стратегии применения информационно-коммуникационных технологий для совладания со стрессом: положительные и отрицательные. При организации работы по развитию эмоциональной регуляции важно осознавать, какую стратегию использовать, т.к. положительные стратегии имеют высокий психотерапевтический потенциал и позволяют снизить эмоциональное напряжение. В свою очередь, отрицательные стратегии активизируют такой копинг, как избегание, работают через переключение внимания. Такое поведение

может быть продуктивно, однако важно вести мониторинг последствий такого цифрового поведения.

Если говорить о психотерапевтическом аспекте применения цифровых технологий, то получено эмпирическое подтверждение восприятия дистанционного взаимодействия с психотерапевтом как продуктивного.

Ограничением настоящего обзора выступают: 1) преобладание зарубежных исследований, которые проводились в ином культурном контексте; 2) представление общих результатов исследований без описания и сопоставления диагностического инструментария, частных результатов; 3) описание данных на основе предельно общего понимания феномена «эмоциональный интеллект» при наличии разных моделей эмоционального интеллекта и коморбидных ему понятий.

Заключение

Таким образом, взаимосвязь эмоционального интеллекта и применения цифровых технологий имеет эмпирическое подтверждение. Взаимосвязь носит положительный характер в контексте обучения, межличностной коммуникации, совладания со стрессом, психотерапии. Показаны риски ее отрицательного влияния при восприятии цифрового контента, игровой деятельности и понимания эмоциональных сигналов в ходе использования эмодзи и смайлов.

Полученные в ходе проведенного обзора результаты могут быть использованы для планирования научных исследований эмоционального интеллекта в контексте цифровой среды при решении актуальных проблем психологической науки, а также для разрешения вопросов, связанных с эмоциональным развитием цифровой личности, в ходе реализации психологических практик. Перспективами исследования выступают: 1) четкая концептуализация феномена «цифровой эмоциональный интеллект»; 2) прояснение и объяснение природы взаимосвязи эмоционального интеллекта и применения цифровых технологий с учетом описанных методологических ограничений; 3) ориентация на возможность репликации уже проведенных исследований; 4) правомерность распространения полученных результатов в обществе для развития психологической культуры и повышения качества жизни в условиях цифровизации.

Список литературы

- Батенова Ю.В., Герасимова А.Ю.* Развитие эмоционального интеллекта детей в условиях цифровизации информационной среды // Экопсихологические исследования – 6: экология детства и психология устойчивого развития: сб. науч. ст. / отв. ред. В.И. Панов. М.: Психологический ин-т РАО; Курск: Университетская книга, 2020. С. 422–426. DOI: <https://doi.org/10.24411/9999-044A-2020-00097>
- Безносюк Е.В., Ломакина К.В.* Развитие эмоционального интеллекта у обучающихся начальной школы в эпоху цифровой реальности // Мир, открытый детству: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 23 мая 2022 г.) / науч. ред. Е.В. Коротаева, отв. ред. Л.В. Воронина. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2022. С. 30–34.
- Белашева И.В.* Трансформации эмоциональной компетентности личности в формирующемся цифровом обществе: постановка проблемы // Вестник Вятского государственного университета. 2022. № 3(145). С. 128–138. DOI: <https://doi.org/10.25730/vsu.7606.22.044>
- Беркович О.А., Беркович М.Л.* Вызовы цифрового общества и социально-экономические трансформации как контексты развития мышления обучающихся // Модернизация системы профессионального образования, на основе регулируемого эволюционирования: материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва–Челябинск, 14 ноября 2019 г.) / отв. ред. Д.Ф. Ильясов. М.; Челябинск: Изд-во ЧИППКРО, 2019. С. 242–248.
- Веракса А.Н., Бухаленкова Д.А., Чичина Е.А., Алмазова О.В.* Взаимосвязь использования цифровых устройств и эмоционально-личностного развития современных дошкольников // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26, № 1. С. 27–40. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2021260101>
- Веселова В.В.* Социализация в цифровом обществе как путь в неведомое // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаём будущее: сб. ст. XVI Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. (Пенза, 20 июня 2018 г.) / отв. ред. Г.Ю. Гуляев. Пенза: Наука и Просвещение, 2018. Ч. 1. С. 202–205.
- Гребняк О.В.* Особенности формирования рынка труда молодежи в обществе цифровой экономики // Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019–2024 гг. в социальном развитии молодежи: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 20–21 апреля 2020 г.)

/ отв. ред. Т.К. Ростовская. М.: Перспектива, 2020. С. 269–275.

Кочетова А.А. Роль семьи в развитии эмоционального интеллекта младших школьников в условиях цифровизации // Трансформация образования в цифровом обществе: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. (Челябинск, 29 марта 2023 г.) / под ред. О.Р. Шефер. Челябинск: Край Ра, 2023. Ч. 1. С. 165–168.

Неизвестный С.И. Проблемы отрыва «цифровой тени» от человека в эпоху цифровой трансформации // Цифровая трансформация управления: проблемы и решения – 2021: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 14 мая 2021 г.) / под ред. А.В. Троицкого, О.М. Писаревой, М.Н. Белоусовой. М.: Изд-во Гос. ун-та управления, 2021. С. 78–81.

Нозикова Н.В., Баденкова Г.Г. Взаимосвязь развития эмоционального интеллекта с активностью пользования социальными сетями в юношеском возрасте // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2020. Т. 33. С. 43–58. DOI: <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2020.33.43>

Родионова Е.В., Конюхова Т.В., Лукьянова Н.А., Конюхова Е.Т. Эмоциональный интеллект студентов цифрового поколения: опыт инженерного вуза // Образование и саморазвитие. 2022. Т. 17, № 4. С. 126–138. DOI: <https://doi.org/10.26907/esd.17.4.10>

Руммо А.А. Влияние современных цифровых ресурсов на эмоциональное развитие подростков // Постулат. 2022. № 1(75). URL: <http://www.e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/download/4008/4063> (дата обращения: 13.07.2023).

Руни С. Прекрасный мир, где же ты / пер. с англ. А. Бабяшкиной. М.: Синдбад, 2023. 352 с.

Смирнов Е.А., Рослякова М.В. Эмоциональный интеллект как управленческий ресурс женщин в эпоху цифровой трансформации // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: материалы Междунар. науч. конф. (Москва–Иваново–Плес, 16–18 мая 2019 г.) / отв. ред. О.А. Хасбулатова. Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 2019. С. 141–147.

Шматко Г.Р. Современные цифровые устройства как фактор влияния на эмоциональный интеллект и когнитивные способности детей дошкольного // Трансформация образования в цифровом обществе: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. (Челябинск, 29 марта 2023 г.) / под ред. О.Р. Шефер. Челябинск: Край Ра, 2023. Ч. 1. С. 388–392.

Юровицкий С.Я. Эмоциональный интеллект и конфликтологическая компетентность в условиях цифровизации // Вестник университета. 2021. № 6. С. 177–182. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-177-182>

Abdul Aziz A.A., Nallaluthan K., Kanapathy K., Kho F.C.Y., Zainal M. The Digital Media Platforms and Students' Emotional Intelligence during COVID-19 Pandemic in Malaysia // Jurnal Pendidikan Bitara UPSI. 2022. Vol. 15, no. 2. URL: <https://ejournal.upsi.edu.my/index.php/JPB/article/view/6189/4064> (accessed: 13.07.2023).

Alpian Y., Sumantri M.S., Yufiarti Y., Anggraeni S.W. Self-Concept and Emotional Intelligence in Relation with Digital Literacy // Journal of Nonformal Education. 2023. Vol. 9, no. 1. P. 47–57. DOI: <https://doi.org/10.15294/jne.v9i1.42098>

Alpian Y., Sumantri M.S., Yufiarti Y., Anggraeni S.W., Hananto A.L. Self-Concept, Logical Thinking Patterns, and Emotional Intelligence in Relation to Digital Literacy Ability // Res Militaris. 2022. Vol. 12, no. 3. P. 691–710.

Audrin C., Audrin B. More than just emotional intelligence online: introducing «digital emotional intelligence» // Frontiers in Psychology. 2023. Vol. 14. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2023.1154355/full> (accessed: 13.07.2023). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1154355>

Bettis A.H., Burke T.A., Nesi J., Liu R.T. Digital Technologies for Emotion-Regulation Assessment and Intervention: A Conceptual Review // Clinical Psychological Science. 2022. Vol. 10, iss. 1. P. 3–26. DOI: <https://doi.org/10.1177/21677026211011982>

Bhuvanewari G., Vijayakumar S. Emotional Intelligence and Values in Digital World through Emoticons among Indian Students and Faculty // International Journal of Asian Education. 2021. Vol. 2, no. 2. P. 267–276. DOI: <https://doi.org/10.46966/ijae.v2i2.142>

Bravou V., Driga A.M.S., Drigas A. Emotion Regulation, the Function of Stress Hormones & Digital Technologies // Technium BioChemMed. 2022. Vol. 3, no. 2. P. 27–34. DOI: <https://doi.org/10.47577/biochemmed.v3i2.6338>

Chen Ch.W. Developing EFL students' digital empathy through video production // System. 2018. Vol. 77. P. 50–57. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.system.2018.01.006>

Dang D.L., Zhang M.X., Leong K.K., Wu A.M.S. The Predictive Value of Emotional Intelligence for Internet Gaming Disorder: A 1-Year Longitudinal Study // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. Vol. 16, iss. 15.

URL: <https://www.mdpi.com/1660-4601/16/15/2762> (accessed: 13.07.2023). DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph16152762>

Dover Y., Amichai-Hamburger Y. Characteristics of online user-generated text predict the emotional intelligence of individuals // *Scientific Reports*. 2023. Vol. 13, iss. 1. URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-023-33907-4> (accessed: 13.07.2023). DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-023-33907-4>

Erol B.A., Majumdar A., Benavidez P., Rad P., Choo K.-K.R., Jamshidi M. Toward Artificial Emotional Intelligence for Cooperative Social Human–Machine Interaction // *IEEE Transactions on Computational Social Systems*. 2020. Vol. 7, iss. 1. P. 234–246. DOI: <https://doi.org/10.1109/tcss.2019.2922593>

Fors P.Q., Barch D.M. Differential Relationships of Child Anxiety and Depression to Child Report and Parent Report of Electronic Media Use // *Child Psychiatry & Human Development*. 2019. Vol. 50, iss. 6. P. 907–917. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10578-019-00892-7>

Garini R.A., Muafi M. The effect of digital competence, work life balance and work stress towards service performance with moderation of emotional intelligence on employees of PT.X // *International Journal of Business Ecosystem & Strategy* (2687–2293). 2023. Vol. 5, no. 2. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.36096/ijbes.v5i2.403>

Glazunova O.G., Saiapina T., Korolchuk V., Kasatkina O., Voloshyna T. Digital intelligence of a modern economist: an exploratory case study // *SHS Web of Conferences*. 2021. Vol. 104. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2021/15/shsconf_ichtml2021_03001.pdf (accessed: 13.07.2023). DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202110403001>

Gou H., Perceval G. Does digital media use increase risk of social-emotional delay for Chinese preschoolers? // *Journal of Children and Media*. 2023. Vol. 17, iss. 1. P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1080/17482798.2022.2118141>

Jadhakhan F., Blake H., Hett D., Marwaha S. Efficacy of digital technologies aimed at enhancing emotion regulation skills: Literature review // *Frontiers in Psychiatry*. 2022. Vol. 13. URL: <https://www.readcube.com/articles/10.3389/fpsy.2022.809332> (accessed: 13.07.2023). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.809332>

Kallou S., Kikilia A., Kalogiannakis M. Emotional Intelligence Development in Tourism Education and Training through Digital Technologies // *Innovations in Learning and Technology for the Workplace and*

Higher Education. TLIC 2021. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 349 / ed. by D. Guralnick, M.E. Auer, A. Poce. Cham, CH: Springer, 2022. P. 149–159. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-90677-1_15

Kallou S., Kikilia A., Kalogiannakis M., Zacharis N.Z. Emotional intelligence development: the implementation of transformative learning through digital technologies in tourism—a study protocol // *International Journal of Technology Enhanced Learning*. 2023. Vol. 15, iss. 2. P. 180–194. DOI: <https://doi.org/10.1504/ijtel.2023.130112>

McFarland S., Hay A. Digital and In-Person Interpersonal Emotion Regulation: The Role of Anxiety, Depression and Stress // *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. 2023. Vol. 45, iss. 1. P. 256–263. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10862-022-10010-y>

Nabi R.L., Wolfers L.N. Does digital media use harm children’s emotional intelligence? A parental perspective // *Media and Communication*. 2022. Vol. 10, no. 1. P. 350–360. DOI: <https://doi.org/10.17645/mac.v10i1.4731>

Qu D., Liu D., Cai Ch., Zhang X. et al. Process model of emotion regulation-based digital intervention for emotional problems // *Digital Health*. 2023. Vol. 9. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/20552076231187476> (accessed: 13.07.2023). DOI: <https://doi.org/10.1177/20552076231187476>

Reynard S., Dias J., Mitic M., Schrank B., Woodcock K.A. Digital Interventions for Emotion Regulation in Children and Early Adolescents // *JMIR Serious Games*. 2022. Vol. 10, no. 3. URL: <https://games.jmir.org/2022/3/e31456/pdf> (accessed: 13.07.2023). DOI: <https://doi.org/10.2196/31456>

Sechi C., Loi G., Cabras C. Addictive internet behaviors: The role of trait emotional intelligence, self-esteem, age, and gender // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2021. Vol. 62, iss. 3. P. 409–417. DOI: <https://doi.org/10.1111/sjop.12698>

Sepharipouya E., Gokhale M. Compulsive internet use: The role of emotional intelligence and loneliness // *IAHRW International Journal of Social Sciences Review*. 2019. Vol. 7, iss. 3. P. 434–436.

Sperandeo R., Cioffi V., Mosca L.L., Longobardi T. et al. Exploring the question: «Does empathy work in the same way in online and in-person therapeutic settings?» // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. URL: <https://www.readcube.com/articles/10.3389/fpsyg.2021.671790> (accessed: 13.07.2023). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.671790>

Sun Z. Internet use influences digital empathy: a survey on Chinese young adults // *Journal of Education, Humanities and Social Sciences*. 2023. Vol. 8. P. 264–272. DOI: <https://doi.org/10.54097/ehss.v8i.4259>

Völker J., Mannheim C. Tuned in on senders' self-revelation: Emojis and emotional intelligence influence interpretation of WhatsApp messages // *Computers in Human Behavior Reports*. 2021. Vol. 3. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2451958821000105/pdf?md5=50f09b4e6f6c2ef80b512fd374ed84c1&pid=1-s2.0-S2451958821000105-main.pdf> (accessed: 13.07.2023). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chbr.2021.100062>

Wadley G., Smith W., Koval P., Gross J.J. Digital emotion regulation // *Current Directions in Psychological Science*. 2020. Vol. 29, iss. 4. P. 412–418. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963721420920592>

Yeke S. Digital intelligence as a partner of emotional intelligence in business administration // *Asia Pacific Management Review*. 2023. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1029313223000015/pdf?md5=1b4607bb93fbc7103cea46547be51d75&pid=1-s2.0-S1029313223000015-main.pdf> (accessed: 13.07.2023). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.apmr.2023.01.001>

References

Abdul Aziz, A.A., Nallaluthan, K., Kanapathy, K., Kho, F.C.Y. and Zainal, M. (2022). The digital media platforms and students' emotional intelligence during COVID-19 pandemic in Malaysia. *Jurnal Pendidikan Bitara UPSI*. Vol. 15, no. 2. Available at: <https://ejournal.upsi.edu.my/index.php/JPB/article/view/6189/4064> (accessed 13.07.2023).

Alpian, Y., Sumantri, M.S., Yufiarti, Y. and Anggraeni, S.W. (2023). Self-concept and emotional intelligence in relation with digital literacy. *Journal of Nonformal Education*. Vol. 9, no. 1, pp. 47–57. DOI: <https://doi.org/10.15294/jne.v9i1.42098>

Alpian, Y., Sumantri, M.S., Yufiarti, Y., Anggraeni, S.W. and Hananto, A.L. (2022). Self-concept, logical thinking patterns, and emotional intelligence in relation to digital literacy ability. *Res Militaris*. Vol. 12, no. 3, pp. 691–710.

Audrin, C. and Audrin, B. (2023). More than just emotional intelligence online: introducing «digital emotional intelligence». *Frontiers in Psychology*. Vol. 14. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2023.1154355/full> (accessed 13.07.2023). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1154355>

Batenova, Yu.V. and Gerasimova, A.Yu. (2020). [Development of emotional intelligence of children under conditions of digitalization of information media]. *Ekopsikholicheskie issledovaniya – 6. Ekologiya detstva i psikhologiya ustoychivogo razvitiya: sbornik nauchnykh statey* [Ecopsychological research – 6: ecology of childhood and psychology of sustainable development: Collection of scientific articles]. Moscow: Psychological Institute RAE Publ., Kursk: Universitetskaya kniga Publ., pp. 422–426. DOI: <https://doi.org/10.24411/9999-044A-2020-00097>

Bettis, A.H., Burke, T.A., Nesi, J. and Liu, R.T. (2022). Digital technologies for emotion-regulation assessment and intervention: a conceptual review. *Clinical Psychological Science*. Vol. 10, iss. 1, pp. 3–26. DOI: <https://doi.org/10.1177/21677026211011982>

Belasheva, I.V. (2022). [Transformations of the emotional competence of the individual in the emerging digital society: problem statement]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University]. No. 3(145), pp. 128–138. DOI: <https://doi.org/10.25730/vsu.7606.22.044>

Berkovich, O.A. and Berkovich, M.L. (2019). [Challenges of the digital society and socio-economic transformations as contexts for the development of students' thinking]. *Modernizatsiya sistemy professional'nogo obrazovaniya na osnove reguliruemogo evolyutsionirovaniya, Materialy XVIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva–Chelyabinsk, 14 noyabrya 2019 g.)* [Modernization of the System of Vocational Education Based on Regulated Evolution: Materials of the 18th International Scientific and Practical Conference (Moscow–Chelyabinsk, November 14, 2019)]. Chelyabinsk: ChIRATE Publ., pp. 242–248.

Beznosyuk, E.V. and Lomakina, K.V. (2022). [Development of emotional intelligence among primary school students in the era of digital reality]. *Mir, otkrytyy detstvu: Materialy III Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Ekaterinburg, 23 maya 2022 g.)* [A World Open to Childhood: Proceedings of the 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference (Yekaterinburg, May 23, 2022)]. Yekaterinburg: USPU Publ., pp. 30–34.

Bhuvanawari, G. and Vijayakumar, S. (2021). Emotional intelligence and values in digital world through emoticons among Indian students and faculty. *International Journal of Asian Education*. Vol. 2, no. 2, pp. 267–276. DOI: <https://doi.org/10.46966/ijae.v2i2.142>

Bravou, V., Driga, A.M.S. and Drigas, A. (2022). Emotion regulation, the function of stress hormones & digital technologies. *Technium BioChemMed*.

Vol. 3, no. 2, pp. 27–34. DOI: <https://doi.org/10.47577/biochemmed.v3i2.6338>

Chen, Ch.W. (2018). Developing EFL students' digital empathy through video production. *System*. Vol. 77, pp. 50–57. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.system.2018.01.006>

Dang, D.L., Zhang, M.X., Leong, K.K. and Wu, A.M.S. (2019). The predictive value of emotional intelligence for internet gaming disorder: a 1-year longitudinal study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 16, iss. 15. Available at: <https://www.mdpi.com/1660-4601/16/15/2762> (accessed 13.07.2023). DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph16152762>

Dover, Y. and Amichai-Hamburger, Y. (2023). Characteristics of online user-generated text predict the emotional intelligence of individuals. *Scientific Reports*. Vol. 13, iss. 1. Available at: <https://www.nature.com/articles/s41598-023-33907-4.pdf> (accessed 13.07.2023). DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-023-33907-4>

Erol, B.A., Majumdar, A., Benavidez, P., Rad, P., Choo, K.-K.R. and Jamshidi, M. (2020). Toward artificial emotional intelligence for cooperative social human–machine interaction. *IEEE Transactions on Computational Social Systems*. Vol. 7, iss. 1, pp. 234–246. DOI: <https://doi.org/10.1109/tcss.2019.2922593>

Fors, P.Q. and Barch, D.M. (2019). Differential relationships of child anxiety and depression to child report and parent report of electronic media use. *Child Psychiatry & Human Development*. Vol. 50, iss. 6, pp. 907–917. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10578-019-00892-7>

Garini, R.A. and Muafi, M. (2023). The effect of digital competence, work life balance and work stress towards service performance with moderation of emotional intelligence on employees of PT.X. *International Journal of Business Ecosystem & Strategy* (2687–2293). Vol. 5, no. 2, pp. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.36096/ijbes.v5i2.403>

Glazunova, O.G., Saiapina, T., Korolchuk, V., Kasatkina, O. and Voloshyna, T. (2021). Digital intelligence of a modern economist: an exploratory case study. *SHS Web of Conferences*. Vol. 104. Available at: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2021/15/shsconf_ichtml2021_03001.pdf (accessed 13.07.2023). DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202110403001>

Gou, H. and Perceval, G. (2023). Does digital media use increase risk of social-emotional delay for Chinese preschoolers? *Journal of Children and Media*. Vol. 17, iss. 1, pp. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1080/17482798.2022.2118141>

Grebnyak, O.V. (2020). [Features of the formation of the youth labor market in the society of the digital economy]. *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: national'nye proekty 2019–2024 gg. v sotsial'nom razvitií molodezhi: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 20–21 aprelya 2020 g.)* [State Youth Policy: National Projects 2019–2024 in the Social Development of Youth: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Moscow, April 20–21, 2020)]. Moscow: Perspektiva Publ., pp. 269–275.

Jadhakhan, F., Blake, H., Hett, D. and Marwaha, S. (2022). Efficacy of digital technologies aimed at enhancing emotion regulation skills: Literature review. *Frontiers in Psychiatry*. Vol. 13. Available at: <https://www.readcube.com/articles/10.3389/fpsy.2022.809332> (accessed 13.07.2023). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.809332>

Kallou, S., Kikilia, A. and Kalogiannakis, M. (2022). Emotional intelligence development in tourism education and training through digital technologies. *D. Guralnick, M.E. Auer, A. Poce (eds.) Innovations in Learning and Technology for the Workplace and Higher Education. TLIC 2021. Lecture Notes in Networks and Systems*. Cham, CH: Springer Publ., vol. 349, pp. 149–159. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-90677-1_15

Kallou, S., Kikilia, A., Kalogiannakis, M. and Zacharis, N.Z. (2023). Emotional intelligence development: the implementation of transformative learning through digital technologies in tourism—a study protocol. *International Journal of Technology Enhanced Learning*. Vol. 15, iss. 2, pp. 180–194. DOI: <https://doi.org/10.1504/ijtel.2023.130112>

Kochetova, A.A. (2023). [The role of the family in the development of emotional intelligence of younger schoolchildren in the context of digitalization]. *Transformatsiya obrazovaniya v tsifrovom obshchestve: Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 ch. (Chelyabinsk, 29 marta 2023 g.)* [Transformation of Education in a Digital Society: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference: in 2 pt. (Chelyabinsk, March 29, 2023)]. Chelyabinsk: Kray Ra Publ., pt. 1, pp. 165–168.

McFarland, S. and Hay, A. (2023). Digital and in-person interpersonal emotion regulation: the role of anxiety, depression and stress. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. Vol. 45, iss. 1, pp. 256–263. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10862-022-10010-y>

Nabi, R.L. and Wolfers, L.N. (2022). Does digital media use harm children's emotional intelligence? A

parental perspective. *Media and Communication*. Vol. 10, no. 1, pp. 350–360. DOI: <https://doi.org/10.17645/mac.v10i1.4731>

Neizvestnyy, S.I. (2021). [Problems of separating the «digital shadow» from a person in the era of digital transformation]. *Tsifrovaya transformatsiya upravleniya: problemy i resheniya – 2021: materialy III Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 14 maya 2021 g.)* [Digital Transformation of management: Problems and Solutions – 2021: Proceedings of the 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference (Moscow, May 14, 2021)]. Moscow: SUM Publ., pp. 78–81.

Nozikova, N.V. and Badenkova, G.G. (2020). [The relationship between development of emotional intelligence and activity of using social media in adolescence]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [The Bulletin of Irkutsk State University]. Vol. 33, pp. 43–58. DOI: <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2020.33.43>

Qu, D., Liu, D., Cai, Ch., Zhang, X. et al. (2023). Process model of emotion regulation-based digital intervention for emotional problems. *Digital Health*. Vol. 9. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/20552076231187476> (accessed 13.07.2023). DOI: <https://doi.org/10.1177/20552076231187476>

Reynard, S., Dias, J., Mitic, M., Schrank, B. and Woodcock, K.A. (2022). Digital interventions for emotion regulation in children and early adolescents: Systematic review and meta-analysis. *JMIR Serious Games*. Vol. 10, no. 3. Available at: <https://games.jmir.org/2022/3/e31456/pdf> (accessed 13.07.2023). DOI: <https://doi.org/10.2196/31456>

Rodionova, E.V., Konyukhova, T.V., Luk'yanova, N.A. and Konyukhova, E.T. (2022). [Emotional intelligence of digital generation students: Experience of engineering university]. *Obrazovanie i samorazvitie* [Education and Self Development]. Vol. 17, no. 4, pp. 126–138. DOI: <https://doi.org/10.26907/esd.17.4.10>

Rooney, S. (2023). *Prekrasnyy mir, gde zhe ty* [Beautiful world, where are you]. Moscow: Sindbad Publ., 352 p.

Rummo, A.A. (2022). [The impact of modern digital resources on the emotional development of a teenager]. *Postulat*. No. 1(75). Available at: <http://www.e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/download/4008/4063> (accessed 13.07.2023).

Sechi, C., Loi, G. and Cabras, C. (2021). Addictive internet behaviors: The role of trait emotional intelligence, self-esteem, age, and gender. *Scandina-*

vian Journal of Psychology. Vol. 62, iss. 3, pp. 409–417. DOI: <https://doi.org/10.1111/sjop.12698>

Sepharipouya, E. and Gokhale, M. (2019). Compulsive internet use: The role of emotional intelligence and loneliness. *IAHRW International Journal of Social Sciences Review*. Vol. 7, iss. 3, pp. 434–436.

Shmatko, G.R. (2023). [Modern digital devices as a factor in improving emotional intelligence and cognitive abilities of preschool children]. *Transformatsiya obrazovaniya v tsifrovom obschestve: Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 ch. (Chelyabinsk, 29 marta 2023 g.)* [Transformation of Education in a Digital Society: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference: in 2 pt. (Chelyabinsk, March 29, 2023)]. Chelyabinsk: Kray Ra Publ., pt. 1, pp. 388–392.

Smirnov, E.A. (2019). [Emotional intelligence as a management resource for women in the era of digital transformation]. *Gendernye otnosheniya v sovremennom mire: upravlenie, ekonomika, sotsial'naya politika: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moskva–Ivanovo–Ples, 16–18 maya 2019 g.)* [Gender Relations in the Modern World: Management, Economics, Social Policy: Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow–Ivanovo–Plyos, May 16–18, 2019)]. Ivanovo: ISU Publ., pp. 141–147.

Sperandeo, R., Cioffi, V., Mosca, L.L., Longobardi, T. et al. (2021). Exploring the question: «Does empathy work in the same way in online and in-person therapeutic settings?». *Frontiers in Psychology*. Vol. 12. Available at: <https://www.readcube.com/articles/10.3389/fpsyg.2021.671790> (accessed 13.07.2023). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.671790>

Sun, Z. (2023). Internet use influences digital empathy: a survey on Chinese young adults. *Journal of Education, Humanities and Social Sciences*. Vol. 8, pp. 264–272. DOI: <https://doi.org/10.54097/ehss.v8i.4259>

Veraksa, A.N., Bukhalenkova, D.A., Chichinina, E.A. and Almazova, O.V. (2021). [Relationship between the use of digital devices and personal and emotional development in preschool children]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. Vol. 26, no. 1, pp. 27–40. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2021260101>

Veselova, V.V. (2018). [Socialization in a digital society as a path to the unknown]. *Nauka i obrazovanie: sokhranyaya proshloe, sozdaem budushee: sbornik statey XVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 ch. (Penza, 20 iyunya 2018 g.)* [Science and Education: Preserving the Past,

Creating the Future: collection of articles of the 16th International Scientific and Practical Conference: in 2 pt. (Penza, June 20, 2018)]. Penza: Nauka i Prosvetshenie Publ., pt. 1. pp. 202–205.

Völker, J. and Mannheim, C. (2021). Tuned in on senders' self-revelation: Emojis and emotional intelligence influence interpretation of WhatsApp messages. *Computers in Human Behavior Reports*. Vol. 3. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2451958821000105/pdf?md5=50f09b4e6f6c2ef80b512fd374ed84c1&pid=1-s2.0-S2451958821000105-main.pdf> (accessed 13.07.2023). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chbr.2021.100062>

Wadley, G., Smith, W., Koval, P. and Gross, J.J. (2020). Digital emotion regulation. *Current Direc-*

tions in Psychological Science. Vol. 29, iss. 4, pp. 412–418. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963721420920592>

Yeke, S. (2023). Digital intelligence as a partner of emotional intelligence in business administration. *Asia Pacific Management Review*. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1029313223000015/pdf?md5=1b4607bb93fbc7103cea46547be51d75&pid=1-s2.0-S1029313223000015-main.pdf> (accessed 13.07.2023). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.apmr.2023.01.001>

Yurovitskiy, S.Ya. (2021). [Emotional intelligence and conflictological competence in the conditions of digitalization]. *Vestnik Universiteta*. No. 6, pp. 177–182. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-177-182>

Об авторе

Игнатова Екатерина Сергеевна

кандидат психологических наук, доцент,
заведующая кафедрой общей и клинической
психологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: 131013@mail.ru
ResearcherID: O-1306-2016

About the author

Ekaterina S. Ignatova

Candidate of Psychology, Docent,
Head of the Department
of General and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: 131013@mail.ru
ResearcherID: O-1306-2016

УДК 316.3:004

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-382-395>

Поступила: 01.08.2023

Принята: 26.08.2023

Опубликована: 06.10.2023

БЛАЗИРОВАННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ЦИФРОВОГО ГОРОДА

Прокофьева Алена Викторовна, Сомхишвили Кристина Отариевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

В статье дан анализ выведенной Г. Зиммелем категории «блазириванность», которая понимается как специфическая характеристика духовной и социальной жизни больших городов. Рассмотрены источники формирования блазириванности и ее ключевые аспекты, трансформация механизма блазириванности и использование в разных «точках» социального пространства, в т.ч. в киберсреде. Дополнительно описывается «ловушка блазириванности», когда затрачиваемые на сокращение нервного напряжения усилия не приводят к желаемому результату, а могут даже увеличивать интеллектуальную нагрузку. Отдельно рассматривается изменение механизма блазириванности в условиях карантина и самоизоляции населения больших городов в период пандемии COVID-19, когда возможности использования городской среды и ее экономической и социально-культурной инфраструктуры были значительно сокращены или требовали буквально впустить пространство города в собственное жилище. Последнее приводит к поиску способов снижения гетеротопичности пространства, ориентацию на производство противодействующих факторов и использование доступных физических ограничителей. На примерах рассматривается трансформация не только повседневной жизни, но и практик сохранения привычного способа выстраивания отношений с Другими в меняющихся обстоятельствах. Предпринято описание современного города через такие категории как, «фланирование» и «вежливое невнимание», которые в сочетании с «блазириванностью» позволяют описать трансформацию повседневных практик жителей большого города. Горожане стремятся снизить риски цифровизации за счет поиска способов сохранения правил функционирования социальных систем и закрепления границ их действия даже в случае нарушения последних или невозможности разделить их временными затратами на повседневные перемещения. Блазириванность — это не только механизм отделения от одних и создания связи с другими. Именно аспект осознанного принятия позволяет сохранять социально одобряемый фокус внимания при исполнении определенных социальных ролей.

Ключевые слова: социология Г. Зиммеля, большие города, блазириванность, городское пространство, индивидуализация, гетеротопия, вежливое невнимание, фланирование, киберфланер.

Для цитирования:

Прокофьева А.В., Сомхишвили К.О. Блазириванность современного цифрового города // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 382–395. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-382-395>

BLASÉ ATTITUDE AND THE MODERN DIGITAL CITY

Alyona V. Prokofyeva, Kristina O. Somkhishvili

Perm State University (Perm)

The article provides an analysis of the category «blasé attitude» inferred by G. Simmel as a specific feature of the mental and social life of big cities. The study deals with the sources of the formation of blasé attitude and its key aspects as well as the transformation of the blasé attitude mechanism and the use in different «points» of social space, including in cyberenvironment. In addition, the «blasé attitude trap» is described, which is when the efforts expended in order to reduce nervous tension do not lead to the desired result and can even increase the intellectual load. The paper separately examines changes in the mechanism of blasé attitude under lockdown and self-isolation of the population of big cities during the COVID-19 pandemic, characterized by the possibilities of using urban environment and its economic and socio-cultural infrastructure being significantly reduced or requiring that a person literally let the space of the city into their own home. The latter leads to the search for ways of reducing the heterotopicity of space, to a focus on the production of counteracting factors and the use of available physical constraints. The examples considered in the paper show the transformation of not only everyday life but also the practices of maintaining the usual way of building relationships with Others in changing circumstances. The modern city is described through such categories as «flânerie» and «civil inattention», which, in combination with «blasé attitude», allow us to demonstrate the transformation of everyday practices of the inhabitants of a big city. Citizens seek to reduce the risks of digitalization by finding ways to preserve the rules of the functioning of social systems and fix the boundaries of their operation, even if the boundaries are violated or it is impossible to separate them by time spent on daily movements. Blasé attitude is not only a mechanism for separating from some and creating a connection with others. It is the aspect of conscious acceptance that allows one to maintain a socially approved focus of attention in the performance of certain social roles.

Keywords: sociology of G. Simmel, big cities, blasé attitude, urban space, individuation, heterotopia, civil inattention, flânerie, cyberflâneur.

To cite:

Prokofyeva A.V., Somkhishvili K.O. [Blasé attitude and the modern digital city]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 3, pp. 382–395 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-382-395>

Введение

Город в социологии в наиболее широком смысле трактуется как социально-территориальная общность с определенными характеристиками, каждая из которых ставится в центр внимания в зависимости от подхода конкретного автора. На первый план могут выходить характеристики, связанные с высокой концентрацией населения на небольшом пространстве, многообразием видов хозяйственной деятельности, преимущественно не связанной с ведением сельского хозяйства, выполнением социально-политических (быть административным центром и публич-

ным пространством выражения общественного мнения) и социокультурных функций (быть центром науки, образования и культуры) [Вебер М., 2017, с. 10].

Начиная с идей Г. Зиммеля и Ф. Тенниса, которые получили продолжение в работах Чикагской школы, одной из таких важных характеристик стало представление о том, что жизнь горожан имеет отличный от жизни селян характер, и что их социальные отношения и взаимодействия отличаются от отношений деревенских жителей. Ф. Теннис описывает жителей крупного города как свободных личностей, постоянно вступающих в многочисленные внеш-

ние связи и контрактные отношения, испытывая при этом внутреннее чувство враждебности и не образуя никакой *общности* (Gemeinschaft) [Теннис Ф., 2002, с. 371].

Л. Вирт с опорой на идеи Тенниса и Зиммеля отмечает, что несмотря на то, что ежедневно горожанин вступает в отношения (в т.ч. «лицом-к-лицу») с большим количеством людей, они являются безличными, поверхностными, мимолетными и сегментарными. «Скрытность, равнодушие и безразличный вид во взаимоотношениях между горожанами можно рассматривать как средства, помогающие им оградить себя от личных притязаний и ожиданий других» [Вирт Л., 1997, с. 181].

Г. Ганс предлагает ревизию представлений Л. Вирта о деперсонализированном и атомизированном жителе города, отмечая, что характеристики городского образа жизни (урбанизма) относятся к определенным категориям жителей внутреннего города. К этим пяти категориям жителей относятся: «космополиты» (представители бизнеса и креативного класса с потребностью в корпоративных и культурных благах, располагающихся в центре города), «неженатые (незамужние) или бездетные», «этнические селяне» (эмигранты из других стран, сохраняющие сельский образ жизни своей родины и изолирующиеся от других групп), «люди, испытывающие лишения» (ввиду сложившейся ситуации на рынке жилья и своего материального положения вынужденные жить в неблагополучных районах с неприятным соседством), «оказавшиеся в ловушке и движущиеся вниз» (не имеющие возможность переехать в другой район при замещении состава населения соседства некоренными жителями) [Ганс Г., 2009].

Таким образом этот феномен ослабления социальных связей был связан с рядом категорий — Gesellschaft, урбанизм, горожане–селяне и гибридные варианты «городских селян». Все они выражают идею о том, что социологически город и городские жители определяются в первую очередь не их численностью и длительностью проживания, а специфическим — формальным, рациональным, анонимизированным — отношением к «Другим», особыми практиками социального взаимодействия и логикой коммуникативных актов. Именно в связи с этим зиммелевская категория базированности как специфической черты духовной жизни больших городов представляется нам требующей внима-

ния. Она содержит потенциал описания не только каноничных, но и новых практик, реализуемых горожанами.

Зиммелевская категория «базированность» и характеристики духовной жизни в разных типах городов

Для Г. Зиммеля источники базированности появляются именно в «большом городе». По мнению социолога, есть ряд характеристик, позволяющих различать малые и большие города, которые в ряде переводов именуется метрополисами. Часть приводимых самим Зиммелем характеристик касаются индивидуальной, а часть — социальной (надиндивидуальной) составляющих жизни в большом городе. Индивидуальные составляющие преимущественно описывают характер двух компонентов духовной жизни — чувственной и интеллектуальной. Духовная жизнь жителя маленького города характеризуется «медленным, привычным и равномерным ритмом душевной и умственной жизни», «устойчивыми впечатлениями, протекающими с небольшими различиями <...> и представляющими *одни и те же* противоположности», что ведет в свою очередь к «меньшим затратам сознания» (курсив наш. — А.П., К.С.) [Зиммель Г., 2002, с. 24]. Для жителя метрополиса *контраст* между «переживаемым впечатлением и непосредственно предшествовавшим» оказывается довольно глубоким в силу «калейдоскопа *быстро меняющихся* картин, *резкие границы* в пределах одного моментального впечатления, *неожиданно* сбегаящиеся ощущения» (курсив наш. — А.П., К.С.) [Зиммель Г., 2002, с. 24]. Эти особенности ведут также к тому, что «большим городам в большей степени свойственен *интеллектуальный* характер духовной жизни, а малым городам — проявления *души* и отношений, основанных на *чувстве*» (курсив наш. — А.П., К.С.) [Зиммель Г., 2002, с. 24].

Акцент на *интеллектуальном* или *чувственном* характере духовной жизни может проявляться как во взаимодействиях с другими (как пишет Зиммель, незнание жителями метрополиса даже своих многолетних соседей делает их в глазах жителей маленького города холодными и бесчувственными), так и в столкновении с разнообразными объектами культуры и внешнего окружения («значение и ценность различия между вещами кажутся ничтожными» жителям большого города) [Зиммель, 2002,

с. 27–28]. Подобные контрасты мы можем наблюдать и в социальной (надындивидуальной) составляющей жизни маленького и большого и города. Для первого характерны «душевные (читай “чувственные”. — прим. авт.) отношения между людьми, основанные на их индивидуальности», тогда как отношения между жителями второго характеризуются существованием внесубъектной системы связей. Эти отношения *рассудочные*, предполагающие рассмотрение других людей как цифр, элементов множества, «ценных лишь по их объективным поддающимся точному взвешиванию трудам» [Зиммель Г., 2002, с. 25].

Особенно это заметно в области экономических отношений: «житель большого города считается со своими поставщиками и покупателями, со своей прислугой и очень нередко с людьми своего общества», поскольку рассматривает каждого из них в результате все более анонимизирующихся типизаций социального взаимодействия как представителя некоторой социальной категории [Зиммель Г., 2002, с. 25; Бергер П., Лукман Т., 1995, с. 57]. В отличие от них, взаимодействия жителей малых городов протекают в небольших кругах, предполагают знание индивидуальных особенностей других, они более проникнуты чувствами и делают оценку людей более субъективной. По-разному характеризуются и отношения между производителями и покупателями: в маленьком городе «товар производится для покупателя, которым он заказан», они знают друг друга, тогда как в крупном городе массовое производство изделий для рынка нарушает связь между производителем и сотнями покупателей, представляющих ему совершенно неизвестными, никогда не виденными анонимными массами [Зиммель Г., 2002, с. 25].

Интеллектуальный характер духовной жизни, анонимность и обезличенность отношений жителей большого города строится на том, что существует «повышенная нервность жизни, происходящая от быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений» [Зиммель Г., 2002, с. 23]. Нервность жизни становится лицом большого города. После прохождения некоторого абстрактного порога допустимого нервного напряжения, возможности держать в своем внимании множество объектов горожанин отвечает естественным желанием сократить количество впечатлений, и за счет

этого достигается снижение напряженности. Реагирование на амбивалентность внешней среды преимущественно умом («наименее чувствительным психическим органом»), а не чувством, становится «своего рода охраной субъективной жизни от насилия большого города», средством самозащиты [Зиммель Г., 2002, с. 24]. Блазированный становится защитным механизмом, который позволяет функционировать социальной жизни метрополисов.

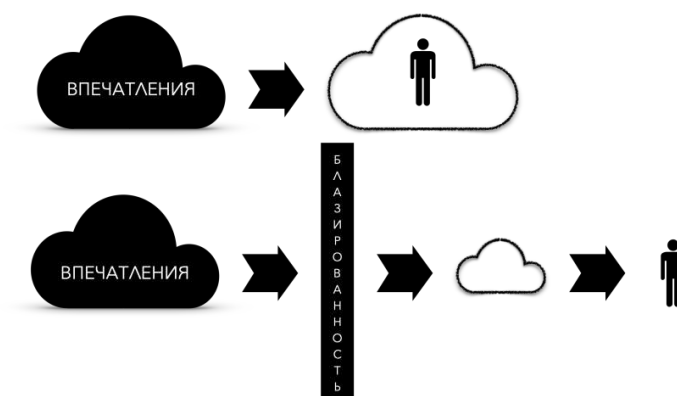
В тексте «Большие города и духовная жизнь» Г. Зиммель приводит следующее определение категории блазированность: «притупленность восприятия различия вещей, не в том смысле, чтобы различия воспринимались неправильно, как это бывает с тупоумными людьми, а в том, что значение и ценность разницы между вещами, а потому и сами вещи кажутся ничтожными» [Зиммель Г., 2002, с. 5]. Здесь необходимо еще раз подчеркнуть, что блазированность оказывается связанной не только с процессом усложнения социальной жизни, но и с тем, как ее воспринимают люди. Притупленность восприятия, о которой он пишет, — в большей степени необходимость и следствие рационализации, а не бессознательная реакция. Это требует определенной интеллектуальной деятельности и не связано с невозможностью понимать или воспринимать, а предполагает осознаваемое стирание разницы. Иллюстрацией того, как работает блазированность будет «вежливое невнимание», о котором подробнее речь пойдет далее. Оно представляет собой не только осознанный социальный договор о невмешательстве, но и серию индивидуальных решений в отношении участников взаимодействия в соответствии с ситуацией и ролями.

У Г. Зиммеля блазированность рассматривается как бы в двух ракурсах, он говорит о двух ее источниках: физиологическом и денежном. Физиологический источник блазированности заключается в ограниченности возможностей человеческого восприятия, люди ограничены в количестве интеракций, которые они способны поддерживать. Естественной реакцией в этом случае становится сокращение восприятий и снижение необходимости эмоциональной включенности. Денежно-хозяйственный источник схватывает изменение нашего отношения к объектам при появлении эквивалента, в который их можно перевести. Буквально все, что может быть переведено, становится эквивален-

том, а значит, теряет свою уникальность. Качественная природа заменяется количеством эквивалента [Зиммель Г., 2002, с. 27–28].

Интересно, что в англоязычной версии текста блазированность обозначается как «blasé attitude», т.е. буквально пресыщенное отношение/позиция/установка, что подчеркивает необходимость ограничения [Simmel G., 2002, p. 14]. Удачную метафору, иллюстрирующую блазированность, можно найти у шотландских исследователей Дж. Браунли и С. Андерсона — «пелена, скрывающая горожан», некоторая невесомая преграда, мы знаем о существовании людей за ней, но настолько их не видим, что

они для нас сливаются в однотипные фигуры. И эта пелена застилает не только горожан, но и отношения между ними. Сами авторы статьи в противовес блазированнойности ставят категорию «доброты» [Brownlie J., Anderson S., 2017]. Но блазированность Г. Зиммель не использует в негативной коннотации, она в большей степени является естественно появившимся сдерживающим защитным механизмом, который позволяет оградиться от потока впечатлений и снизить напряженность. Преграда позволяет жителю большого города продолжать совершать повседневные действия, не беря в расчет то, что находится за преградой (см. рисунок).

Работа механизма блазированнойности

Operation of blasé attitude mechanism

Блазированность следует понимать как механизм, появляющийся в ответ на избыток впечатлений и представляющий собой ориентацию на рациональное сокращение восприятий, занятие пресыщенной позиции. Житель большого города вынужден сталкиваться с объемом впечатлений, значительно превышающим его возможности восприятия. В ответ на это появляется рациональный выбор, который позволяет типизировать и маркировать объекты в качестве требующих внимания и, наоборот, не требующих такового. Область впечатлений, требующих нервных затрат горожанина, сокращается, а деятельность автоматизируется.

Связь категорий «блазированность» и «фланерство», «киберфланерство»

Рост городов, развитие техники и технологий приводят в том числе и к изменениям в социальном пространстве. Повседневность, прежде

всего жителей городов, протекает в двух мирах одновременно. Предварительно можно предположить, что блазированность, как и ряд других социальных механизмов, трансформировалась. Она распространилась на другие формы и пространства пребывания людей. Нашла свое отражение в том, как люди перемещаются по городу. Есть те, кто движется от одной точки города до другой по точно выверенной траектории, руководствуясь рабочим графиком и списком задач на день, но есть и те, кто может прогуливаться по городу, перемещаясь словно бы следуя за самим течением городской жизни. Последних можно назвать фланерами.

Категорию «фланерство» ввел В. Беньямин, представитель франкфуртской критической школы, подразумевая под фланером «праздно шатающуюся личность», выражающую своей прогулкой «черепашьим шагом» и разглядыванием витрин пассажей социальный протест

против деловитости городских передвижений специалистов, порождений современной системы разделения труда [Беньямин В., 2004, с. 105]. В отличие от последних, фланер взаимодействует с городской средой, воспринимая ее как произведение изобразительного искусства, отсюда и интерес к разглядыванию витрин пассажей. Ссылаясь на работу Г. Зиммеля по философии культуры, Беньямин отмечает, что взаимоотношения людей «в больших городах отличаются ярко выраженным перевесом активности зрения над активностью слуха» [Беньямин В., 2004, с. 83]. Сравнивая фланера с детективом, Беньямин отмечает, что его бездействие лишь кажущееся, за ним скрывается бдительность наблюдателя, художника, схватывающего городской пейзаж и его обитателей на лету [Беньямин В., 2004, с. 88].

Каким образом блазириванность как механизм приглушения восприятия могла работать при фланировании, которое является не просто праздным шатанием, а способом постижения жизни городских улиц во всем ее разнообразии? В момент прогулки фланер словно отключает на короткий промежуток времени механизм блазириванности, выхватывая определенный фрагмент городского опыта. Фланер, в отличие от спешащего по делам горожанина, умеет не только отказываться от восприятия ряда впечатлений, но включать их в поле своего внимания в процессе познания города. Вайнер со ссылкой на белорусско-американского политолога Евгения Морозова [Morozov E., 2012] говорит о киберфланерстве, являющемся ответом на механизм блазириванности в интернет-пространстве. Такие компании, как Facebook и Google делают невозможным цифровое фланирование, потому что их алгоритмы предлагают пользователям готовые решения, лишая их возможности встречи с неожиданным, неизведанным, случайным. Такой способ снижения количества впечатлений становится скорее ловушкой блазириванности, чем отлаженным механизмом сокращения восприятий, т.к. выбор областей включения и отключения реализуется не самим пользователем.

Например, запрос в поисковой системе ожидаемо должен избавить нас от лишнего потока эмоциональных восприятий и интеллектуальных затрат. Если с первым он достаточно хорошо справляется, в том числе за счет блокирования рекламы, которая стремится воздействовать

именно на эмоциональную, чувственную сферу, то интеллектуальные затраты не просто не уменьшаются, а могут даже увеличиваться, превращаясь в неструктурированный «информационный шум». Как бы точно мы не формулировали запрос, алгоритм поиска действует по своим правилам, которые могут не совпадать с нашим представлением. Множество ссылок, выдаваемых на наш запрос, каждая из которых требует открытия и осмысления, может быть наполнена гиперссылками, ведущими на другие связанные страницы, или ссылками на схожие материалы по ранее созданному запросу. В силу того, что алгоритм не знает, какое содержание и в каком контексте мы действительно хотим найти, он предлагает ознакомиться со всеми релевантными ссылками, что может требовать дополнительных затрат и включения внимания.

Следует отметить, что в отношении восприятия информационного шума в интернет-пространстве наблюдаются культурные и поколенческие различия. Исследовательская компания Nielsen Norman Group, изучающая пользовательский опыт (UX), провела исследование, посвященное восприятию дизайна интернет-сайтов. Считается, что европейские и североамериканские сайты имеют более лаконичный дизайн в отличие от азиатских, которые информационно очень насыщены и менее структурированы. Участников исследования (коренных китайцев и приехавших работать в Китай выходцев из других стран, преимущественно англоговорящих) попросили выполнить ряд заданий при работе с сайтами нескольких китайских компаний. Китайцы работали с версиями сайтов на китайском языке, иностранцы — с англоязычными версиями. Участники исследования должны были записывать свои наблюдения и устные комментарии прямо по ходу выполнения заданий и ответить в последующем на ряд вопросов.

В целом, участники исследования отметили, что для китайских сайтов характерна более высокая сложность и это скорее является для них распространенной практикой, своего рода традицией. Иностранцы участники исследования разделились на две группы. Большая часть из них отмечала, что китайские сайты сложны в использовании, их чаще раздражали проблемы пользовательского опыта на сложно устроенных сайтах, нежели на тех, которые приближались к более лаконичному, «некитайскому»

веб-дизайну. Другая часть данной группы предположила, что насыщенный дизайн и избыточность информации — это способ представлять ее честно и прямо. Для китайских пользователей ориентирование в сложных сайтах не представляло проблемы. Как сказал один китайский пользователь о сайте с низкой сложностью и с приближенным к западному дизайном: «С точки зрения чистого дизайна, такого как значки, изображения, макет, сайт великолепен и соответствует тому, что нравится людям, по крайней мере, молодежи. Это просто, понятно, без рекламы и бесполезной информации. Но проблема в том, что кроме того, что на нем нет бесполезной информации, на нем также отсутствует и полезная. Я не могу найти ничего полезного в этих простых ссылках. Все это введение функциональности — просто игра слов, без настоящей сути, без реального содержания». Здесь можно наблюдать и поколенческую проблему, поскольку при изменении дизайна сайтов на более лаконичный навык «плавать как рыба в воде» на информационно насыщенных и даже перегруженных сайтах может постепенно ослабевать [Cheng Y., Nielsen J., 2016].

Китайские пользователи больше привыкли к сложному веб-дизайну и меньше жаловались на него, однако это не всегда предполагало, что китайские участники исследования тратили значительно меньше времени на навигацию по сложным веб-сайтам по сравнению с иностранцами. В целом авторы исследования отмечают, что низкая плотность информации на странице не способствует повышению удобства ее использования, поэтому китайские пользователи даже при переходе на слишком «аскетичный» дизайн отказываются от него быстрее, чем западные [Cheng Y., Nielsen J., 2016]. Это приводит нас еще и к тому, что какая-то часть избыточной, по мнению одних, информации будет необходима для построения навигации для других. Интернет-серфинг может приблизиться к фланированию, если будет представлять собой беспорядочный переход по ссылкам (независимость от алгоритмов и отсутствие цели поиска).

Связь категорий «блазириванность» и «вежливое невнимание», дистанционная коммуникация

Для понимания того, как именно на проявление блазириванности влияет массовый переход на интернет-коммуникацию, смешение приватной

и публичной сфер жизни, обратимся к понятию американского социолога Э. Гоффмана «вежливое невнимание» и концепции управления впечатлениями, особенно в условиях поведения в публичных пространствах. «Вежливое невнимание» означает тип отношений, используемый в целом ряде ситуаций интеракции либо между незнакомцами, либо в публичных пространствах. Этот тип отношений предполагает одновременное сочетание визуальных подсказок от участников несфокусированного взаимодействия, демонстрирующих учет присутствия Другого с намеренным отсутствием внимания к нему как сигнал того, что второй участник не является мишенью специфического интереса или замысла [Гоффман Э., 2017, с. 155–156].

Откровенное разглядывание Другого рассматривается как проявление неуважения к нему. Отведение взгляда от Другого и игнорирование является проявлением учтивости, и, с одной стороны, отличается от намеренного игнорирования (участники «рассматривают в упор» или полностью «не видят» Других), когда к представителям групп, подверженных социальной эксклюзии (маргиналы, бездомные, дискриминируемые по расовым или иным признакам группы, слуги), относятся так, словно их вообще нет, или они представляют собой объекты, не заслуживающие даже поверхностного внимания [Гоффман Э., 2017, с. 155–156]. С другой стороны, «вежливое невнимание» отличается от такого вида сфокусированного взаимодействия, которое именуется Гоффманом «взаимным включением» (или «встречей»), предполагающим взгляд глаза в глаза (или жест) как иницирующий сигнал, приглашающий Другого к общению [Гоффман Э., 2017, с. 161–166]. В ряде случаев «вежливое невнимание», осью которого становится работа зрительных органов чувств, может стать прологом к «взаимному включению», поскольку оно базируется на обмене взглядами. Важно, что во всех трех рассматриваемых случаях («вежливое невнимание», «игнорирование или рассматривание в упор как предмета, не заслуживающего даже мимолетного взгляда», «взаимное включение») подчеркивается уникальная социологическая функция обмена взглядами, соединяющего взаимодействующих индивидов, о которой писал Г. Зиммель [Зиммель Г., 2000].

Взгляд глаза в глаза, в противовес обмену вербальными репликами, имеющими предмет-

ное содержание, порождает взаимодействие, не кристаллизующееся ни в какое объективное образование, в отличие от вербального общения зачастую обладающего объективным *содержанием* и обретшего объективную *форму*. Связь, возникающая между людьми благодаря обмену взглядами, растворена в непосредственном действии, разрушается при малейшем отклонении от прямой линии между глазами взаимодействующих акторов, не оставляя никакого объективного следа. Возможно, именно трудности установления устойчивого зрительного контакта, которые часто наблюдаются в интернет-коммуникации, начиная с дистанционных учебных занятий и заканчивая онлайн-совещаниями, лишает ее той силы соединения партнеров по интеракции, которой обладает обмен взглядами при взаимодействии «лицом-к-лицу» в ситуации физического соприсутствия.

Подобно тому, как порядок взаимодействия обнаруживается этнометодологами в экспериментах по нарушению привычного порядка («breaching experiments»), будучи незамеченным в обычной повседневной жизни, так и ситуация массового вынужденного перехода на дистанционную коммуникацию в период пандемии COVID-19 позволяет выявить значимость зрительного контакта в конструировании интеракции. Практики включения/выключения камеры во время онлайн-занятий или онлайн-совещаний получили различные интерпретации в научной литературе. Ряд авторов считают, что феномен «черного экрана» в онлайн-обучении можно трактовать как невозможность вести коммуникацию в силу технических причин или сознательного нежелания (симптом коммуникативной неудачи) и вместе с тем как коммуникативную возможность снять психологические зажимы тем участникам, кому легче высказываться в режиме выключенной камеры [Фаненштиль Т.В. и др., 2020, с. 38–39].

Расширяют интерпретации феномена «черного экрана» данные социологического исследования изменения повседневных практик обучения студентов в условиях массового перехода на дистанционную форму обучения в период пандемии COVID-19, полученные с помощью полуструктурированных интервью со студентами вузов Санкт-Петербурга. Для ряда студентов включение/выключение камеры во время онлайн-занятий выступало в качестве «инструмента регулирования своей степени включен-

ности» — режимы варьировались в зависимости от учебной дисциплины (например, включение камеры чаще использовалось для изучения иностранного языка) и от формы занятия (камеры чаще включали на семинарах в отличие от лекций). Чередование режимов камера on/off связано также с проблемой смешения частной и публичной сфер, когда ряду студентов не хотелось демонстрировать домашнюю обстановку собственных жилищ, наличие в них других людей, домашних животных; также они обращали внимание на то, что ряд преподавателей, будучи дома, использовали в качестве фона книжные полки предположительно для подчеркивания своего академического статуса [Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л., 2021, с. 479].

Переключение частных, «приходских» и публичных пространств [Lofland L.H., 1998, р. 10–14] в повседневной жизни жителя крупного города в силу того, что они распределены по разным его районам, сопровождалось актом перемещения, повседневной пространственной мобильностью. Переезд из дома на работу/учебу и обратно, поход в магазин или учреждения, оказывающие услуги населению, посещение мест проведения досуга и прогулка в парке — все они выступали средством «перехода» из одной локации, закрепляемой за каждой из трех сфер, в другую. В силу того, что в период пандемии COVID-19 перемещаться по городу было невозможно или крайне затруднительно, разделение между частным и публичным пространством либо было стерто, превращая первое во второе, либо было условно перенесено на домашнее пространство, делая его гетеротопией. Подобно тому, как «театр сменяет на прямоугольнике сцены целый ряд чуждых друг другу мест», так и вынужденные оставаться на самоизоляции горожане совмещали в пределах своих квартир несколько несовместимых пространств (учебную аудиторию, рабочий офис, школьный класс, театр или кинотеатр, кухню, спальное место и т.п.) [Фуко М., 2006, с. 200].

Пространства наших домов становились гетеротопичными в т.ч. и благодаря цифровым технологиям, позволявшим нам виртуально посещать театры, кинотеатры, музеи, галереи, делать онлайн-покупки и даже посещать врача. Таким образом, на двухмерных экранах компьютеров и смартфонов «открывались» и представлялись в виде трехмерного пространства ме-

ста, находящиеся иногда за сотни и тысячи километров от нашего дома. Мы не только делаем выбор в пользу того или иного изображения на экране монитора, мы технически можем огрaдить собственное жилище от нежеланных гостей. С этой функцией справляется не только выключенная камера, но и возможность поставить на задний фон любое изображение или размытие этого фона. В определенный момент мы начинаем меньше замечать звуки ремонта, проходящих на фоне людей и другие, не имеющие отношения к цели коммуникации элементы.

Еще одной особенностью чередования режимов камеры являются особенности самопрезентации. Согласно концепции Э. Гоффмана, в процессе управления впечатлением о себе (в представленном далее примере студенте/преподавателе, офисном сотруднике) личный передний план, включая *внешний вид* и *обстановку*, обычно имеет тенденцию к институционализации. Т.е. интеракция, включающая и самопрезентацию, протекает в институционально закрепленных *обстановках*, располагающихся, как правило, в публичных или «приходских» пространствах — учебной аудитории, офисе и т.п., и при работе над *внешним видом* — костюм, форма, наличие макияжа, соблюдение норм гигиены и т.п. Уже упомянутое исследование студентов показало, как связаны обстановка и внешний вид: нахождение в приватном пространстве собственного дома предполагает домашнюю одежду, но присутствие на занятии в дистанционном формате включает одновременно иное (виртуальное) пространство — рабочее. Одна из информанток упомянутого выше исследования так описывает это несоответствие: «Просто я в пижаме, и мне не хочется, чтобы преподаватели и студенты видели меня в таком виде. Я же не буду одеваться в уличную одежду и краситься» [Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л., 2021, с. 478–479].

Усталость от режима камера-он по причине необходимости управлять впечатлением о себе через работу над своим внешним видом также подтверждается в исследовании, проведенном среди сотрудников одной из американских компаний в области здравоохранения. В частности, бóльшая усталость от использования камер при проведении онлайн-совещаний наблюдалась в группе женщин и сотрудников-новичков [Shockley K.M. et al., 2021, p. 1140, 1142]. Это объясняется необходимостью де-

монстрировать профессиональный внешний вид на рабочем месте, предполагающий ухоженность и корпоративный стиль в одежде. С учетом, что до массового перехода на дистанционную работу в период пандемии COVID-19 в организационном поведении уже наблюдался феномен разрыва в уходе за собой («grooming gap»). «Grooming gap» описывает стандарты гигиены и внешности в организации, которые непропорционально завышены именно в отношении сотрудниц-женщин. Таким образом, для двух групп с более уязвимым социальным статусом в организации, женщин и новичков, камера, вероятно, увеличивает затраты на самопрезентацию, усиливая влияние использования камеры на усталость.

Также режим камера-он используется для «демонстрации подобающей вовлеченности» [Гоффман Э., 2017, с. 95–106]. Студенты включали камеру как «знак уважения к преподавателю или чувства долга и личной ответственности за то, как будет проходить занятие», а сотрудники, недавно устроившиеся в компанию, и имевшие меньше времени для создания и улучшения своего организационного имиджа, предполагающего в т.ч. демонстрацию подобающей вовлеченности, испытывали больше истощения от необходимости участвовать в виртуальных встречах с включенной камерой [Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л., 2021, с. 478; Shockley K.M. et al., 2021, p. 1140, 1142]. Выключение камеры во время онлайн-встречи таким образом становится «экраном вовлеченности» (барьером для восприятия неподобающей или недостаточной вовлеченности, которым ранее могли быть помещения (спальни, ванны) или портативные устройства (веера, газеты, маски и т.п.) [Гоффман Э., 2017, с. 102–104].

Небезынтересно, что отсутствие симметрии в возможности использовать органы зрения в отношении партнеров по взаимодействию воспринимается в том числе и как отсутствие возможности использовать органы слуха. Так, одна из студенток, участвовавших в уже упомянутом исследовании, следующим образом мотивирует необходимость включения камеры: «самая невыносимая вещь на занятиях — это *тишина* на семинарах» (курсив наш. — А.П., К.С.) [Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л., 2021, с. 478]. Словно невозможность видеть партнера по взаимодействию воспринимается и как невозможность слышать его. В уже упомянутой зиммелевской

социологии чувств есть указание на то, что использование слуха в коммуникации в социологическом отношении отличается от зрения отсутствием взаимности, сопровождающей взгляд глаза в глаза [Зиммель Г., 2000]. При обмене взглядами невозможно стать наблюдателем за Другим, не став одновременно объектом его наблюдения. В таком случае именно отсутствие визуальной информации о Другом воспринимается как звенящая тишина, которую хочется преодолеть посредством удаления «экрана вовлеченности» — снятия маски, опускания газеты или веера, а в нашем случае — включения камеры ноутбука или смартфона.

Проявления феномена блазириванности в городе периода пандемии COVID-19

Какую бы концепцию современного города мы не представляли, она будет так или иначе связана с двумя составляющими: организация пространств физического соприсутствия и обмен информацией в широком смысле этого слова. Нашу жизнь уже просто нельзя представить без интернета; множество форм взаимодействия имеют свои аналоги и в цифровой среде. Наше повседневное взаимодействие включает обязательное обращение с техническими устройствами, они служат проводниками в дополнительное цифровое пространство. Например, целью создания «цифрового города» является «улучшение качества жизни с помощью технологии городской информатики для повышения эффективности обслуживания и удовлетворения нужд резидентов» [Курчеева Г.И., 2019, с. 57]. В мировой практике складывается тенденция к объединению различных определений новых типов городов («умный город», «город знаний», «кибергород», «развивающийся город» и др.) на основе обобщающего понятия «цифровой город», который описывается как «эффективная интеграция физических, цифровых и человеческих систем в искусственно созданной среде с целью обеспечения устойчивого, благополучного и всестороннего будущего для граждан» [Алферов О.Л., 2021, с. 142].

Однако реальность вносит свои коррективы, и пространство физического соприсутствия может быть ограничено в силу объективных факторов, а доступ к интернету станет не возможностью, а необходимостью. Несколько таких примеров мы приводили выше. Как быть с городами, когда люди буквально оказываются заперты

в собственной квартире? В том числе именно это изменение в реальность внесла пандемия 2020 г. Можно сказать, что мы жили в эпоху затянувшегося карантина, или так называемой новой нормальности. Речь, естественно, не идет о том, что COVID-19 запустил новые процессы, видимые уже сегодня; скорее следует обратить внимание на то, катализатором или тормозом для каких процессов он стал. Свое внимание мы сосредоточим на городе. Как работает механизм блазириванности в ситуации, когда поток восприятий значительно сократился из-за снижения частоты непосредственного контакта с городской средой? Здесь можно обратить внимание на перестройку самой городской среды. Если раньше она ждала времени, когда мы выйдем для взаимодействия к ней, то сейчас она все более явно вторгается в наши дома. Практики, которые ранее были реализуемы исключительно через выход в городское пространство, сейчас реализуются через выход в online.

Если не делать поправку на пандемию, характерной чертой городской блазириванности является способность находиться в состоянии физического соприсутствия, при этом не подерживая состояние духовной и социальной близости. Тесно связано с этим уже упомянутое ранее разделение сфер жизни горожанина на приватную, публичную и «приходскую» (местно-локальную) [Lofland L.H., 1998, p. 10–14], когда горожанин в рамках защитной тактики от слишком тесного взаимодействия с другими, перемещаясь из приватной в публичную сферу, из первичных групп (социальных кругов) во вторичные, одновременно обнажает и скрывает различные аспекты своей личности. Эти стороны блазириванности в COVID-городах словно переворачиваются. Во-первых, условия социального дистанцирования в периоды пандемии подразумевают избегание именно физической, а не духовной близости, более того, на последнюю возрастает спрос, иллюстрацией чему могут быть zoom-вечеринки или другие форматы совместного проведения времени без физического соприсутствия. Как пишет о физическом самоизоляции канадский антрополог Р. Вайнер «те, кто не способен избегать близости с другими людьми, имеют более высокие шансы подвергнуться риску» [Wainer R., 2020]. Иллюстрацией этого в России стал Дагестан, который на момент пандемии располагался на 82 месте по уровню urba-

низации из 85 регионов России [Доля городского населения...]. Как правило, низкий уровень урбанизации может способствовать снижению риска распространения COVID-19 в силу менее плотного расселения, отсутствия массового скопления людей, характерного для больших городов и т.п. Однако распространенный в Дагестане специфический «негородской» образ жизни и характер отношений с тесными семейными и родственными связями (массовое участие в семейных торжествах и памятных событиях от свадеб на 500 человек до похорон) стали одной из причин вспышки заболеваемости COVID-19 наряду с низким индексом самоизоляции, недостаточной подготовленностью медицинских учреждений к большому потоку больных и пр.

Во-вторых, в период карантина происходит не разделение, а смешение частного и публичного секторов нашей жизни, когда наши коллеги, приятели и «городские незнакомцы» получают доступ к нашему приватному пространству в условиях использования технологий видеоконференций. Согласно данным ежегодного мониторинга международной компании ClickMeeting, предоставляющей услуги для проведения вебинаров, их общее количество и число участников за год возросло в разы: 59 425 видеоконференций и 870 579 участников в марте 2019 г. и 299 906 и 3 203 034 в марте 2020 г. соответственно [Webinars and videoconferencing..., 2020]. Использование видеоконференций становится новой реальностью: практика, приобретшая в период пандемии массовый характер, сохранилась и после завершения карантина. Международное агентство в области исследования социальных медиа WeAreSocial отмечает, что на июль 2020 г. число активных участников событий на самых популярных платформах для видеоконференций — Zoom, GoogleMeets, MicrosoftTeams, Skype — ежедневно составляет 515 млн чел., в опросах они указывают, что использование видеосвязи будет столь же частым и после выхода из самоизоляции [Kemp S., 2020].

Такое смешение частного и публичного активизирует проявления блазириванности, в российских реалиях это будет не-включение камер и микрофонов при условии наличия такой возможности, выделение собственных «кабинетов» — мест в квартире, отданных под видеосвязь, изменение гардероба — когда люди

покупают блузки и рубашки в официальном стиле в комплекте с шортами и домашними штанами [Торговля в онлайн-режиме..., 2020]. При обычных условиях переключателем областей функционирования служило перемещение из одного физического пространства в другое, сама среда подсказывала, какой режим внимания необходимо использовать. На самоизоляции роль такого переключателя играют формы проявления блазириванности. Организация рабочего места позволяет перейти в режим невнимания к другим обитателям квартиры. Включение/выключение камеры приравнивается к возможности не замечать параллельно протекающую реальность, но оставаться ее участником. Мы выстраиваем символические границы, которые позволяют сохранить привычную норму впечатлений, заранее иметь представление о том, на какие элементы следует обращать внимание, а какие будут исключены и не будут требовать нервного напряжения.

Заключение

Таким образом, можно говорить об описательном потенциале категории блазириванность, она позволяет схватывать механизм уменьшения восприятий для жителей городов за счет снижения включенности и занятия отстраненной пресыщенной позиции. Отметим также, что блазириванность современного города может превращаться в своего рода ловушку в ситуации, когда не происходит уменьшения рационального и эмоционального потока восприятий. Или это уменьшение не является таковым в действительности. Сам же механизм блазириванности начинает приобретать новые формы выражения на фоне сращения приватного и публичного пространств. Можно предположить, что блазириванность в дальнейшем подойдет для описания стремления индивидов и социальных групп сохранить разницу между этими двумя пространствами.

Данная категория успешно сочетается с другими, описывающими поведение горожан, и позволяет расширить контекст их понимания. Из естественно возникшего механизма она переходит в обозначение целой группы инструментов, позволяющих в нетипичной ситуации сохранить привычные взаимодействия и объемы нервного напряжения. Она не просто описывает индивидуальные поведенческие акты, а дает доступ к

пониманию правил, которые воспроизводятся в той или иной социальной системе.

Современные «цифровые города» предлагают жителям расширение возможностей, но и требуют увеличения затрат внимания. Иногда они значительно размывают границу личного и публичного пространства. В данном случае проявления базированности позволяют устанавливать фактические и символические границы, наносить разметку, внутри которой восстанавливается в том или ином виде привычный порядок работы правил социального взаимодействия.

Список литературы

Алферов О.Л. Концепция «умный город» — проект интеллектуальной инфраструктуры среды обитания людей // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2021. № 1. С. 140–150. DOI: <https://doi.org/10.31249/grpravo/2021.01.15>

Беньямин В. Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма. Ч. 2. Фланер // Беньямин В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе / пер. с нем. и фр. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 79–122.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Вебер М. Город / пер. с нем. М.И. Левиной. М.: Strelka Press, 2017. 252 с.

Вирт Л. Урбанизм как образ жизни / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 1997. № 3. С. 169–196.

Ганс Г. Урбанизм и субурбанизм как образ жизни (пер. с англ. В.В. Вагина) / *Urban Sociology*. 2009. URL: http://les-urbanistes.blogspot.com/2009/04/blog-post_9586.html (дата обращения: 31.07.2023).

Гоффман Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ / пер. с англ. А.М. Корбута; под ред. М.М. Соколова. М.: Элементарные формы, 2017. 382 с.

Доля городского населения в общей численности населения на 1 января / Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru/indicator/36057> (дата обращения: 31.07.2023).

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // *Логос*. 2002. № 3(34). С. 23–34.

Зиммель Г. Из «Экскурса о социологии чувств» / пер. с нем. К.А. Левинсона // *Новое литературное обозрение*. 2000. № 3(43). С. 5–13.

Курчеева Г.И. Комплексная оценка потенциала «цифрового города» // *π-Economy*. 2019. Т. 12, вып. 4. С. 55–66. DOI: <https://doi.org/10.18721/je.12405>

Теннис Ф. *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии* / пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2002. 452 с.

Торговля в онлайн-режиме: как изменились покупательские предпочтения в период пандемии // *Стопкоронавирус.РФ*. 2020. 4 мая. URL: <https://xn--80aesfpebagmfb1c0a.xn--p1ai/news/20200504-1103.html> (дата обращения: 31.07.2023).

Фаненитиль Т.В., Бахтиярова Е.З., Эннс И.А. Преподавание философии в новых контекстах. Инструменты цифровой образовательной среды // Сборник тезисов Международной конференции по передовым технологиям обучения EdCrunch-Томск (Томск, 2–4 декабря 2020 г.) / отв. ред. Е.А. Другова. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2020. С. 35–39.

Фуко М. *Другие пространства* // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. Б.М. Скуратова; под общ. ред. В.П. Большакова. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191–204.

Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. «Бесконечный день сурка»: социологический анализ учебных практик студентов вузов в ситуации вынужденной изоляции // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 2(162). С. 464–483. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1765>

Brownlie J., Anderson S. Thinking sociologically about kindness: puncturing the blasé in the ordinary city // *Sociology*. 2017. Vol. 51, iss. 6. P. 1222–1238. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038516661266>

Cheng Y., Nielsen J. Are Chinese Websites Too Complex? / Nielsen Norman Group. 2016. Nov. 6. URL: <https://www.nngroup.com/articles/china-website-complexity/> (accessed: 31.07.2023).

Kemp S. Digital 2020: July Global Statshot Report / DataReportal. 2020. Jul. 21. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-july-global-statshot> (accessed: 31.07.2023).

Lofland L.H. *The Public Realm: Exploring the City's Quintessential Social Territory*. N.Y.: Aldine De Gruyter, 1998. 305 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315134352>

Morozov E. The Death of the Cyberflâneur // *The New York Times*. 2012. Feb. 4. URL: <https://www.nytimes.com/2012/02/05/opinion/sunday/the-death-of-the-cyberflaneur.html> (accessed: 31.07.2023).

Shockley K.M., Gabriel A.S., Robertson D., Rosen Ch.C., Chawla N., Ganster M.L., Ezerins M.E. The Fatiguing Effects of Camera Use in Virtual Meetings: A Within-Person Field Experiment // *Journal of Applied Psychology*. 2021. Vol. 106, iss. 8. P. 1137–1155. DOI: <https://doi.org/10.1037/apl0000948>

Simmel G. *The Metropolis and Mental Life* // *The Blackwell City Reader* / ed. by G. Bridge, S. Watson. Malden, MA: Wiley–Blackwell, 2002. P. 11–19.

Wainer R. The metropolis and mental life in the age of COVID-19: Delaying descent into the blasé attitude // *Somatosphere. Science, Medicine, and Anthropology*. 2020. Jun. 25. URL: <http://somatosphere.net/2020/metropolis-mental-life.html> (accessed: 31.07.2023).

Webinars and video conferencing in times of the pandemic: report / Click Meeting. 2020. June. URL: https://knowledge.clickmeeting.com/uploads/2020/07/cm-covid-2020-report_EN.pdf?_ga=2.14911926.1665167159.1602510785-840525250.1602510785 (accessed: 31.07.2023).

References

Alferov, O.L. (2021). [The concept of «Smart city» — the project of intellectual infrastructure of the human habitat] *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law]. No. 1, pp. 140–150. DOI: <https://doi.org/10.31249/rgrpravo/2021.01.15>

Benjamin, W. (2004). [Charles Baudelaire: A lyric poet in the era of high capitalism. Pt. 2. Flâneur]. *Maski vremeni. Esse o kul'ture i literature* [Time masks. Essays on culture and literature]. St. Petersburg: Simpozium Publ., pp. 79–122.

Berger, P.L. and Luckmann, T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge]. Moscow: Medium Publ., 323 p.

Brownlie, J. and Anderson, S. (2017). Thinking sociologically about kindness: puncturing the blasé in the ordinary city. *Sociology*. Vol. 51, iss. 6, pp. 1222–1238. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038516661266>

Cheng, Y. and Nielsen, J. (2016). *Are Chinese websites too complex?* Nielsen Norman Group, Nov. 6. Available at: <https://www.nngroup.com/articles/china-website-complexity/> (accessed 31.07.2023).

Chernova, Zh.V. and Shpakovskaya, L.L. (2021). [«Endless groundhog day»: Sociological analysis of educational practices implemented by university students in a situation of forced isolation]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2(162), pp. 464–483. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1765>

Dolya gorodskogo naseleniya v obschey chislennosti naseleniya na 1 yanvarya [Share of the urban population in the total population as of January 1]. Unified Interdepartmental Information and Statistical System (EMISS). Available at: <https://fedstat.ru/indicator/36057> (accessed 31.07.2023).

Fanenshtil, T.V., Bakhtiyarova, E.Z. and Enns, I.A. (2020). [Teaching philosophy in new contexts. tools for the digital educational environment]. *Sbornik tezisev Mezhdunarodnoy konferentsii po peredovym tehnologiyam obucheniya EdCrunch-Tomsk (Tomsk, 2–4 dekabrya 2020 g.)* [Collection of abstracts of the International Conference on Advanced Learning Technologies EdCrunch-Tomsk (Tomsk, December 2–4, 2020)]. Tomsk: TSU Publ., pp. 35–39.

Foucault, M. (2006). [Of other spaces: Utopias and Heterotopias]. *Fuko M. Intellektualy i vlast': izbrannyye politicheskiye stat'i, vystupleniya i interv'yuy* [Foucault M. Words and things: An archaeology of the human sciences]. Moscow: Praxis Publ., pt. 3, pp. 191–204.

Gans, H. (2009). *Urbanizm i suburbanizm kak obraz zhizni* [Urbanism and suburbanism as ways of life: a reevaluation of definitions]. *Urban Sociology*. Available at: http://les-urbanistes.blogspot.com/2009/04/blog-post_9586.html (accessed 31.07.2023).

Goffman, E. (2017). *Povedenie v publichnykh mestakh: zametki o sotsial'noy organizatsii sborisch* [Behavior in public places: notes on the social organization of gatherings]. Moscow: Elementarnyye Formy Publ., 382 p.

Kemp, S. (2020). *Digital 2020: July Global Statshot Report*. DataReportal. Jul. 21. Available at: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-july-global-statshot> (accessed 31.07.2023).

Kurcheeva, G.I. (2019). [A comprehensive assessment of the potential «digital city»]. *π-Economy* [St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics]. Vol. 12, iss. 4, pp. 55–66. DOI: <https://doi.org/10.18721/je.12405>

Lofland, L.H. (1998). *The public realm: Exploring the city's quintessential social territory*. New

York: Aldine De Gruyter Publ., 305 p. DOI:

<https://doi.org/10.4324/9781315134352>

Morozov, E. (2012). The death of the Cyberflâneur. *The New York Times*. Feb. 4. Available at: <https://www.nytimes.com/2012/02/05/opinion/sunday/the-death-of-the-cyberflaneur.html> (accessed 31.07.2023).

Shockley, K.M., Gabriel, A.S., Robertson, D., Rosen, Ch.C., Chawla, N., Ganster, M.L. and Ezerins, M.E. (2021). The fatiguing effects of camera use in virtual meetings: A within-person field experiment. *Journal of Applied Psychology*. Vol. 106, iss. 8, pp. 1137–1155. DOI: <https://doi.org/10.1037/apl0000948>

Simmel, G. (2000). [From the «Excursus on the Sociology of Feelings»]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. No. 3(43), pp. 5–13.

Simmel, G. (2002). [The metropolis and mental life]. *Logos*. No. 3(34), pp. 23–34.

Simmel, G. (2002). The metropolis and mental life. *G. Bridge, S. Watson (eds.) The Blackwell city reader*. Malden, MA: Wiley–Blackwell Publ., pp. 11–19.

Tönnies, F. (2002). *Obschnost' i obschestvo. Osnovnye ponyatiya chistoy sotsiologii* [Community and society: Basic concepts of pure sociology]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 452 p.

Torgovlya v onlayn-rezhime: kak izmenilis' pokupatel'skie predpochteniya v period pandemii (2020) [Online trading: how shopping preferences have changed during the pandemic]. Stopkoronavirus.RF, May 4. Available at: <https://xn--80aesfpebagmfb1c0a.xn--p1ai/news/20200504-1103.html> (accessed 31.07.2023).

Wainer, R. (2020). The metropolis and mental life in the age of COVID-19: Delaying descent into the blasé attitude. *Somatosphere. Science, Medicine, and Anthropology*. Jun. 25. Available at: <http://somatosphere.net/2020/metropolis-mental-life.html> (accessed 31.07.2023).

Weber, M. (2017). *Gorod* [The city]. Moscow: Strelka Press, 252 p.

Webinars and video conferencing in times of the pandemic: report (2020). Click Meeting, June. Available at: https://knowledge.clickmeeting.com/uploads/2020/07/cm-covid-2020-report_EN.pdf?_ga=2.14911926.1665167159.1602510785-840525250.1602510785 (accessed 31.07.2023).

Wirth, L. (1997). [Urbanism as a way of life]. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sotsiologiya* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology]. No. 3, pp. 169–196.

Об авторах

Прокофьева Алена Викторовна

старший преподаватель кафедры социологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: prokofyeva.alena@gmail.ru
ResearcherID: GLR-4259-2022

Сомхишвили Кристина Отариевна

старший преподаватель кафедры социологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: skristina13@inbox.ru
ResearcherID: AIE-0706-2022

About the authors

Alyona V. Prokofyeva

Senior Lecturer of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: prokofyeva.alena@gmail.ru
ResearcherID: GLR-4259-2022

Kristina O. Somkhisvili

Senior Lecturer of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: skristina13@inbox.ru
ResearcherID: AIE-0706-2022

УДК 316.74

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-396-403>

Поступила: 01.08.2023

Принята: 26.08.2023

Опубликована: 06.10.2023

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ЦЕРКВИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сироткин Павел Федорович

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

В статье представлены размышления о включении в религиозные практики элементов виртуализации и ценностное отношение к последним акторов религиозного процесса. В современном мире пользователями сети Интернет является значительное число людей, имеющих различные взгляды на духовную природу человеческого бытия. Экстраполируя процент верующих на пользователей Интернета, можно предположить, что пользователей, позиционирующих себя в качестве верующих, будет значительное большинство. Можно предположить, что виртуальная среда становится сегодня проводником распространения религиозного мировоззрения и культуры, а также средой для экспансии субкультур различных по своей религиозной принадлежности групп верующих, имеющих собственные ценности, часть из которых может стать внутренними ценностями Интернет-пространства как формирующегося виртуального мира, т.е. так называемой интернет-вселенной. Возможность появления религиозных конструктов, существующих исключительно в виртуальной среде, позволяет говорить о возникновении новых религиозных действий, ценностей, структур, которые становятся виртуальными не только по названию, но и по самому факту места существования. Отметим, что новая среда запустит процессы трансформации самой себя, в которой возможно переосмысление внесенных ценностей и реформирование первично-созданных структур, что повлечет появление новой религиозной реальности виртуального пространства и новых ценностей виртуальной реальности, формируемых в локальных религиозных интернет-общностях. С сетевых ресурсов, которые создают пространство для удовлетворения религиозных потребностей верующими пользователями, привело к образованию виртуальных храмов, виртуальных религиозных действий и виртуального участия верующих в данном процессе. Для части верующих это религиозное пространство становится единственной площадкой для выражения и реализации своих религиозных чувств и потребностей и фактически их новой ценностью.

Ключевые слова: религия, виртуальная церковь, религиозная деятельность, религиозные ценности.

Для цитирования:

Сироткин П.Ф. Виртуализация церкви: проблемы и перспективы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 396–403. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-396-403>

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-396-403>

Received: 01.08.2023

Accepted: 26.08.2023

Published: 06.10.2023

VIRTUALIZATION OF THE CHURCH: PROBLEMS AND PROSPECTS

Pavel F. Sirotkin

Perm State University (Perm)

The article presents reflections on the inclusion of virtualization elements in religious practices and the value-based attitude of actors of the religious process to them. In the modern world, Internet users are a

significant number of people who have completely different views on the spiritual nature of human existence. Extrapolating the percentage of believers to Internet users, we can assume that users who define themselves as believers constitute the majority. It can be assumed that the virtual environment is becoming today a vehicle for the propagation of religious worldview and culture as well as an environment for the spread of subcultures of various religious groups of believers having their own values, some of which may become internal values of the Internet space as an emerging virtual world, the so-called Internet universe. The possibility of the appearance of religious constructs that exist exclusively in a virtual environment makes it possible to talk about the emergence of new religious actions, values, structures that become virtual not only by name but also by the very fact of the place of existence. At the same time, the new environment will launch the processes of transformation of itself, during which it is possible to rethink the values introduced and reformat the initially created structures, which will entail the emergence of a new religious reality of virtual space and new virtual reality values formed in local religious Internet communities. The emergence of network resources that provide the opportunity to create, using programs and applications, a space intended to meet the religious needs of believers, has led to the emergence of virtual temples, virtual religious activities, and virtual participation of believers in this process. For some believers, this religious space becomes the only platform for expressing and realizing their religious feelings and needs, and in fact it becomes their new value.

Keywords: religion, virtual church, religious activity, religious values.

To cite:

Sirotkin P.F. [Virtualization of the church: problems and prospects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 3, pp. 396–403 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-396-403>

Введение

В конце XX – начале XXI в. человечество вплотную подошло к возможности создания осязаемого виртуального пространства как места, имеющего возможность конкурировать с физическим пространством в реализации потребностей человека, в том числе и в удовлетворении потребности в сакральном, а для религиозных институтов — в осуществлении в нем своей религиозной деятельности. По мнению Плютто, вслед за эпохами виртуальных реальностей мифов Первобытности, виртуальных реальностей религий Средневековья, виртуальных реальностей искусства, литературы и идеологий Нового времени и, наконец, вслед за эпохой виртуальных реальностей идеологий, кино, телевидения и психоанализа XX в., грядет новая волна — эпоха виртуальных реальностей Интернета [Плутто П.А., 2018, с. 82]. Появление вычислительной техники, способной обрабатывать огромные массивы данных, открыло возможность для создания компьютеров с потенциальным формированием искусственного интеллекта. Современные технологические устройства позволяют создавать не просто копировщики и ретрансляторы информации, а путем ин-

теграции информационных платформ и программного обеспечения создавать информационно-технологические комплексы с возможностью аналитики и — в перспективе — с попытками создания компьютерной программы, которая позволила бы запустить самообучение такого комплекса на основе искусственного интеллекта. До эпохи Интернета многие обращались к теме виртуального. Ряд ученых [Емелин В.А., 2009; Галеев Б.М., 2000; Гермашова В.А., 2009] предполагают, что понятие виртуальности возникло еще у Платона, который допускал наличие виртуального как ракурса мира вещей. Концептуальные подходы к виртуальному можно встретить у Ж. Бодрийара, Ж. Делеза и К. Мейясу. Определенные ракурсы отношения к виртуальному можно выявить при анализе клипового сознания Тофлера, информационной среды Кастельса, развития новых средств коммуникации Маклюэна. В российской литературе встречаются мнения о том, что «виртуальные объекты появляются благодаря интенциональному акту сознания, они не реальны, но симулятивно воспроизводят реальность. Виртуальные миры не существуют вне и независимо от человеческого сознания. Призрачность является основным качеством виртуального суще-

го» [Асташкин А.М., 2018, с. 75], а «социальные отношения в информационном обществе все больше и больше переносятся в виртуальное пространство. Это не только знакомство, но и ... взаимодействие по принципу культурных, национальных и религиозных связей» [Маслодудова Н.В., 2022, с. 80–81].

Результаты

Наличие сети Интернет создает иллюзию общего социального пространства, чем активно пользуются многочисленные социальные сети и интернет-компании с целью продвижения своих идей, услуг и товаров. Во многих аспектах нашей жизни виртуальный контакт физических лиц становится нормой и часто не требует дальнейшего продолжения в физической реальности. Появление технических приспособлений, позволяющих физически погрузиться в виртуальную реальность, фактически означает переход человека в виртуальный мир, воспринимаемый человеческим сознанием через призму технического прибора как существующий. Ряд социальных сетей в прошлом году сообщили о начале работ над созданием масштабной метавселенной, которая позволит ощущать физическое присутствие другого человека через цифровое пространство. Фактически за одно поколение виртуальность из некоего идеально-субъективного, произведенного интеллектом человека, после погружения в книги и собственные размышления перешло в виртуальность видимую и таким образом частично осязаемую. Более того, при применении специальных технических устройств — в объективную, при подключении к которой любое физическое лицо увидит то же, что и предыдущее, потому что формируется эта реальность не в нашей голове, а суперкомпьютером. Получа-

ется, что в онтологическом смысле виртуальное перестает быть идеальным, виртуальное значительно реальнее и сущностнее, чем мифическо-поэтические образы художественного или религиозного творения прошлого. По мнению Арапова, виртуальное не уместается в рамки концепции «материального воображения», концептуально разработанного французским ученым Г. Башляром, и не совпадает с христианской концепцией чуда как овеществленного идеального в материальном мире [Арапов О.Г., 2009]. Однако рожденная человеческим разумом с помощью компьютерной программы «новая сущность» осязаема в очень ограниченном пределе и исключительно с использованием соответствующего технического оборудования. Ощущения, которые испытывает человек от столкновения с виртуальным пространством в зависимости от технического сопровождения этого процесса, различны. Человек не может реально здесь и сейчас потрогать или попробовать виртуальный торт, он вместо торта прикоснется к экрану и, если программа позволяет, может рассмотреть этот торт со всех сторон. Но если он наденет специальные очки и перчатки, то прикоснуться к торту он уже сможет, а при использовании торгового приложения, если это позволяет программа, может заказать его через интернет-магазин и ощутить его текстуру и вкус, правда несколько позднее. В результате виртуальное становится «рыхлым», оно начинает стирать границы между характеристиками, отличающими материальное – виртуальное – идеальное, при этом и внутри самого виртуального возможны градации, объекты в виртуальном пространстве различаются уровнем своей практической воплощенности или, наоборот, недовоплощенности в реальности (см. таблицу).

«Коллаборация виртуального»

«Virtual collaboration»

	<i>Материальное</i>	<i>Виртуальное</i>	<i>Идеальное</i>
Воплощенность	+	+ (с помощью технических средств)	
Возможность воплощения		+	
Недовоплощенность		+	
Невоплощенность		+	+

В результат такой «рыхлости» появляется сложность в описании и классификации деятельности в сети различных как материальных,

так и идеальных конструкций, в частности материальных религиозных организаций и идеальных религиозных ценностей, которые,

трансформируясь в виртуальные организации и виртуальные ценности, начинают проявлять отличные от своего традиционного аватара свойства. Одновременно находясь в двух мирах — материальном и идеальном, религия, через феномен «чуда» априори легко должна войти в виртуальное. Но на практике мы видим трансформацию религиозной ценности. Рассмотрим факт группового религиозного видения, например, в начале XX в. неоднократно наблюдаемые и зафиксированные в Испании групповые видения Марии Фатимской. Можно ли отнести это явление к виртуальному? Так, Е.А. Бебнева утверждает, что «неправомерно отождествление виртуальной реальности и компьютерных технологий, виртуальной реальности и субъективности вообще, представления вообще, социально-экономических и культурных институтов и установлений» [Бибнева Е.А., 2004, с. 4]. Допуская, что данное явление виртуальное, мы приходим к ситуации, что явление Девы Марии верующим и компьютерная инсталляция с Девой Марией, спроектированная на какое-то здание или облако, имея одинаковую физику (мы только можем зрительно наблюдать явление), будет иметь разную аксиологическую основу. Явление будет иметь ценность, если на месте явления появляется идеальное — сакральное пространство, используемое в общении с Богом, а при использовании материальных технических приспособлений для инсталляции подобное не произойдет. Получается, что религиозные ценности в виртуальном пространстве имеют высокий консервативный потенциал и при определенных событиях могут трансформироваться в не-ценности. По мнению Мартянова, «под виртуальными ценностями (киберценностями) понимаются те ценности, которые не просто актуализируются посредством т.н. “виртуальной реальности”, а являются базовыми для культуры “виртуальной реальности”, отражают ценностную структуру сознания пользователей Интернета как “жителей” виртуального пространства» [Мартянов Д.С., 2015, с. 319].

Предположим, что большинство пользователей сети определяет себя как верующих, что позволяет им искать в сети и удовлетворение своих религиозных потребностей. «Религия виртуализируется, что проявляется в замене подлинной религиозности, религиозного чувства желанием быть сопричастным моде, об-

щим веяниям, преобладающим в массовом сознании» [Тараканов С.А., 2012]. Виртуальная среда становится проводником распространения религиозных ценностей, часть из которых, трансформируясь, может стать внутренними ценностями формирующегося виртуального мира, интернет-вселенной, и стать виртуальными не только по названию, но и по самому факту места существования. Заложённая же внутри любой саморазвивающейся среды трансформационность и адаптивность происходящих в ней процессов, в том числе и осмысления ценности, даст возможность к появлению новых ценностей виртуальной реальности религии. «Религиозная коммуникация в границах виртуального пространства активно подвергается влиянию этого пространства, вследствие чего трансформируется, воздействуя в свою очередь на религиозное поведение и культовые практики верующих» [Лопатинская Т.Д., 2019]. Однако при этом появляются и риски, «сеть предоставляла новую площадку для реализации духовных практик, привлечения аудитории и проповеди, с другой — виртуальность таила неизвестность и даже угрожала подорвать религиозное знание» [Белоруссова С.Ю., 2021, с. 94]. Как показывает практика, например, размышления над явлением Марией Фатимской, проблема опасности трансформации религиозных ценностей особо ярко проявляется в религиях, имеющих длительный срок существования, с тысячелетней традицией организации и ценностями. «В интернет-пространстве происходит децентрализация религиозных организаций. Общение субъектов религиозной активности уже не привязано к конкретным географическим точкам, не связано с необходимостью совместного проживания на одной территории» [Гаврилов Е.О., Гаврилов О.Ф., 2014, с. 345]. Появление в ряде социальных сетей религиозных приложений дало возможность видеть и изучать виртуальные храмы, участвовать в виртуальных религиозных действиях. Однако однозначного ответа на вопрос о том, стали ли эти виртуальные сущности и действия ценными, до сих пор нет. Процессы виртуализации касаются всех мировых религиозных групп. «Ислам выступает популярной религией в Глобальной паутине, однако в своем сетевом варианте предстает в значительной степени модифицированным по сравнению с реальным положением вещей» [Доб-

родум О.В., 2014, с. 94]. Наличие интернет-пространства вносит кардинальные изменения в возможности человека при виртуальных действиях. Например, в 1991 г. Центральное телевидение Советского Союза в прямом эфире впервые показало Рождественскую службу из Богоявленского кафедрального собора в Елохове, проводимую под руководством Патриарха московского и Всея Руси Алексия Второго. По мнению сотрудников информационной службы Русской Православной Церкви, это было огромное событие и имело большую ценность для верующих в то время¹. Сейчас транслируют и Рождественское, и Пасхальное богослужение, ковидные ограничения расширили возможности и запустили региональные религиозные проекты со служб, есть целый православный телеканал «Спас» с регулярными трансляциями, но в церковной среде утвердилась идея, что главной целью таких трансляций есть не замена храма, а наоборот, «чтобы люди перестали смотреть церковную службу по телевизору, а сами пошли бы в храм на Рождество. Чтобы человек не просто заглядывал в церковь два раза в год на праздник, а стал бы активным христианином, членом конкретного прихода. “Виртуальное богослужение” не может заменить реального участия в Таинствах Церкви»².

Развитие современных технологий дает нам основание говорить, что виртуальная церковь существует, в ней мы можем выделить все необходимые компоненты: наличие виртуальной религиозной деятельности, виртуальных религиозных отношений, специфическую структуру и наличие у виртуальных участников данного процесса религиозного сознания.

Исследователи предполагают, что виртуализация имеет свои этапы. В частности, Быльева выделяет 4 этапа виртуализации религии, в котором первый этап — это коммуникативно-миссионерская деятельность, второй — появление возможности заказать религиозные услуги через Интернет, третий этап процесса — осуществление ритуалов в сети, последний —

полная виртуализация религиозной практики, что по мнению ученого «означает по существу технологически опосредованный контакт с Высшей трансцендентной сущностью, т.е. принципиальное изменение религии как таковой» [Быльева Д.С., 2018, с. 63]. Более того, являясь фактически аватаром церкви, она формирует два направления — богослужбное (сакральное) и небогослужбное (мирское). Небогослужбное (мирское) направление виртуализируется достаточно быстро и при активном участии священников и мирян с поощрением церковных властей. Ресурсы по принятию пожертвований, покупки виртуальных свечей и проведения треб, реклама и трансляция церковных мероприятий, православные интернет-магазины, блоги священников, интернет-страницы приходов и епархий, большая интернет-активность Патриархии складывается в широкую церковную сеть. Данные ресурсы вносят дополнительное удобство, хорошо принимаются верующими и клиром и являются официальным виртуальным лицом Церкви. Богослужбное направление не так приветствуется, т.к. вся церковная традиция и церковный уклад требуют от православного христианина реально, физически участвовать в церковной службе. Заместитель управляющего делами Московской Патриархии епископ Зеленоградский Савва (Тутунов) назвал невозможной полноценную работу Церкви в виртуальной метавселенной. «Виртуальные православные храмы — это бред. Христианство всегда есть и будет про личное присутствие на Тайной Вечери»³. Нельзя виртуально причаститься, а это главное таинство как Православной, так и Католической церкви, человек не может причаститься, сидя дома, а не в храме. По мнению В. Лейгоды, если мы говорим о богослужении, то здесь никакая трансляция не может быть полноценной заменой присутствия человека в храме, потому что там совершается таинство⁴. К примеру, православное духовенство отмеча-

¹ Николай Державин: Мы — свидетели благодатных перемен. URL: https://eparhia-saratov.ru/Articles/article_old_54435?ysclid=ll9j5vqzoc941714316 (дата обращения: 01.08.2023).

² Телевизор храма не заменит // Православный журнал «Фома». URL: <https://foma.ru/televizor-xrama-ne-zamenit.html> (дата обращения: 01.08.2023).

³ В РПЦ отказались открывать храмы в виртуальной метавселенной. URL: <https://www.ridus.ru/v-rpc-otkazalis-otkryvat-hramy-v-virtualnoj-metavselennoj-366904.html> (дата обращения: 01.08.2023).

⁴ Владимир Лейгода — о вакцинации, виртуальной церкви и борьбе с абортами. URL: <https://rtvi.com/opinions/vladimir-legoyda-o-vaktsinatsii-virtualnoy-tserkvi-i-borbe-s-abortami/> (дата обращения: 01.08.2023).

ет, что до периода ковидных ограничений практикой общения с прихожанами в виртуальной среде отличалось незначительное количество священства, обычно это молодые священники, чья деятельность в виртуальной среде получала нейтральную оценку со стороны более опытных священников и правящего архиерея. По мнению ряда опрошенных священников пермских храмов, виртуальная церковь в православии не будет являться ценностью, т.к. основная ее задача не быть аватаром церкви, ее виртуальным клоном, а служить утилитарным церковным нуждам. Большинство пермских священников не были активными инициаторами процесса входа в виртуальное пространство и стали совершать определенные действия с сети только после получения указаний из епархиального управления, например, о создании групп прихожан храма в социальной сети «В контакте». Если в настоящий момент провести мониторинг сайтов, то в большинстве своем они предназначены для первичного информирования о религиозной организации и позволяют начать процесс коммуникации путем написания электронного письма. Священники практически единодушны в том, что в виртуальном пространстве ценности спасения быть не может, спасение исключительно в храме и участии в таинствах. Схожая позиция высказывается и частью католического священства и духовными лицами мусульман. Однако протестантизм в силу своей склонности к новационности и имеющий трансформированную практику и ценности в христианстве, в том числе и иной путь к спасению, достаточно активно использует новое «окно возможностей» для расширения своего влияния и вариантов миссионерской деятельности. Это дает возможность священству протестантов не быть такими критично настроенными по поводу ценности виртуальной церкви и виртуального церковного пространства. Так, протестантские проповедники давно освоили виртуальные проповеди, используя любые средства массовой информации, в США последние несколько лет действует первая в мире церковь в виртуальной реальности, которая, по мнению ее основателя пастора ДиДжейСото, пользуется популярностью не только у верующих, но и атеистов. В локациях метавселенной он покупает пространство, оформляет его как протестантский храм, подключает оборудование, надевает шлем вирту-

альной реальности и проповедует Евангелие. В Астраханской области религиозная организация «Международное христианское межконфессиональное движение XXI века» в 2009 г. организовала интернет-общину «Истина» с количеством последователей от 60 до 84, которая действовала до 2017 г. Однако они не ограничивались деятельностью в интернете, а для молитвенных собраний арендовали помещения [Черничкин Д.А., 2018, с. 133]. Пермская церковь евангельских христиан «Свет истины», используя незначительные технические возможности, организовала в городе филиал всемирной христианской телекомпании «Телевидение Без Насилия (ТБН)»⁵ и активно занимается трансляцией богослужений через интернет. Практика использования интернет-богослужений при ковид-эпидемии показала свою эффективность, и, по данным пермского пастора, количество участвующих в виртуальном богослужении увеличилось в 3 раза. Однако резко упала финансовая независимость организации, т.к. после отмены ковидных ограничений в его храм вернулась только треть от ранее ходивших. Остальные приняли решение остаться в виртуальной церкви и участвовать в общении с Богом через виртуальное пространство. Прекращать виртуальное действие пастор не собирается, т.к., по его словам, возможны или тяжелые времена, или очередная эпидемия, и виртуальная церковь станет единственной возможностью встречаться с верующими и будет иметь огромную ценность.

Заключение

Религиозная теория и практика, веками занимавшая все пространство материального и идеального миров, по своей сути должна распространиться на виртуальное пространство сети. Виртуализация не чужда религии, однако раньше именно религиозные структуры были акторами проявления виртуального, теперь же объективная реальность виртуализации сама диктует религии необходимость участия в данном пространстве. Включаясь в социальные сети и адаптируя свои богослужебные процессы под интернет-технологии, религиозные группы пы-

⁵ История телеканала / ТБН. URL: <https://tbn-tv.com/about/istoriya-telekanala/?ysclid=ll9lr7wdww695030851> (дата обращения: 01.08.2023).

таются защитить те канонические ценности, что не вписываются в процесс виртуализации. Можно предположить, что в процессе дальнейшей трансформации религиозных практик часть религиозных структур, не сумевших адекватно адаптироваться к новой реальности, просто уступят место для новых массовых религиозных учений, которые своими практиками и ценностями будут более приближены к человеку информационного общества. Возможно, появятся полностью виртуальные религии, включающие и обожествление (сакрализацию) определенных виртуальных действий. Интервью с пермскими православными священниками и пасторами различных протестантских деноминаций, действующих в Перми, говорят о понимании важности инновационных действий в религиозном пространстве и организации возможных попыток виртуальной религиозной деятельности, однако этот аспект требует дополнительного серьезного изучения. Можно предположить, что у пермских христиан-протестантов виртуальная церковь имеет отложенную ценность, а пермские православные христиане и мусульмане видят в виртуализации не ценностный, а лишь вспомогательный аспект в хозяйственной и информационной деятельности общины.

Список литературы

Арапов О.Г. Онтологические основания в философии неорационализма г. Башляра // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2009. № 2. С. 70–80.

Асташкин А.М. Анализ онтологического статуса виртуальных объектов: модальная логика и современная французская философия (Ж. Делез, К. Мейясу, Ж. Бодрийар и Ж. Деррида) // Философская мысль. 2018. № 10. С. 75–85. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2018.10.26563>

Бибнева Е.А. Религиозная виртуальная реальность. Философско-религиоведческий анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2004. 25 с.

Белорусова С.Ю. Религия в виртуальном пространстве // Этнография. 2021. № 4(14). С. 94–118. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4\(14\)-94-118](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4(14)-94-118)

Быльева Д.С. Информационно-коммуникативные технологии и религия: от коммуникации к виртуализации // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 1. С. 63–71. DOI: <https://doi.org/10.18721/jhss.9107>

Гаврилов Е.О., Гаврилов О.Ф. Интернет как фактор развития сферы религиозных отношений // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 3(46). С. 344–346.

Галеев Б.М. Виртуальная реальность и «тамошняя земля» Платона // Философские аспекты виртуальной реальности: материалы межвуз. конф. Казань: Изд-во КГУ, 2000. С. 9–12.

Гермашова В.А. Понятие «Виртуальная реальность» в философском знании // Вестник Ставропольского государственного университета. 2009. № 5. С. 215–221.

Добродум О.В. Виртуализация и американизация религии на мусульманском Востоке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 2(26). С. 90–98.

Емелин В.А. Симулякры: виртуальная реальность и инновации // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. № 2. С. 133–142.

Лопатинская Т.Д. Виртуальная религиозность как социоантропологический феномен // Общество: философия, история, культура. 2019. Вып. 9. С. 124–128.

Мартыанов Д.С. Виртуальные ценности: структура, динамика, противоречия // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры и искусств. 2015. Т. 206. С. 319–327.

Маслодудова Н.В. Влияние информационного общества на социальные отношения // Социология. 2022. № 6. С. 74–82.

Плютто П.А. «Несносный наблюдатель»: виртуальная реальность психоанализа и киноискусства // Философия и культура. 2018. № 9. С. 82–95. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2018.9.27640>

Тараканов С.А. Влияние виртуализации и компьютерной виртуальной реальности на социальный институт религии // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 8(16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-virtualizatsii-i-kompyuternoy-virtualnoy-realnosti-na-sotsialnyy-institut-religii/viewer> (дата обращения: 01.08.2023).

Черничкин Д.А. Виртуализация протестантских религиозных сетей на территории Астраханской области // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 2(55). С. 128–135.

References

Arapov, O.G. (2009). [Ontological foundations of philosophy of neorationalism of G. Bachelard]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya*

ya: *Filosofiya* [RUDN Journal of Philosophy]. No. 2, pp. 70–80.

Astashkin, A.M. (2018). [Analysis of the ontological status of virtual objects: Modal logic and modern French philosophy (Zh. Deleuze, K. Meyasu, J. Baudrillard and J. Derrida)]. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought]. No. 10, pp. 75–85. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2018.10.26563>

Bebneva, E.A. (2004). *Religioznaya virtual'naya real'nost'*. *Filosofsko-religiovedcheskiy analiz: avtoreferat dis. ... kand. filos. nauk* [Religious virtual reality. Philosophical and religious studies analysis: Abstract of D.Sc. dissertation]. Moscow, 25 p.

Belorussova, S.Yu. (2021). [Religion in the virtual space]. *EtnoGRAFIYA*. No. 4(14), pp. 94–118. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4\(14\)-94-118](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4(14)-94-118)

Byl'eva, D.S. (2018). [Information and communication technologies and religion: from communication to virtualization]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki* [St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences]. Vol. 9, no. 1, pp. 63–71. DOI: <https://doi.org/10.18721/jhss.9107>

Chernichkin, D.A. (2018). [Virtualization of protestant religious networks in Astrakhan region]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. No. 2(55), pp. 128–135.

Dobrodum, O.V. (2014). [Virtualization and americanization of religion in the muslim east]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. No. 2(26), pp. 90–98.

Emelin, V.A. (2009). [Simulacra: Virtual reality and innovation]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]. No. 2, pp. 133–142.

Galeev, B.M. (2000). [Virtual reality and Plato's «The land there»]. *Filosofskie aspekty virtual'noy re-*

al'nosti: Materialy mezhvuzovskoy konferentsii [Philosophical Aspects of Virtual Reality: Proceedings of the Interuniversity Conference]. Kazan: KSU Publ., pp. 9–12.

Gavrilov, E.O. and Gavrilov, O.F. (2014). [Internet as a factor of development of the religious relations]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education]. No. 3(46), pp. 344–346.

Germashova, V.A. (2009). [The concept of «Virtual reality» in philosophical knowledge]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Stavropol State University's Vestnik]. No. 5, pp. 215–221.

Lopatinskaya, T.D. (2019). [Virtual religiosity as a social anthropological phenomenon]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture]. Iss. 9, pp. 124–128.

Mart'yanov, D.S. (2015). [Virtual values: structure, dynamics, contradictions]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury i iskusstv* [Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture]. Vol. 206, pp. 319–327.

Maslodudova, N.V. [The influence of the information society on social relations]. *Sotsiologiya* [Sociology]. No. 6, pp. 74–82.

Plyutto, P.A. (2018). [«The obnoxious observer»: virtual reality of psychoanalysis and cinematography]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture]. No. 9, pp. 82–95. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2018.9.27640>

Tarakanov, S.A. (2012). [Influence of the virtualization and computer virtual reality on the social institution of religion]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyy nauchnyy zhurnal)* [Modern Studies of Social Issues]. No. 8(16). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-virtualizatsii-i-kompyuternoy-virtualnoy-realnosti-na-sotsialnyy-institut-religii/viewer> (accessed 01.08.2023).

Об авторе

Сироткин Павел Федорович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: spf@list.ru
ResearcherID: JFK-7158-2023

About the author

Pavel F. Sirotkin

Candidate of Sociology, Associate Professor
of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: spf@list.ru
ResearcherID: JFK-7158-2023

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-404-413>

Поступила: 07.02.2023

Принята: 20.06.2023

Опубликована: 06.10.2023

**ФИКЦИОНАЛИЗМ, НЕУСТРАНИМОСТЬ И ЦИКАДЫ:
КРИТИКА НЕУСТРАНИМОСТИ МАТЕМАТИКИ
И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА
АБСТРАКТНЫХ ОБЪЕКТОВ**

*Бурьян Вероника Валерьевна, Черкасов Георгий Владиславович
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)*

В статье защищается фикционализм в философии математики, а именно утверждение, в соответствии с которым мы можем использовать математические теории и в то же время считать, что они ложны, и математических объектов не существует. Математические объекты (числа, множества и функции) являются каузально изолированными от нас платоническими сущностями, находящимися вне пространства, времени и психики. В связи с этим возникает два вопроса. Первый из них вошел в философию математики как проблема Бенацерафа: как мы можем говорить об истинности математических предложений? Второй затрагивает обоснование успеха приложений математики и становится проблемным полем для номиналистов, отказывающихся рационально верить в существование таких объектов, поскольку если считать, что математических объектов не существует, почему естествознание, основанное на математике, работает? В качестве реакции на второй вопрос появляется известный и широко обсуждаемый в литературе «аргумент неустраимости», постулирующий онтологические обязательства перед математическими объектами исходя из того, что они неустраимы из естественных наук. В соответствии с этим аргументом реалисты относительно науки также должны принимать платонизм относительно математических сущностей. Хартри Филд выступает против этого аргумента и демонстрирует устранимость математики, предлагая свою «науку без чисел». С точки зрения Филда, применимость математических теорий не свидетельствует в пользу того, что они истинны и неустраимы. Филд предлагает оценивать применимость математики, опираясь на критерий консервативности, а не истинности. Далее авторы рассматривают усиленный аргумент неустраимости (А. Бейкер), основанный на объяснительной роли математики. В заключительном разделе описывается программа нового фикционализма (М. Балагер). Новые фикционалистские стратегии позволяют принимать онтологический тезис номинализма без утверждения устранимости математики. Авторы соглашаются, что объяснительная сила математики свидетельствует в пользу неустраимой роли математических объектов в естественных науках. Тем не менее апелляция к неустраимости ошибочна. Мы не обязаны рационально верить в существование тех сущностей, которые неустраимы из науки. Мы можем успешно использовать эти сущности в качестве полезных (в объяснении) фикций и в то же время считать, что их не существует, а математические предложения являются ложными.

Ключевые слова: фикционализм, Марк Балагер, номинализм, аргумент неустраимости математики Куайна–Патнэма, абстрактные объекты, Хартри Филд, Алан Бейкер, холизм, натурализм, принцип каузальной изолированности.

Для цитирования:

Бурьян В.В., Черкасов Г.В. Фикционализм, неустраимность и цикады: критика неустраимости математики и ее значение для онтологического статуса абстрактных объектов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 404–413. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-404-413>

**FICTIONALISM, INDISPENSABILITY, CICADAS:
A FICTIONALIST APPROACH TO THE (IN)DISPENSABILITY
OF MATHEMATICS AND THE ONTOLOGICAL STATUS
OF ABSTRACT OBJECTS**

Veronika V. Burian, George V. Cherkasov

Lomonosov Moscow State University (Moscow)

The paper deals with fictionalism in the philosophy of mathematics, namely, the claim that we can use mathematical theories and, at the same time, believe that they are false because mathematical objects do not exist. Mathematical objects (numbers, sets, and functions) are non-spatiotemporal, nor mental platonic entities that are causally isolated from us. This raises two questions. The first is known as Benacerraf's problem: how can we think of the truth of mathematical propositions? The second is the problem of applicability of mathematics. It becomes a problematic field for nominalists who refuse to rationally believe in the existence of such entities. Namely, if one believes that mathematical objects do not exist, why does mathematics-based empirical science work? As a response to this question, the well-known and widely discussed «indispensability argument» emerges, postulating ontological commitments to mathematical objects on the basis that they are indispensable to our best scientific theories. According to this argument, realists about science must also accept Platonism about mathematical entities. Hartry Field disproves this argument and demonstrates the dispensability of mathematics by proposing his «science without numbers». Field replaces the criterion of truth with the criterion of conservatism and argues that the applicability of mathematics should be explained by whether a particular theory is conservative or not. We then consider the «enhanced» indispensability argument (Baker) based on the explanatory role of mathematics. In the final section, we describe the «new» fictionalist account (Balaguer). The new fictionalist strategies allow us to accept the ontological thesis of nominalism without asserting the indispensability of mathematics. We agree that the explanatory power of mathematics is an argument in favor of the indispensable role of mathematical objects in the natural sciences. Nevertheless, the appeal to indispensability is misguided. We do not have to rationally believe in the existence of those entities that are indispensable to science. We can rather consider these entities as useful (in explanation) heuristic fictions and, at the same time, believe that they do not exist and that mathematical propositions are false.

Keywords: fictionalism, Mark Balaguer, nominalism, Quine-Putnam argument of the indispensability of mathematics, abstract objects, Hartry Field, Alan Baker, holism, naturalism, principle of causal isolation.

To cite:

Burian V.V., Cherkasov G.V. [Fictionalism, indispensability, cicadas: a fictionalist approach to the (in)dispensability of mathematics and the ontological status of abstract objects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofía. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 3, pp. 404–413 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-404-413>

Абстрактные объекты

Схоластический спор об универсалиях получил новую инкарнацию в разделении на абстрактные и конкретные объекты, которое вошло в аппарат аналитической философии в основном благодаря работам Карнапа и Куайна в 40-е и 50-е гг.

[Künne W., 1983] и стало центром дискуссий о номинализме/платонизме в отношении метафизики, математики и философии языка. В соответствии со стандартной трактовкой, которую Льюис называет «путем отрицания» [Lewis D., 1986, p. 81–86], абстрактные объекты определяются как каузально неэффективные нефизические

нементальные¹ сущности. Стереотипно к ним относят математические объекты (числа, множества, функции), свойства («универсалии» вроде человек, красный) и пропозиции («сумма углов треугольника равна 180°» или «свиньи летают») [Cowling S., 2017, p. 4].

Мы можем, с одной стороны, спрашивать: «существуют ли абстрактные объекты?» — это онтологический вопрос. С другой стороны, мы можем задавать эпистемологический вопрос: «могут ли теории, использующие абстрактные объекты в качестве значений переменных, быть истинными?». Реализм (платонизм) в отношении математики утверждает, что числа существуют в строгом смысле, независимо от того, каким образом мы познаем, как функционирует наша наука о числах и каким языком мы описываем математические объекты. Эпистемологической проблемой для платонистов становится обоснование доступа к каузально изолированным, находящимся вне пространства-времени платоническим сущностям [Benacerraf P., 1973]².

Для номиналистов числа не существуют или, по крайней мере, мы не должны относиться к ним как к существующим. «Номинализм — это доктрина, в соответствии с которой абстрактных сущностей не существует. Термин “абстрактная сущность” может быть не совсем понятным, но одно кажется ясным — это то, что такие предполагаемые сущности, как числа, функции и множества, являются абстрактными. То есть, они были бы абстрактными, если бы суще-

ствовали. Защищая номинализм, я отрицаю, что числа, функции, множества или любые другие подобные сущности существуют» (перевод наш. — В.Б., Г.Ч.) [Field H., 1980, p. 1].

Основной проблемой для того, кто хочет поддерживать онтологический тезис номинализма, становится обоснование успеха основанных на математике естественнонаучных теорий. С точки зрения платонизма, успех приложений математики обуславливается истинностью математических теорий. Истинность математических теорий, в свою очередь, предполагает существование чисел (множеств) и функций. Таким образом, чтобы утверждать, что чисел (множеств) не существует, нужно обосновать успешность приложений математики.

Натурализм и холизм как предпосылки аргумента неустранимости

Предложенная Куайном натуралистическая парадигма предписывает естественным наукам главенствующую роль в познании. Нет никакого «сверхнаучного трибунала», наука является «главным судьей» [Quine W.V., 1980, p. 72]. В связи с этим философия теряет статус основы науки и попадает от нее в зависимость: с точки зрения натурализма, мы не можем рассуждать о классических философских вопросах в отрыве от научной теории. «Именно в самой науке, а не в какой-то предшествующей философии, реальность должна быть идентифицирована и описана» (перевод наш. — В.Б., Г.Ч.) [Quine W.V., 1981, p. 21]. Другая черта натуралистической парадигмы Куайна — холизм, в соответствии с которым предложения приобретают значение в силу их функции в общем корпусе знания.

Приверженность Куайна натуралистическому холизму входит в противоречие³ с его ранней номиналистической установкой конца 40-х гг., согласно которой квантификация над абстрактными объектами недопустима. «Мы не верим в абстрактные сущности. <...> Мы не можем использовать переменные, имеющие абстрактные объекты в качестве значений!» (пе-

¹ Абстрактные объекты не являются ментальными образами. Факт того, что я думаю об Эйфелевой башне, не свидетельствует в пользу того, что Эйфелева башня является моей мыслью, выдумкой или ментальным образом. Эйфелева башня является объектом, который независим от того, как я ее представляю и представляю ли я ее вообще. Число 4, таким же образом, не зависит от того, как я о нем думаю и думаю ли я о нем вообще. Таким образом, абстрактные объекты нередуцируемы к ментальным репрезентациям.

² Как замечает Виталий Целищев, дилемма Бенацераффа заключается в следующем. «Если математика представляет собой исследование объективных идеальных сущностей и если когнитивные возможности человека позволяют ему познавать только чувственные объекты, то как он может познавать математические объекты?» [Целищев В.В., 2002, с. 37]. Таким образом, «дилемма ставит перед нами выбор: либо отрицать, что математика говорит о числах, либо предполагать некоторые неестественные способности человека в отношении сбора информации» [Целищев В.В., 2002, с. 38].

³ Есть философы, утверждающие, что номинализм раннего Куайна не находится в противоречии с натурализмом (см., напр.: [Smith J., 2020]). Они ослабляют натурализм, поэтому, в любом случае, стандартный взгляд на натуралистический холизм предполагает, что он находится в противоречии с номинализмом.

ревод наш. — В.Б., Г.Ч.) [Goodman N., Quine W.V., 1947, p. 105].

Математические объекты, такие как числа (множества) и функции, каузально инертны. Если они существуют, то существуют где-то и когда-то вне времени и пространства; при этом они не являются нашими ментальными состояниями и, если они есть, то они есть независимо от нас. Очевидно, к сущностям, которые находятся *где-то* вне пространства, *когда-то* вне времени и *в чем-то* кроме сознания, у нас нет доступа.

Также очевидно, что числа (множества) и функции эффективно и неизбежно используются естественными науками. Применимость математики создает основное напряжение между натуралистической установкой и номиналистической онтологией. «Физические объекты в этом широком смысле составляют довольно богатую вселенную, но хочется большего — в особенности, чисел» (перевод наш. — В.Б., Г.Ч.) [Quine W.V., 1981, p. 13]. Куайн все-таки соглашается принять абстрактные объекты (которые он называет «dark creatures») в онтологию. «Диагонали предполагают обращение к иррациональности, окружности — к трансцендентности. Также мы не можем довольствоваться константами; мы должны квантифицировать над числами. Признание чисел в качестве значений переменных означает их овеществление и признание в качестве имен переменных; это необходимо для обеспечения общности наших количественных законов» (перевод наш. — В.Б., Г.Ч.) [Quine W.V., 1981, p. 14].

Куайн, Патнэм и «Аргумент неустранимости»

Успешность приложений математики в таких эмпирических науках, как физика, химия и биология, является сильным доводом в пользу платонизма. Тем не менее предложения, содержащие математические сущности, потенциально могут быть перефразированы в предложения без математических объектов. В таком случае апелляция к применимости математики не доказывает существование математических сущностей и требуется более сильный аргумент, который будет свидетельствовать о принципиальной неустранимости математики из естественных наук.

Таким аргументом стал «аргумент неустранимости математики Куайна-Патнэма» (Quine-Putnam argument of the indispensability of mathematics), традиционно занимающий центральное место в дискуссиях вокруг реализма в математике. Резник утверждает [Resnik M., 1995, p. 166], что аргумент вытекает из трех куайнианских предпосылок:

(1) Неустранимость: (а) Математические теории являются неотъемлемыми компонентами наших лучших научных теорий; (б) обращение к математическим объектам и ссылки на математические принципы необходимы для научной практики.

(2) Подтверждающий холизм: Доказательства научной теории относятся непосредственно к ее теоретическому аппарату в целом, а не к отдельным гипотезам.

(3) Натурализм: Наука — главный арбитр в отношении истины и существования.

Еще одна заметная черта куайнианской метаметафизики заключается в том, что она строится на понятии онтологического обязательства (commitment). Онтологические обязательства теории — это ее неявные экзистенциальные утверждения. Если теория истинна — т.е., если все предложения, входящие в нее, истинны, — то мы должны придерживаться онтологических обязательств перед объектами теории.

Хоть аргумент Куайна-Патнэма имеет двойную атрибуцию, эта атрибуция вводит в некоторое заблуждение: строго говоря, позиции философов отличаются⁴. Аргумент Куайна вытекает непосредственно из критерия онтологического обязательства и догматов холизма и натурализма. Прежде всего, мы должны принимать числа, поскольку они неустранимы из наших лучших естественнонаучных теорий [Quine W.V., 1960]. Естественнонаучные теории, содержащие в своем лексиконе математические объекты, истинны, поэтому мы должны относиться к математическим теориям как к истинным и принимать онтологические обязательства перед числами, множествами и функциями. Однако аргумент Куайна не дает осно-

⁴ Кроме того, как справедливо указывает Коливан, аргумент является скорее обобщенным следствием из взглядов Куайна и Патнэма, нежели собственным утверждением кого-то из них.

ваний для метафизического реализма. Аргумент ничего не говорит о реальности, существующей за пределами наших теорий, в этом смысле речь идет о прагматическом реализме.

В отношении взглядов Патнэма ситуация еще более запутанная. Действительно, в Философии логики Патнэм пишет что-то напоминающее аргумент неустраимости [Putnam H., 1971]. В других работах Патнэм настаивает на «если-то-изме» (if-then-ism). Это точка зрения, которая позволяет переформулировать первоначально ложное предложение «4 — четное число» в «если бы числа существовали, то 4 было бы четным». Замена категорического суждения на условное, по Патнэму, не меняет истинность суждения и оставляет условное суждение эквивалентом категорическому⁵. В таком случае, «если-то-изм» попадает в ловушку: если суждение было ложным до перефразирования, то перефразированное суждение остается ложным. Если суждение изначально было истинным, то нет надобности в его перефразировании.

В других местах Патнэм предпочитает модализм или дефляционистский подход к онтологии: «Нам не нужно выбирать между платонизмом... и номинализмом... Старый вопрос “Будет ли список всех вещей в мире включать стулья и числа, или только такие вещи, как стулья?” не является хорошим вопросом» (перевод наш. — В.Б., Г.Ч.) [Putnam H., 1979, p. xi–xii]. В любом случае, позиция Патнэма ближе к математическому объективизму, чем к платонизму [Putnam H., 2012, p. 183]. Согласно смелой оценке Лиггинса, «Аргумент “незаменимости Куайна-Патнэма” назван неправильно: Патнэм никогда не утверждал, что мы должны верить в математические сущности, исходя из роли математики в науке» (перевод наш. — В.Б., Г.Ч.) [Liggins D., 2008, p. 123].

Наука без чисел

В 1980 г. выходит эпохальная работа Хартри Филда *Science without Numbers* [Field H., 1980]. Идея заключалась в номинализации физики для того, чтобы избавиться от онтологических обязательств перед абстрактными объектами.

Филд делает с физикой нечто похожее на то, что Гильберт сделал с геометрией. Гильберт аксиоматизировал геометрию и выводил аксиомы логическим путем друг из друга, без апелляции к геометрическим фигурам. Филд выстраивает ньютоновскую механику без чисел, опираясь исключительно на пространственно-временные категории и выводя ее последующие положения с помощью логики⁶.

Сперва кажется, что проект Филда чисто номиналистический. Тем не менее позиция Филда значительно отличается от позиции большинства номиналистов. Как замечает Марк Коливан, две вещи послужили скрытой мотивацией к появлению фикционалистской философии математики⁷ [Colyvan M., 2001, p. 68–69]. Первая — это две проблемы Бенацераффа, которые в значительной степени избегались большинством номиналистов. Вторая — требование к физической (или естественнонаучной) теории, чтобы она была объяснена исходя из ее внутренних (intrinsic) свойств и понятий, т.е. без обращения к математическому аппарату. Вторая предпосылка еще больше расходится со стандартными версиями номинализма. Как говорит Филд про свою работу, фикционализм задумывался и воплощался как антиплатонистический проект, который будет доказан платонистическими средствами [Field H., 1980, p. 5]. Филд соглашается с первой посылкой аргумента неустраимости и восстает против второй, согласно которой неизвестны или не представляются вероятными альтернативные математике теории, которые бы объясняли физические явления без аналогичных сущностей.

⁶ Некоторые исследователи критиковали технику построения науки без чисел. Одни указывали на то, что обращение к пространственно-временным категориям все еще затрагивает абстрактные объекты. Другие выдвигали сомнения в возможности номинализации других ньютоновских областей физики, например, квантовой механики. Третьи критиковали логическую технику Филда и находили в ней противоречия. Тем не менее у нас нет возможности остановиться на всех подобных претензиях, поскольку они существенно не меняют значение проекта Филда и скорее относятся к техническим тонкостям.

⁷ Философия математики может быть представлена в двух аспектах. Первый — это изучение того, чем занимаются математики, когда, например, доказывают теоремы. Другими словами, философия математики исследует математику как науку. Второй — это более онтологический подход, изучающий математические объекты и их отношение к реальности. Здесь имеется в виду второе.

⁵ Куайн не соглашается с Патнэмом в том, что перефразирование суждения из категорического в условное сохраняет эквивалентность.

Филд заявляет, что математика не является неустраимой, а математические теории не обязательно должны быть *истинными*, чтобы участвовать в лучших научных теориях. Вместо истинности Филд предлагает критерий консервативности, согласно которому математические теории должны быть *консервативными*. Таким образом, ценностная приверженность истине должна быть отброшена (по крайней мере, в отношении математики): мы заменяем требование истинности математической теории на требование того, чтобы она была консервативной⁸. Схожий критерий предложил ван Фраассен, расширив требование Филда на всю науку в целом. «Цель науки — дать нам эмпирически адекватные теории; и принятие теории предполагает веру только в то, что она эмпирически адекватна» (перевод наш. — В.Б., Г.Ч.) [Fraassen B.C. van, 1980, p. 12].

В письме к Филду Куайн пишет: «Что считать номинализмом — не очень важный вопрос. <...> Что более важно — онтологическая экономность и относительная гомогенность, которую ты достиг (в работе “Наука без чисел”). <...> Еще одно понятие, которое может быть полезным, это, собственно, онтологическое обязательство» (перевод наш. — В.Б., Г.Ч.) [Field H., 2016, p. 55]. Как видно, Куайн больше интересуют метаметафизические категории, позволяющие рассматривать научные теории в прагматическом ключе. Таким образом, бесспорные заслуги проекта Филда — гомогенность (способность теории описывать себя исходя из внутренних, присущих ей самой, понятий и терминов), экономность (максима, согласно которой не стоит обращаться к сущностям, которые не являются необходимыми для теории) и прояснение того, стоит ли накладывать онтологические обязательства перед используемыми теорией объектами.

⁸ Как верно замечает Анна Хромченко, критерий консервативности связывает верность математических теорий с тем, соответствуют ли они опыту. «Истинность той или иной математической теории в случае, когда номиналистическое утверждение является следствием научной теории, в которой используется математика, и не является следствием номиналистического каркаса утверждений этой теории, зависит от фактических утверждений, что противоречит убеждению о независимости математики от опыта. Для того чтобы доказать, что математика не является консервативной, необходимо доказать, что она апостериорна и содержит данные о конкретных предметах или что она логически противоречива» [Хромченко А.С., 2020, с. 30].

Холизм, объяснительная сила и циклады

Многие исследователи защищали аргумент неустраимости после атаки Филда. Большую роль в дискуссиях сыграли Марк Коливан, Алан Бейкер [Baker A., 2009] и Кристофер Пинкок [Pincok C., 2012]. Центральное место в знаменитой монографии Коливана [Colyvan M., 2001] заняла эксплицированная куайнианская посылка холизма. Коливан приводит обобщенную и часто цитируемую версию аргумента «2-го (постфилдовского) поколения» [Colyvan M., 2001, p. 11]. Коливан расширяет вторую посылку (П2), показывая, что даже если мы можем *in vitro* создать науку без чисел, как это продемонстрировал Филд, мы все равно не можем в научной практике в целом избежать апелляции к математическим объектам.

(П1) Мы должны иметь онтологические обязательства только перед теми объектами, которые являются неустраимыми из наших лучших научных теорий.

(П2) Математические объекты неустраимы из наших лучших научных теорий (в том смысле, что в рассматриваемых (естественнонаучных) теориях мы не можем избежать апелляции к таким объектам).

(В) Мы должны иметь онтологические обязательства перед математическими объектами.

Бейкер акцентировал внимание на объяснительной роли, которую предоставляет математика естественным наукам. Неявно Бейкер соглашается с Филдом: математический аппарат может быть устранимым из науки. Тем не менее неустраимая роль математики основывается не на том, можем ли мы представить «науку без чисел», а на том, что *объяснительная сила* математики в естествознании принципиально важна и неустраима. Он предлагает усиленный аргумент неустраимости [Baker A., 2009, p. 613]:

(1) Мы должны рационально верить в существование любой сущности, которая играет неустраимую объяснительную роль в наших лучших научных теориях.

(2) Математические объекты играют неустраимую объяснительную роль в науке.

(3) Следовательно, мы должны рационально верить в существование математических объектов.

Бейкер подкрепляет свой аргумент широко известным примером из эволюционной биологии, в котором описываются жизненные циклы цикад. Пример демонстрирует неустранимость математики из биологии, поскольку ничто, кроме апелляции к математическим объектам, не может дать достаточное объяснение, почему жизненные циклы некоторых животных (в частности, цикад) соответствуют простым числам (по количеству лет). «Наука без чисел», предположительно, не дает никакого объяснения этому факту, в то время как смешанный (биолого-математический) аргумент [Baker A., 2009, p. 614] дает простое и элегантное объяснение.

(1) Наличие периода жизненного цикла, который минимизирует пересечение с другими (близлежащими) периодами эволюционно выгодно (биологический закон).

(2) Основные периоды минимизируют пересечение по сравнению с неосновными периодами (теорема теории чисел).

(3) Следовательно, организмы с периодическими жизненными циклами, скорее всего, будут эволюционировать с периодами, которые являются простыми (смешанный биологический/математический закон).

(4) Цикады в экосистеме типа E имеют биологические ограничения, в соответствии с которыми период их жизни может длиться от 14 до 18 лет (экологическое ограничение).

(5) Следовательно, цикады в экосистеме типа E, вероятно, будут развиваться 17-летними периодами.

Оригинальность примера Бейкера состоит в следующем. Апелляция к простым числам (т.е. к языку математики) в объяснении жизненных циклов цикад объединяет две эволюционные гипотезы. Первая из них заключается в том, что цикадам эволюционно выгодно как можно реже пересекаться с хищниками. Вторая заключается в том, что цикадам эволюционно выгодно иметь достаточное количество возможностей для спаривания во взрослой стадии, не спариваясь при этом с подвидами, у которых период жизненного цикла отличается от их собственного, поскольку это уменьшило бы возможности спаривания их потомства [Daly S., Langford S., 2009, p. 651]. Таким образом, использование простых чисел является неустранимым элементом в объяснении обеих гипотез.

Новый фикционализм

Платонисты утверждают, что абстрактные объекты существуют где-то вне времени и пространства. При этом они принимают *принцип каузальной изолированности* (ПКИ/PCI, principle of causal isolation), согласно которому не существует каузальных взаимодействий между математическими и физическими объектами. В соответствии с ПКИ можно создать критерий абстрактности, по которому мы будем считать или не считать объекты абстрактными. «Аргумент Куайна–Путнама следует интерпретировать не как аргумент в пользу платонизма или истинности математики, а, скорее, как аргумент в пользу ложности ПКИ» (перевод наш. — В.Б., Г.Ч.) [Balaguer M., 1996, p. 293].

Конечно, можно так или иначе пытаться элиминировать числа из нашего языка. Например, вместо смешанного суждения (включающего числа и конкретные объекты) «температура предмета S равна 40 градусам цельсия» или «C(S, 40)» использовать номинализованные предикаты вроде «теплее, чем» и «холоднее, чем», которые выражают отношения между пространственно-временными объектами без апелляции к числам. Это то, что сделал (или пытался сделать) Филд с механикой Ньютона. Становится ясно, что проделать такое с квантовой механикой (КМ) крайне затруднительно или же невозможно. Однако это не требуется. Что мы должны сделать взамен, так это изменить наше отношение к математике или к тому, что описывает математика. В итоге главная проблема, с которой сталкиваются фикционалисты, это применимость математики. Балагер дает [Balaguer M., 1996, p. 298] следующий критерий, объясняющий роль математики:

(Применимость) Роль математики в эмпирической науке заключается исключительно в том, что она предоставляет теоретический аппарат (или, другими словами, концептуальные рамки), с помощью которого можно выносить утверждения о физическом мире.

Таким образом, математика не имеет отношения к функционированию физического мира, но релевантна для нашего понимания физического мира. Физические теории никогда не содержат утверждений вида «физическое явление X происходит потому, что математическая область имеет природу Y»; скорее, они содержат

утверждения вида «поведение (или состояние) физической системы S может быть понято в терминах математической структуры M посредством...» (перевод наш. — В.Б., Г.Ч.) [Balaguer M., 1996, p. 298]. Балагер утверждает: «нет необходимости номинализировать КМ и элиминировать из нее гильбертовы пространства. Все, что нам необходимо сделать, так это объяснить различные применения гильбертовых пространств и то, как они помогают нам излагать факты о квантовом мире» (перевод наш. — В.Б., Г.Ч.) [Balaguer M., 1996, p. 299].

Фикционализм отвергает как реализм в отношении математики, так и общий инструментализм. Общий инструментализм отказывается от критерия истинности в отношении всех наук и предлагает заменить критерий истинности на критерий эмпирической адекватности [Fraassen B.C. van, 1980]. Вместо этого фикционалист должен принять то, что Балагер назвал «номиналистическим реализмом» — точку зрения, в соответствии с которой лучшие теории эмпирических наук истинны, в то время как теории, использующие абстрактные объекты, ложны. Номиналистический реалист будет считать истинными только номинализованные части КМ, отрицая истинность тех ее частей, которые основываются на числах и из которых математика неустранима.

Фикционалист может быть как диспенсабилистом (Филд), так и индиспенсабилистом (Балагер). Если принять диспенсабилизм за истину, решается проблема применимости математики, но нужно потратить большие силы на доказательство устранимости математики из эмпирических наук. Индиспенсабилист считает математику неустранимой из наших лучших научных теорий (Куайн), неустранимой из языка науки (Патнэм), неустранимой для научной практики в целом (Коливан), неустранимой из-за той объяснительной роли, которую математика выполняет (Бейкер). Должны ли мы рационально верить в математические объекты (или иметь онтологические обязательства перед такими объектами), исходя из того, что они неустранимы из научных теорий? Нет: даже учитывая, что в некоторых частях наших эмпирических наук (КМ) математика неустранима, математические теории ложны, поскольку нет таких объектов, которые они описывают. Тем не менее математические теории играют важную

эвристическую и объяснительную роль в эмпирических науках наподобие полезной фикции, помогающей нам понять или объяснить что-то. Разница в фикциональности математических теорий и фикциональности Шерлока Холмса заключается только в той точности, которую мы достигаем с помощью чисел и той объяснительной функции, которую математические теории играют в науке.

Список литературы

- Хромченко А.С.* Холизм и природа математических объектов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 55. С. 29–35. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/55/4>
- Целищев В.В.* Философия математики. Новосибирск: Наука, 2002. 212 с.
- Baker A. Mathematical explanation in science // The British Journal for the Philosophy of Science. 2009. Vol. 60, no. 3. P. 611–633. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjps/axp025>
- Balaguer M. A fictionalist account of the indispensable applications of mathematics // Philosophical Studies. 1996. Vol. 83, iss. 3. P. 291–314. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf00364610>
- Benacerraf P. Mathematical truth // The Journal of Philosophy. 1973. Vol. 70, iss. 19. P. 661–679. DOI: <https://doi.org/10.2307/2025075>
- Colyvan M. The Indispensability of Mathematics. N.Y.: Oxford University Press, 2001. 192 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/019513754x.001.0001>
- Cowling S. Abstract Entities. London, UK: Routledge, 2017. 292 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315266619>
- Daly C., Langford S. Mathematical Explanation and Indispensability Arguments // The Philosophical Quarterly. 2009. Vol. 59, iss. 237. P. 641–658. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9213.2008.601.x>
- Field H. Science Without Numbers: The Defence of Nominalism. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980. 144 p.
- Field H. Science Without Numbers: A Defense of Nominalism. 2nd ed. N.Y.: Oxford University Press, 2016. 180 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198777915.001.0001>
- Fraassen B.C. van. The Scientific Image. N.Y.: Oxford University Press, 1980. 248 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/0198244274.001.0001>
- Goodman N., Quine W.V. Steps Toward a Constructive Nominalism // The Journal of Symbolic Logic. 1947. Vol. 12, iss. 4. P. 105–122. DOI: <https://doi.org/10.2307/2266485>

Künne W. Abstrakte Gegenstände: Semantik und Ontologie. Frankfurt/M., DE: Suhrkamp, 1983. 342 S.

Lewis D. On the Plurality of Worlds. Oxford, UK: Blackwell, 1986. 288 p.

Liggins D. Quine, Putnam, and the «Quine–Putnam» Indispensability Argument // *Erkenntnis*. 2008. Vol. 68, iss. 1. P. 113–127. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10670-007-9081-y>

Pincock C. Mathematics and scientific representation. N.Y.: Oxford University Press, 2012. 348 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199757107.001.0001>

Putnam H. Indispensability Arguments in the Philosophy of Mathematics // *Philosophy in an Age of Science: Physics, Mathematics, and Skepticism* / ed. by M. De Caro, D. Macarthur. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012. P. 181–201. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv1nzfgrb.13>

Putnam H. Mathematics, matter and method. 2nd. ed. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1979. 380 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511625268>

Putnam H. Philosophy of logic. N.Y.: Harper, 1971. 76 p.

Resnik M. Scientific vs. mathematical realism: The indispensability argument // *Philosophia Mathematica*. 1995. Vol. 3, iss. 2. P. 166–174. DOI: <https://doi.org/10.1093/philmat/3.2.166>

Smith J. Quine’s Intuition: Why Quine’s Early Nominalism is Naturalistic // *Erkenntnis*. 2020. Vol. 85, iss. 5. P. 1199–1218. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10670-018-0073-x>

Quine W.V. From a Logical Point of View: Nine Logico-Philosophical Essays. 2nd ed., revised. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980. 210 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv1c5cx5c>

Quine W.V. Theories and Things. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981. 216 p.

Quine W.V. Word and Object. Cambridge, MA: The MIT Press, 1960. 310 p.

References

Baker, A. (2009). Mathematical explanation in science. *The British Journal for the Philosophy of Science*. Vol. 60, no. 3, pp. 611–633. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjps/axp025>

Balaguer, M. (1996). A fictionalist account of the indispensable applications of mathematics. *Philosophical Studies*. Vol. 83, iss. 3, pp. 291–314. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf00364610>

Benacerraf, P. (1973). Mathematical truth. *The Journal of Philosophy*. Vol. 70, iss. 19, pp. 661–679. DOI: <https://doi.org/10.2307/2025075>

Colyvan, M. (2001). *The Indispensability of mathematics*. New York: Oxford University Press, 192 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/019513754x.001.0001>

Cowling, S. (2017). *Abstract entities*. London, UK: Routledge Publ., 292 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315266619>

Daly, C. and Langford, S. (2009). Mathematical explanation and indispensability arguments. *The Philosophical Quarterly*. Vol. 59, iss. 237, pp. 641–658. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9213.2008.601.x>

Field, H. (1980). *Science without numbers: a defense of nominalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 144 p.

Field, H. (2016). *Science without numbers: a defense of nominalism*. 2nd. ed. New York: Oxford University Press, 180 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198777915.001.0001>

Fraassen, B.C. van (1980). *The scientific image*. New York: Oxford University Press, 248 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/0198244274.001.0001>

Goodman, N. and Quine, W.V. (1947). Steps toward a constructive nominalism. *The Journal of Symbolic Logic*. Vol. 12, iss. 4, pp. 105–22. DOI: <https://doi.org/10.2307/2266485>

Khromchenko, A.S. (2020). [Holism and the nature of mathematical objects]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/55/4>

Künne, W. (1983). *Abstrakte Gegenstände: Semantik und Ontologie* [Abstract objects: semantics and ontology]. Frankfurt am Main, DE: Suhrkamp Publ., 342 p.

Lewis, D. (1986). *On the plurality of worlds*. Oxford, UK: Blackwell Publ., 288 p.

Liggins, D. (2008). Quine, Putnam, and the «Quine–Putnam» indispensability argument. *Erkenntnis*. Vol. 68, iss. 1, pp. 113–127. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10670-007-9081-y>

Pincock, C. (2012). *Mathematics and scientific representation*. New York: Oxford University Press, 348 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199757107.001.0001>

Putnam, H. (1971). *Philosophy of logic*. New York: Harper Publ., 76 p.

Putnam, H. (1979). *Mathematics, matter and method*. 2nd. ed. Cambridge, UK: Cambridge Uni-

versity Press, 380 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511625268>

Putnam, H. (2012). Indispensability arguments in the philosophy of mathematics. *M. De Caro, D. Macarthur (eds.) Philosophy in an age of science: Physics, mathematics, and skepticism*. Cambridge, MA: Harvard University Press, pp. 181–201. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv1nzfgrb.13>

Resnik, M. (1995). Scientific vs. mathematical realism: The indispensability argument. *Philosophia Mathematica*. Vol. 3, iss. 2, pp. 166–174. DOI: <https://doi.org/10.1093/philmat/3.2.166>

Smith, J. (2020). Quine’s intuition: Why Quine’s early nominalism is naturalistic. *Erkenntnis*. Vol. 85,

iss. 5, pp. 1199–1218. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10670-018-0073-x>

Quine, W.V. (1960). *Word and object*. Cambridge, MA: The MIT Press, 310 p.

Quine, W.V. (1980). *From a logical point of view: nine logico-philosophical essays*. 2nd ed., revised. Cambridge, MA: Harvard University Press, 210 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv1c5cx5c>

Quine, W.V. (1981). *Theories and things*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 216 p.

Tselishchev, V.V. (2002). *Filosofiya matematiki* [Philosophy of mathematics]. Novosibirsk: Nauka Publ., 212 p.

Об авторах

Бурьян Вероника Валерьевна

аспирант кафедры истории зарубежной философии

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
119991, Москва, Ломоносовский пр., 27/4;
e-mail: burian.veronika@gmail.com
ResearcherID: HLW-7945-2023

Черкасов Георгий Владиславович

магистрант философского факультета

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
119991, Москва, Ломоносовский пр., 27/4;
e-mail: gech.cherkasov@gmail.com
ResearcherID: HLW-7930-2023

About the authors

Veronika V. Burian

Postgraduate Student of the Department
of History of Foreign Philosophy

Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991, Russia;
e-mail: burian.veronika@gmail.com
ResearcherID: HLW-7945-2023

George V. Cherkasov

Master’s Student of the Faculty of Philosophy

Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991, Russia;
e-mail: gech.cherkasov@gmail.com
ResearcherID: HLW-7930-2023

УДК 140.8

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-414-425>

Поступила: 01.05.2023

Принята: 30.06.2023

Опубликована: 06.10.2023

БУДУЩЕЕ РЕЛИГИИ КАК МИРОВОЗЗРЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА*

*Суховерхов Антон Владимирович, Исакова Наталья Владимировна,
Зацеляпин Матвей Владимирович*

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина (Краснодар)

Изучаются причины актуальности религиозного мировоззрения, проводится анализ современного состояния и перспектив трансформации религии под влиянием научно-технологического прогресса. Рассматриваются работы, посвященные изучению биологических, психологических, мистических и философских оснований существования религии. Выявлены следующие фундаментальные функции религии в обществе: мировоззренческая, воспитательная, нравственно-правовая, терапевтическая, трансцендентальная и развивающая, а также функции легитимизации/делегитимизации власти и развития институтов власти. На материале современных исследований показаны реальные и прогнозируемые религии будущего, социально-технологические и экономические трансформации традиционных религий. Анализируются естественные причины появления религии и те потребности человека, которые обуславливают ее существование. Утверждается, что одной из фундаментальных потребностей, удовлетворяемой религией как в прошлом, так и в современности, является преодоление страха смерти и стремление человека к бессмертию (бессмертию души). В частности, подтверждением этого являются современные исследования использования религиозного мировоззрения в медицинских учреждениях в период эпидемии COVID-19, которые показали его эффективность для создания у пациентов чувства защищенности, спокойствия. Это содействовало снятию общей тревожности пациентов и лучшему восстановлению от болезни. Показано, что для удовлетворения потребности человека в бессмертии души религии будущего (датаизм, диджитализм) предлагают идею «цифрового бессмертия» и спасению в «цифровой реальности». В связи с этим утверждается, что в будущем будет происходить активное объединение научного и религиозного мировоззрений для решения выявленных в исследовании потребностей человека. Отмечается также неизбежность возникновения в современности и в будущем различных форм игровых квазирелигий.

Ключевые слова: религиозное мировоззрение, будущее религии, цифровая религия, философия религии, религия и наука.

Для цитирования:

Суховерхов А.В., Исакова Н.В., Зацеляпин М.В. Будущее религии как мировоззрения и социального института // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 414–425.

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-414-425>

* Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

THE FUTURE OF RELIGION AS A WORLDVIEW AND A SOCIAL INSTITUTION

Anton V. Sukhoverkhov, Natalya V. Isakova, Matvey V. Zatselyapin

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (Krasnodar)

The article studies the reasons for the modern relevance of the religious worldview and analyzes the current state of and prospects for the transformation of religion under the influence of scientific and technological progress. The research is based on an analysis of works devoted to the study of biological, psychological, mystical, and philosophical foundations of the existence of religion. The authors identified the following fundamental functions of religion in society: ideological, educational, moral, legislative functions, legitimization/delegitimization of power, development of institutions of power, therapeutic and transcendental functions, personal development. On the basis of modern research, the article shows current and predicted religions of the future, socio-technological and economic transformations of traditional religions. The paper analyzes the natural causes of the emergence of religion and those human needs that determine its existence. It is argued that one of the fundamental needs fulfilled by religion, both in the past and in the present, is an emotional protection from the fear of death and people's wish to gain immortality (immortality of the soul). This statement is confirmed by modern studies on the use of the religious worldview in medical institutions during the COVID-19 pandemic, which have shown its effectiveness in creating a sense of security and peace in patients. It contributed to the relief of general anxiety in patients and a better recovery from the disease. The article shows that in order to meet the human need for immortality of the soul, the religions of the future (dataism, digitalism) offer the idea of «digital immortality» and salvation in «digital reality». It is argued that in the future there will be an active unification of scientific and religious worldviews aimed at satisfying the human needs identified in the study. The paper emphasizes the predictability of the emergence, both in modern society and in the future, of various forms of quasi-religions or religion-like activities.

Keywords: religious worldview, the future of religion, digital religion, philosophy of religion, religion and science.

To cite:

Sukhoverkhov A.V., Isakova N.V., Zatselyapin M.V. [The future of religion as a worldview and a social institution]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 3, pp. 414–425 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-414-425>

Введение

В контексте современного научно-технологического прогресса исследователями все чаще ставится вопрос о роли религии в обществе и ее будущем развитии [Rorty R., Vattimo G., 2005; Predicting religion..., 2017]. С одной стороны, статистика показывает, что современных людей в развитых странах все меньше привлекают традиционные религии, происходит общая секуляризация общества [Bruce S., 2011b]. С другой стороны, мы видим, что, несмотря на ак-

тивное научно-технологическое развитие общества, религия и эзотерика не теряют своей актуальности, и на месте старых верований возникают новые [Urban H.B., 2015]. В частности, возрождаются языческие культы прошлого, массовая культура и мода продвигают новые версии эзотерических/магических практик (например, «марафоны желаний»). Рост интереса к разным формам религиозного сознания (мировоззрения) происходил и в период эпидемии COVID-19 [Fardin M.A., 2020], что во многом было связано с неспособностью науки

предложить надежное решение возникшей проблемы.

В связи с этим Г.Т. Сардарян, Т.А. Алексеева показывают ошибочность популярных в XIX и XX вв. взглядов, согласно которым экономическое и общественно-политическое развитие приводят к секуляризации общества, замене религиозного мировоззрения научным или идеологическим [Сардарян Г.Т., Алексеева Т.А., 2020]. Авторы отмечают, что «прямолинейного движения мира в направлении полной секуляризации не наблюдается», напротив, «религиозность в начале XXI столетия переживает возрождение, причем на фоне практически повсеместного распространения капитализма и процессов модернизации» [Сардарян Г.Т., Алексеева Т.А., 2020, с. 126–128].

Все это говорит о том, что потребность в религиозном и эзотерическом является фундаментальной необходимостью человека, и она не сильно меняется несмотря на развитие общества и науки. По этой причине в XXI в. исследователям необходимо заново переосмыслить роль религии, понять те актуальные и в наше время *потребности* человека и общества, которые удовлетворяет религия как социальный институт и особая форма мировоззрения. Кроме того, уже сейчас можно выявить определенные тенденции, указывающие на то, какой религия может быть в будущем. В частности, возникшее во второй половине XX в. так называемое Нью-эйдж (от *англ. New Age* — «новая эра») движение, которое представляет собой религию «нового века», показывает современные тенденции развития религиозного мышления [Urban H.B., 2015; Campbell H.A., Evolvi G., 2020]. Помимо этого, возникновение цифровых технологий и «цифрового общества» содействовало появлению различных цифровых религий, конкурирующих с традиционными [Campbell H.A., Evolvi G., 2020].

Нью-эйдж движения и появление других мировоззренческих концепций в обществе заставили ученых пересмотреть содержание понятия «религия». В решении вопроса, что же такое религия, ряд исследователей пошли по пути апофатизма, утверждая, что мы не можем дать в принципе универсальное определение религии [Прилуцкий А.М., 2013, с. 88–89; Nye M., 2000, p. 460], т.к., например, «невозможно выделить некое свойство, которое могло

бы характеризовать сущность религии как таковой» [Лифинцева Т.П., 2009, с. 117]. Философ и теолог С.Н. Булгаков также отмечал, что «сводить религию к известной системе представлений, превращать ее в своего рода метафизику — это ошибка, в которую впадали мыслители самых разных направлений: Гегель, Спенсер, М. Мюллер и Кант» [Булгаков С.Н., 1996, с. 102].

Другие исследователи, напротив, показали, что возможно и необходимо определять религию, но существует два характерных типа ее определений: функциональное и субстантивное (*functional and substantive*) [Berger P.L., 1974; Bruce S., 2011a]. Функциональное определение *объясняет* религию с точки зрения ее социальных или психологических *функций*. По словам К.С. Макадель, функционализм концентрируется на том, что делает религия, а не на том, чем она является [Muckadell C.S. de, 2014, p. 497]. В качестве примера здесь можно привести определение К. Маркса, в котором он характеризует религию как способ обретения себя: «Религия есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял» [Маркс К., 1955, с. 414].

Субстантивное («реалистическое», «метафизическое») определение показывает религию с точки зрения *понимания* содержания религиозных убеждений «изнутри», исходя из самой *сущности* и природы той или иной религии (т.е. с позиции эссенциализма) [Berger P.L., 1974; Muckadell C.S. de, 2014]. Здесь исследователи приводят в качестве примера утверждения Р. Робертсона о том, что религия относится к существованию сверхъестественных существ, которые имеют управляющее влияние на жизнь, и минимальное определение религии Э. Тайлора — «верование в духовные существа» [Muckadell C.S. de, 2014].

Представленная работа основывается на *функциональном* исследовании природы религии и опирается на *объясняющую* научную методологию. В рамках такого подхода статья ставит перед собой *цель* проанализировать основания и фундаментальные *потребности*, удовлетворяемые религией, выявить те *функции*, которые выполняет религия для человека и общества, показать современные тенденции развития религиозного мировоззрения. *Задача*

статьи состоит в анализе будущего религии, выявлении новых форм религиозного мировоззрения, обусловленных развитием информационных технологий.

Функции религии в обществе

Религия — один из самых древних социальных институтов. Она обладает информационной, регулятивной, образовательной функциями, создает социальные «скрепы», объединяя людей вокруг религиозного учения. Возникновение и распространение религии связано с множеством факторов. Согласно мыслителям Просвещения, ее появление было связано с отсутствием объективных знаний о мире, однако человек стремился объяснить явления погоды, циклы смены дня и ночи, смерти и рождения и т.д. Религия предложила мировоззрение, позволяющее объяснять физические (природные) факторы и процессы какими-то высшими, божественными факторами. По мнению П. Гольбаха, именно страх перед силами природы, их непонимание и породило богов [Гольбах П., 2022]. В этом контексте религия выполняла и выполняет *мировоззренческую функцию*, объясняя человеку как мир, так и место человека в этом мире.

Религия также предложила свод моральных правил и ценностей, которые передаются из поколения в поколение, формируя как религиозные традиции и обряды, так и повседневные правила жизни. Впоследствии эти религиозные нормы формируют правовые и моральные основы различных сообществ. Здесь мы можем говорить о реализации религией *воспитательной и нравственно-правовой функции* [Погудина Т.В., 2021]. В этой функции для государства религия выступает в качестве хранительницы и транслятора моральных ценностей и заповедей.

Сложные условия жизни людей и появление социального неравенства приводили к сплочению бедных слоев вокруг веры, а правящая верхушка использовала религию для обоснования своего привилегированного положения, как, например, это было в Древнем Египте и Древнем Риме. Дружественные правящим группам религии и культы использовались для продвижения государственных интересов, обеспечения лояльности населения даже иностранных государств. Появление религии во многом связано с развитием абстрактного мышления человека,

которое позволяло создавать различные иерархические структуры, в том числе социальные [Фокин К.В., 2019]. В частности, возникает привилегированный класс — духовенство, который формирует так называемую «Вторую власть», которая оказывает влияние на жизнь обществ, конфликтуя либо объединяясь с государствами. В таком качестве религия содействует ориентации в социальных категориях, узаконивает ряд общественных порядков и институтов, норм и образцов поведения, поднимает авторитет и, подкрепляя его, утверждает веру в мудрость поколений, выстраивает социальную иерархию. Поэтому в данном аспекте религия выполняет функцию *легитимизации и развития институтов власти* и политического авторитета [Фокин К.В., 2019, с. 39–40]. Одновременно с этим она может *делегитимизировать* иные нормы поведения и отношения, утверждая их неправомерность и недопустимость. В крайней форме это может приводить к революционным настроениям, призывам к кардинальным переменам общественной жизни, к свержению дискредитированных, безбожных порядков и утверждению новых принципов жизни.

Важную роль в возникновении религиозного мировоззрения играет тема смерти. Религия через учение о бессмертии души позволяет преодолевать страх смерти, формирует у человека трансцендентальные, не утилитарные ценности, направленные за пределы культуры потребления и формирования вневременных смыслов и устремлений. Такую *терапевтическую и трансцендентальную функцию* религии можно определить как одну из наиболее важных именно для современного общества. Это подтверждено многими современными исследованиями. В частности, в непростых условиях COVID-19 многие люди обращались к религии, чтобы преодолеть страх. Исследователи показали, что такое обращение позволяло людям быстрее справиться с болезнью, т.к. оно снимало ненужную тревожность, ослабляющую здоровье [Fardin M.A., 2020; Pirutinsky S. et al., 2020]. Ряд ученых считают, что функция преодоления страха смерти и разработка концепции бессмертия души являются основными характеристиками, определяющими столь длительное существование и развитие религий [Vail K.E. et al., 2019].

Часто многие люди находят себя или обретают покой именно в религиозности, в обращении к высшим силам или в практиках духовного совершенствования, особенно в условиях неопределенного будущего, в ситуациях, связанных с риском или в условиях непрерывного стресса [Торчинов Е.А., 2007]. Потребность человека в духовном развитии, поисках нематериальных горизонтов развития всегда была и остается важной частью его жизни. Эта необходимость приводит к появлению в рамках религиозных традиций мистицизма, тесно связанного с понятием трансцендентного Абсолюта. Как считают исследователи, ранний расцвет мистицизма происходит в странах с философской и логической культурой: Веданта в Индии, мистический даосизм в Китае, пифагореизм в Греции [Гуревич П.С., 1984, с. 14]. Многие религии предлагают практики, направленные на просветление, на поиски себя, высшей истины или просто достижения душевного спокойствия. В частности, в дзен-буддизме практикуются размышления над «коанами» — загадками, не имеющими логического решения, но ведущими к просветлению, а также различные практики аскезы и медитации [Файнфельд И.А., 2013]. Приведенные примеры позволяют говорить о *развивающей функции* религии.

Важно различать религию как социальный институт и личную веру человека. Личная вера может не основываться на какой-то конкретной религии и традиции, но лишь на убеждениях человека или на его личном опыте. В частности, Р. Отто показал, что важную роль в вере играет «нуминозность» (лат. *numen* — божество, воля богов) — переживание в личном опыте присутствия чего-то божественного, «встречи со Священным» [Отто Р., 2008]. В этом контексте Й. Вах дает определение религии именно как «опыта священного» [Вах Й., 1994]. Такой религиозный опыт может выражаться в определенных состояниях сознания, связанных с переживанием озарения, просветленности или просто вдохновения. Поэтому помимо социальных религиозных традиций вера может основываться на *личностном* религиозном (мистическом, творческом) опыте. Например, Платон, неоплатонизм, суфии, итальянские мыслители эпохи Возрождения связывали божественное с возвышенными переживаниями красоты и любви. Так, М. Фичино,

опираясь на идеи Платона, утверждал, что «истинная же любовь есть не что иное, как некое усилие вознестись к божественной красоте, вызванное лицезрением красоты телесной» [Хитрун Н.В., 2012, с. 212], говоря тем самым о преобразующей и возвышающей силе красоты [Ficino M., 1987]. Сближение божественного с творчеством, переживанием и поиском совершенства, с чувством любви можно встретить также в работах Н. Бердяева, В. Соловьева, И. Ильина и других русских мыслителей (см., напр., [Соловьев В.С., 2022]).

Концепция мистицизма (непосредственного переживания или постижения некоей абсолютной реальности) занимает важное место в любой традиционной религии. Мистический опыт основывается на иррациональном, интуитивном и субъективном опыте, в том числе и на страхе перед высшими силами [Гольбах П., 2022]. По мнению Е.А. Торчинова, главный отличительный признак всякой религии — отличающий ее от квазирелигий — это трансперсональный опыт: «...именно трансперсональные переживания различных типов являются основой и религиозного опыта, и религии как таковой» [Торчинов Е.А., 1997, с. 41]. Однако, несмотря на уникальность для каждого человека его религиозных переживаний, религии и верования, основанные на этом опыте, в итоге приобретают системность, рациональность и социальную «объективность». На базе такого опыта формируются обряды, духовные образы, священные писания и другие практики и традиции, имеющие рациональную, социально овеществленную форму [Попова Р.М., 2014].

Трансформация религии в XXI веке

Важно отметить, что религия глубоко проникла в умы людей и даже светские институты политико-правовой мысли, общественная мораль также имеет тесную связь с верой. Многие исследователи и философы были убеждены, что религия должна приносить пользу обществу: объединять его и воспитывать духовные идеалы [Дивногорцева С.Ю., 2009]. Однако большие традиционные религии (занявшие свое место в истории и общественной жизни стран) всегда были вовлечены в политические противостояния, боролись с научным прогрессом, превращались в коммерческие организации. На фоне этих обстоятельств, крупных потрясений XX в.

и развития технологий человечество начинает пересмотр традиционных верований, поиск новых смыслов, предлагая преодолевать появившиеся трудности, используя современные достижения науки и техники. Поэтому в наши дни происходит хаотичное возникновение новых религиозных Нью-эйдж объединений, сект, культов. В эпоху постмодерна и развития абсурдистских настроений появляются также пародийные (мемные) религии — учения, которые создаются в целях высмеять определенное явление или предмет ради шутки. Ярким примером мем-веры является пастафарианство.

Все это, по мнению ученых, говорит о появлении в современном обществе под влиянием секуляризации неоднородных и часто противоречивых по содержанию «квазирелигий». Так исследователи обозначают различные совокупности новых социальных движений, феноменов или форм сознания, обладающих некоторыми признаками религии, но выходящих за рамки того или иного узкого понимания термина «религия» [Lockhart A., 2020]. Как отмечают П. Тиллих и Т.П. Лифинцева, квазирелигия по своей сути — это пародия на какую-либо традиционную религию [Лифинцева Т.П., 2009]. Иногда подобные квазирелигии создают специально для привлечения к определенной проблеме, к примеру, «Свидетели климатологии», которые призывают к борьбе против глобального потепления. Мотивация создателей подобных вер объясняется тем, что появление учения, претендующего на религиозность, непременно вызовет отклик. Удивительно, что новые религиозные движения часто стремятся сохранить центральные принципы старой религии, избавившись от аспектов, которые выглядели удушающими или старомодными, и при этом широко используют интернет [Benedikter R., 2020].

Однако в появлении квазирелигий необходимо видеть нечто большее, чем только пародию. Новые социальные движения, имеющие признаки религий, по-новому удовлетворяют старые потребности человека в трансцендентном, священном, чудесном, сверхъестественном, позволяют примериться с конечностью человеческого существования или преодолеть страх смерти. В связи с этим современные исследователи трактуют понятие «квазирелигия» очень широко и включают в него не только пародийные, но и такие самостоятельные соци-

альные движения, как, например, марксизм, этатизм, энвайронментализм, астрология, «марафоны» здорового питания и многие другие, в которых есть культ чего-либо [Колкунова К.А., 2014b]. А. Грейл и Д. Руди, избегая сущностного (эссенциалистского) определения, просто характеризуют квазирелигии как «организации, которые сами себя считают или другими воспринимаются как отчасти религиозные» [Greil A.L., Rudy D.R., 1990, p. 221].

Э. Фромм в работе «Психоанализ и религия» давал следующее определение: «под религией я понимаю любую разделяемую группой систему мышления и действия, позволяющую индивиду вести осмысленное существование и дающую объект для преданного служения» [Фромм Э., 1990, с. 158] Исследователи отмечают, что сейчас под такое широкое определение религии подпадают не только *традиционные религии*, но и квазирелигии, что усложняет процесс их теоретического разграничения [Лифинцева Т.П., 2009; Колкунова К.А., 2014a].

Нужно отметить, что отличительным признаком многих современных квазирелигиозных организаций является концепция *улучшения качества жизни* людей, например, посредством выполнения терапевтических или лечебных функций [Колкунова К.А., 2014а, с. 113–114]. Часто в таких квазирелигиозных организациях нового типа используются различные научные и квазинаучные обоснования своей деятельности, например, вольная интерпретация достижений квантовой физики и нейронауки [Gazzola E., 2019]. Известным примером в этой области является такое популярное движение, как «Тетахилинг».

Страх перед смертью и потребность человека в бессмертии легла в основу новых *цифровых религий*. В качестве примера можно привести такие философско-религиозные учения, как датаизм и диджитализм. Их основная идея, являющаяся максимально привлекательной для активных пользователей информационных ресурсов, состоит в том, что человеку дают надежду на перенесение и сохранение сознания в цифровом пространстве (бессмертный код вместо бессмертной души). В таких учениях вселенная рассматривается как поток данных, информатизация и пост-человек — как закономерные этапы эволюционного развития [Забияко А.П. и др., 2012]. Данное направление по-

пулярно среди бизнесменов и программистов, однако про обряды известно очень мало, т.к. адепты этих новых религий не подпускают чужаков к собственным знаниям.

Можно утверждать, что на религию продолжает оказывать влияние не только научное развитие, но и расстановка сил на политической арене [Попова Р.М., 2014]. К примеру, в консервативных государствах и обществах религия по-прежнему вмешивается в управление государственными делами, используется для упрочнения авторитета власти, создания ореола сакральности государственных институтов. Выгода, в свою очередь, от «политической религии» очевидна: она (религия) способствует усилению лояльности народа к власти.

Процессы, связанные с угасанием старых религий и появлением новых, отражаются в искусстве. Например, идеи, близкие к концепциям диджитализма, были освещены в произведениях жанра киберпанк; аллюзии на всевозможные культы и секты встречаются в кинематографе и компьютерных играх [Jones G.D. Jr., 2022]. Это позволяет создавать для зрителя ощущение опасного и неизведанного, тем самым заставляя испытать его эффект нуминозности и расширить лор (*lore* англ. — совокупность законов устройства вымышленного мира и его истории) произведения.

Необходимо отметить, что современные предприниматели стали зарабатывать на широких слоях населения путем продажи паранормальных услуг и «раскручивания» лиц, которым якобы присущи некие сверхъестественные силы. Эти же приемы активно используются и мошенниками. Популярность такого рода деятельности наблюдается даже на постсоветской территории, где долгое время пропагандировались идеи прогресса, атеизма и образования, основанного на науке. Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на процесс секуляризации, в случае провала реализации той или иной рациональной, политической или научной модели социальной и духовной жизни на ее место тут же приходят иные (альтернативные) формы мировоззрения. Их возникновение обусловлено потребностью личности в безопасности, уверенности в будущем, поиском определенности. Такой же процесс актуален и для поиска людьми альтернативных форм веры в случае, если традиционные религии перестают

удовлетворять актуальные потребности и обеспечить покоенности людей. Таким кризисом традиционных религий можно объяснить, например, возвращение языческих культов и эзотерических традиций в современном обществе.

В логике харизматичных творцов новых культов есть скрытое или явное желание создать уникальное и притягательное произведение/товар, который привлекает внимание за счет врожденного интереса человека ко всему таинственному и необычному. Иногда сами творческие деятели в случае закрепления культового статуса результата их труда способствуют появлению поведенческих мемов и квазирелигий. Например, джедаизм, основанный на франшизе «Звездные войны», или дудеизм, основанный на кинофильме «Большой Лебовски», нашли последователей, которые хотят верить в истинность шуточных/игровых «учений».

Выводы

Религиозное мировоззрение, опосредованное особенностями современной реальности, представляет собой неоднозначное явление. Оно соединяет разнообразные и крайне противоречивые тенденции: выстраивает систему гуманистических ценностей, направленных на заботу о духовном развитии человека, и в тоже время создает на ее основе жесткие запреты, ставит четкие границы между творцом и его творением, но и дает надежду сократить разрыв между ничтожеством смертного и величиим бесконечного [Гуревич П.С., 1984]. Поиск таинственного, недоступного разуму, стремление выйти за пределы обыденного делает религию привлекательной во все времена и эпохи. Многие нерешенные загадки науки, например, естественнонаучное объяснение происхождения жизни или неконтролируемость/непредсказуемость экономических кризисов, заставляют людей обращаться к сверхъестественному. Во многом притягательность религии обусловлена частичной дискредитацией ряда задач, возложенных на науку [Исакова Н.В., Ембулаева Л.С., 2017]. Именно науке была доверена миссия изменить мир, раскрыть его тайны, улучшить качество жизни человечества, с которой она, став прагматичной и антигуманной, пока еще не справилась.

Проведенный в работе анализ показал, что потребность в религиозном мировоззрении является фундаментальной характеристикой ин-

дивидуального и общественного сознания. Она может выражаться как в традиционных формах религии, так и в футуристических религиях, основанных на технологиях, или в квазирелигиях, основанных на вымышленных (игровых) персонажах. Опираясь на современные исследования, мы вновь находим подтверждение, что одной из важных причин существования и возрождения различных форм религиозного сознания является страх смерти, отсутствие чувства безопасности, социальная неопределенность. В необычной, часто символической форме, в религии обнаруживаются реальные научные, социальные и смысложизненные проблемы, которые пока не получили своего решения. Современные цифровые религии предлагают преодолевать существующие обеспокоенности человека через научно-технологический процесс, через уход человека в сеть, через достижение «цифрового бессмертия». Помимо этого, воспроизведение и поддержание современного и будущего существования религий может быть обусловлено тем, что их деятельность полезна государству, т.к. она интегрирует общество, транслирует нравственные идеалы и легитимирует власть.

В исследовании показано, что понять природу и современную актуальность религии можно именно через те функции, которые она выполняет в обществе, а также через потребности, которые она удовлетворяет. Как и раньше, религия дает людям и чувство безопасности, и надежду на чудо, и веру в возможность преодолеть конечность человеческого существования. В нынешнем мире мы видим, что и религиозное мировоззрение, и религии как социальные институты не стоят на месте, они активно развиваются и интегрируются в разные сферы жизни общества. Новые или возрожденные старые формы религиозного сознания обусловлены фундаментальными потребностями человека и направлены на их удовлетворение, они заполняют те сферы, где не выполнили свои задачи политика, наука или искусство.

Список литературы

Булгаков С.Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996. 509 с.

Вах И. Социология религии // Социология религии: классические подходы: хрестоматия / науч. ред. и сост. М.П. Гапочки, Ю.А. Кимелева. М., 1994. С. 212–220.

Гольбах П. Священная зараза, или естественная история суеверия / пер. с фр. М.: Ленанд, 2022. 224 с.

Гуревич П.С. Возрожден ли мистицизм?: критические очерки. М.: Политиздат, 1984. 302 с.

Дивногорцева С.Ю. Философско-историческое обоснование идеалов воспитания в трудах славянофилов // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 4. С. 11–15.

Забияко А.П., Пратына Д.А., Воронкова Е.А., Пелевина О.В., Пелюх Е.И., Семенко М.А., Лапин А.В. Киберрелигия: наука как фактор религиозных трансформаций. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2012. 208 с.

Исакова Н.В., Ембулаева Л.С. К вопросу о традиции мистицизма в России // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 134(10). URL: <http://ej.kubagro.ru/2017/10/pdf/66.pdf> (дата обращения: 18.04.2023). DOI: <https://doi.org/10.21515/1990-4665-134-066>

Колкунова К.А. Квазирелигии как проблема для определения религии // Религия и религиозность в локальном и глобальном измерении: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Владимир, 30 сентября 2014 г.). Владимир: Изд-во ВлГУ, 2014. Т. 26. С. 89–120.

Колкунова К.А. Современные концепции квазирелигий // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15, вып. 1. С. 305–313.

Лифинцева Т.П. «Религия»: проблема определения понятия // Полигнозис. 2009. № 1. С. 110–120.

Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 1. С. 414–429.

Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 274 с.

Погудина Т.В. Русская философия права: компаративистский подход // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 165–175. DOI: <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2021-2-165-175>

Попова Р.М. Религия в современном мире и ее будущее // Наука и современность. 2014. № 27. С. 137–141.

Прилуцкий А.М. Термин «религия» в научной и научно-методической литературе // Universum: Вестник Герценовского университета. 2013. № 2. С. 87–92.

Сардарян Г.Т., Алексеева Т.А. Секуляризация и религиозность в оптике конструктивизма // По-

лис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 124–138. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.09>

Соловьев В.С. Смысл любви. М.: Рипол-Классик, 2022. 400 с.

Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб.: Азбука-классика: Петербургское востоковедение, 2007. 480 с.

Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. 384 с.

Файнфельд И.А. Дзэнские коаны как важнейший метод достижения просветления // *European Social Science Journal*. 2013. № 12(39), т. 2. С. 15–19.

Фокин К.В. Эволюция институтов политического авторитета: рамочная основа концепции // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2019. № 3(94). С. 33–54. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-33-54>

Фромм Э. Психоанализ и религия // Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.-П. Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990. С. 143–221.

Хитрун Н.В. Особенности эстетики Марсилио Фичино на основе «Комментария на “Пир” Платона» (el libro dellamore) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2012. № 1(3). С. 208–218.

Benedikter R. The Dawn of Digitized Religion: A New Business Model — Or More? // *Challenge*. 2020. Vol. 63, iss. 3. P. 165–176. DOI: <https://doi.org/10.1080/05775132.2020.1747727>

Berger P.L. Some second thoughts on substantive versus functional definitions of religion // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1974. Vol. 13, no. 2. P. 125–133. DOI: <https://doi.org/10.2307/1384374>

Bruce S. Defining religion: a practical response // *International Review of Sociology*. 2011. Vol. 21, iss. 1. P. 107–120. DOI: <https://doi.org/10.1080/03906701.2011.544190>

Bruce S. *Secularization: In defence of an unfashionable theory*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2011. 243 p.

Campbell H.A., Evolvi G. Contextualizing current digital religion research on emerging technologies // *Human Behavior and Emerging Technologies*. 2020. Vol. 2, iss. 1. P. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.1002/hbe2.149>

Fardin M.A. COVID-19 epidemic and spirituality: a review of the benefits of religion in times of crisis // *Jundishapur Journal of Chronic Disease Care*. 2020.

Vol. 9, iss. 2. URL: <https://brieflands.com/articles/jjcdc-104260.pdf> (accessed 18.04.2023). DOI: <https://doi.org/10.5812/jjcdc.104260>

Ficino M. *El libro dell' Amore / a cura di S. Niccoli*. Firenze, IT: Leo S. Olschki, 1987. 232 p.

Gazzola E. Quantum physics and the modern trends in pseudoscience // *Medical Misinformation and Social Harm in Non-Science-Based Health Practices / ed. by A. Lavorgna, A. Di Ronco*. London, UK: Routledge, 2019. P. 85–99. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429424434-7>

Greil A.L., Rudy D.R. On the Margins of the Sacred: Quasi-religion in Contemporary America // *In Gods We Trust: New Patterns of Religious Pluralism in America / ed. by T. Robbins, D. Anthony*. 2nd ed. New Brunswick, NJ: Transaction, 1990. P. 219–232. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203788912-24>

Jones G.D. Jr. Video Gaming Faith: Playing Out Theologies of Religions // *Religions*. 2022. Vol. 13, iss. 10. URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/13/10/944> (accessed: 18.04.2023). DOI: <https://doi.org/10.3390/re113100944>

Lockhart A. New religious movements and quasi-religion: Cognitive science of religion at the margins // *Archive for the Psychology of Religion*. 2020. Vol. 42, iss. 1. P. 101–122. DOI: <https://doi.org/10.1177/0084672420910809>

Muckadell C.S. de. On essentialism and real definitions of religion // *Journal of the American Academy of Religion*. 2014. Vol. 82, iss. 2. P. 495–520. DOI: <https://doi.org/10.1093/jaarel/ifu015>

Nye M. Religion, Post-Religionism, and Religion-ing: Religious Studies and Contemporary Cultural Debates // *Method & Theory in the Study of Religion*. 2000. Vol. 12, iss. 1–4. P. 447–476. DOI: <https://doi.org/10.1163/157006800x00300>

Pirutinsky S., Cherniak A.D., Rosmarin D.H. COVID-19, mental health, and religious coping among American Orthodox Jews // *Journal of Religion and Health*. 2020. Vol. 59, iss. 5. P. 2288–2301. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10943-020-01070-z>

Predicting religion: Christian, secular and alternative futures / ed. by G. Davie, P. Heelas, L. Woodhead. London, UK: Taylor & Francis, 2017. 266 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315246161>

Rorty R., Vattimo G. *The future of religion / ed. by S. Zabala*. N.Y.: Columbia University Press, 2005. 304 p.

Urban H.B. *New age, neopagan, and new religious movements: alternative spirituality in contemporary America*. Oakland, CA: University of California Press, 2015. 328 p. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520962125>

Vail K.E., Soenke M., Waggoner B. Terror management theory and religious belief // Handbook of terror management theory / ed. by C. Routledge, M. Vess. San Diego, CA: Academic Press, 2019. P. 259–285. DOI: <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-811844-3.00011-1>

References

Benedikter, R. (2020). The dawn of digitized religion: A new business model — or more? *Challenge*. Vol. 63, iss. 3, pp. 165–176. DOI: <https://doi.org/10.1080/05775132.2020.1747727>

Berger, P.L. (1974). Some second thoughts on substantive versus functional definitions of religion. *Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 13, no. 2, pp. 125–133. DOI: <https://doi.org/10.2307/1384374>

Bruce, S. (2011). Defining religion: a practical response. *International Review of Sociology*. Vol. 21, iss. 1, pp. 107–120. DOI: <https://doi.org/10.1080/03906701.2011.544190>

Bruce, S. (2011). *Secularization: In defence of an unfashionable theory*. Oxford, UK: Oxford University Press, 243 p.

Bulgakov, S.N. (1996). *Tikhie dumy* [Quiet thoughts]. Moscow: Respublika Publ., 509 p.

Campbell, H.A., and Evolvi, G. (2020). Contextualizing current digital religion research on emerging technologies. *Human Behavior and Emerging Technologies*. Vol. 2, iss. 1, pp. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.1002/hbe2.149>

Davie, G., Heelas, P., and Woodhead, L. (eds.). (2017). *Predicting religion: Christian, secular and alternative futures*. London, UK: Taylor & Francis Publ., 266 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315246161>

Divnogortseva, S.Yu. (2009). [Philosophical and historical grounds of pedagogical ideas in the works of slavophiles]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. No. 4, pp. 11–15.

Fardin, M.A. (2020). COVID-19 epidemic and spirituality: a review of the benefits of religion in times of crisis. *Jundishapur Journal of Chronic Disease Care*. Vol. 9, iss. 2. Available at: <https://brieflands.com/articles/jjcdc-104260.pdf> (accessed: 18.04.2023). DOI: <https://doi.org/10.5812/jjcdc.104260>

Faynfeld, I.A. (2013). [Zen koans as the most important way to achieve enlightenment]. *European Social Science Journal*. No. 12(39), vol. 2, pp. 15–19.

Ficino, M. (1987). *El libro dell'Amore* [The book of love]. Florence, IT: Leo S. Olschki Publ., 232 p.

Fokin, K.V. (2019). [Evolution of institutions of political authority: theoretical framework]. *Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz* [Politeia]. No. 3(94), pp. 33–54. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-33-54>

Fromm, E. (1990). [Psychoanalysis and religion]. *Nitsche F., Freyd Z., Fromm E., Kamyu A., Sartr Zh.-P. Sumerki bogov* [Nietzsche F., Freud Z., Fromm E., Camus A., Sartre J.-P. Twilight of the gods]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 143–221.

Gazzola, E. (2019). Quantum physics and the modern trends in pseudoscience. *A. Lavorgna, A. Di Ronco (eds.). Medical misinformation and social harm in non-science-based health practices*. London, UK: Routledge Publ., pp. 85–99. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429424434-7>

Greil, A.L and Rudy, D.R. (1990). On the margins of the sacred: Quasi-religion in contemporary America. *T. Robbins, D. Anthony (eds.). In Gods we trust: New patterns of religious pluralism in America*. New Brunswick, NJ: Transaction Publ., pp. 219–232. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203788912-24>

Gurevich, P.S. (1984). *Vozrozhden li mistitsizm? Kriticheskie ocherki* [Is mysticism revived? Critical essays]. Moscow: Politizdat Publ., 302 p.

Holbach, P. (2022). *Svyaschennaya zaraza, ili estestvennaya istoriya sueveriya* [The sacred contagion: The natural history of superstition]. Moscow: Lenand Publ., 224 p.

Isakova, N.V. and Embulaeva, L.S. (2017). [To the question of the tradition of mysticism in Russia]. *Politematicheskii setevoj elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University]. No. 134(10). Available at: <http://ej.kubagro.ru/2017/10/pdf/66.pdf> (accessed 18.04.2023). DOI: <https://doi.org/10.21515/1990-4665-134-066>

Jones, G.D. Jr. (2022). Video gaming faith: Playing out theologies of religions. *Religions*. Vol. 13, iss. 10. Available at: <https://www.mdpi.com/2077-1444/13/10/944> (accessed 18.04.2023). DOI: <https://doi.org/10.3390/re13100944>

Khitrun, N.V. (2012). [Some features of marsilio ficino's aesthetics based on his commentary on Plato's «symposium» (el libro dell'amore)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod]. No. 1(3), pp. 208–218.

Kolkunova, K.A. (2014). [Contemporary concepts of quasi-religions]. *Vestnik Russkoy khristianskoy*

gumanitarnoy akademii [Vestnik of the Russian Christian Academy for the Humanities]. Vol. 15, iss. 1, pp. 305–313.

Kolkunova, K.A. (2014). [Quasi-religions as a problem for defining religion]. *Religiya i religioznost' v lokal'nom i global'nom izmerenii: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Vladimir, 30 sentyabrya 2014 g.)* [Religion and Religiosity in Local and Global Dimension: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Vladimir, September 30, 2014)]. Vladimir: VISU Publ., vol. 26, pp. 89–120.

Lifintseva, T.P. (2009). [«Religion»: the problem of defining the concept]. *Polignoziis* [Polygnosis]. No. 1, pp. 110–120.

Lockhart, A. (2020). New religious movements and quasi-religion: Cognitive science of religion at the margins. *Archive for the Psychology of Religion*. Vol. 42, iss. 1, pp. 101–122. DOI: <https://doi.org/10.1177/0084672420910809>

Marx, K. (1955). [A critique of the Hegelian philosophy of law. Introduction]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 1, pp. 414–429.

Muckadell, C.S. de (2014). On essentialism and real definitions of religion. *Journal of the American Academy of Religion*. Vol. 82, iss. 2, pp. 495–520. DOI: <https://doi.org/10.1093/jaarel/lfu015>

Nye, M. (2000). Religion, post-religionism, and religioning: Religious studies and contemporary cultural debates. *Method & Theory in the Study of Religion*. Vol. 12, iss. 1–4, pp. 447–476. DOI: <https://doi.org/10.1163/157006800x00300>

Otto, R. (2008). *Svyaschennoe. Ob irratsional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s ratsional'nym* [The idea of the holy: An inquiry into the non-rational factor in the idea of the divine and its relation to the rational]. St. Petersburg: SPbSU Publ., 274 p.

Pirutinsky, S., Cherniak, A.D. and Rosmarin, D.H. (2020). COVID-19, mental health, and religious coping among American Orthodox Jews. *Journal of Religion and Health*. Vol. 59, iss. 5, pp. 2288–2301. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10943-020-01070-z>

Pogudina, T.V. (2021). [Russian philosophy of law: comparativist approach]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University]. No. 2, pp. 165–175. DOI: <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2021-2-165-175>

Popova, R.M. (2014). [Religion in the modern world and its future]. *Nauka i sovremennost'* [Science and Modernity]. No. 27, pp. 137–141.

Prilutskiy, A.M. (2013). [The term «religion» in scientific and scientific-methodical literature]. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta* [UNIVERSUM: Bulletin of the Herzen University]. No. 2, pp. 87–92.

Rorty, R. and Vattimo, G. (2005). *The future of religion*. New York: Columbia University Press, 304 p.

Sardaryan, G.T. and Alekseeva, T.A. (2020). [Secularization and religiousness in the optics of constructivism]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 4, pp. 124–138. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.09>

Solov'ev, V.S. (2022). *Smysl lyubvi* [The meaning of love]. Moscow: Ripol-Klassik Publ., 400 p.

Torchinov, E.A. (1997). *Religii mira: Opyt zapredel'nogo* [Religions of the world: Experience beyond limits]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 384 p.

Torchinov, E.A. (2007). *Puti filosofii Vostoka i Zapada: poznanie zapredel'nogo* [The ways of philosophy of the East and the West: the knowledge of the beyond]. St. Petersburg: Azbuka-Klassika Publ., Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 480 p.

Urban, H.B. (2015). *New age, neopagan, and new religious movements: alternative spirituality in contemporary America*. Oakland, CA: University of California Press, 328 p. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520962125>

Vail, K.E., Soenke, M., and Waggoner, B. (2019). Terror management theory and religious belief. *C. Routledge, M. Vess (eds.) Handbook of terror management theory*. San Diego, CA: Academic Press, pp. 259–285. DOI: <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-811844-3.00011-1>

Wach, J. (1994). [Sociology of religion]. *Sotsiologiya religii: klassicheskie podkhody, nauch. red. M.P. Gapochki, Yu.A. Kimeleva* [M.P. Gapochka, Yu.A. Kimeleva (eds.) Sociology of religion: Classical approaches]. Moscow, pp. 212–220.

Zabiyako, A.P., Pratyina, D.A., Voronkova, E.A., Pelevina, O.V., Pelyukh, E.I., Semenko, M.A., Lapin, A.V. (2012). *Kiberreligiya: nauka kak faktor religioznykh transformatsiy* [Cyber religion: science as a factor in religious transformations]. Blagoveshchensk: ASU Publ., 208 p.

Об авторах

Суховерхов Антон Владимирович

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии

Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина,
350044, Краснодар, ул. Калинина, 13;
e-mail: sukhoverkhov.ksau@gmail.com
ResearcherID: P-7859-2014

Исакова Наталья Владимировна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии

Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина,
350044, Краснодар, ул. Калинина, 13;
e-mail: natalya-isakova@bk.ru
ResearcherID: AEX-9496-2022

Зацеляпин Матвей Владимирович

студент факультета управления

Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина,
350044, Краснодар, ул. Калинина, 13;
e-mail: mzatcelyapin2002@gmail.com
ResearcherID: JFS-2053-2023

About the authors

Anton V. Sukhoverkhov

Candidate of Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy

Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin,
13, Kalinin st., Krasnodar, 350044, Russia;
e-mail: sukhoverkhov.ksau@gmail.com
ResearcherID: P-7859-2014

Natalya V. Isakova

Candidate of Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy

Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin,
13, Kalinin st., Krasnodar, 350044, Russia;
e-mail: natalya-isakova@bk.ru
ResearcherID: AEX-9496-2022

Matvey V. Zatselyapin

Student of the Faculty of Management

Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin,
13, Kalinin st., Krasnodar, 350044, Russia;
e-mail: mzatcelyapin2002@gmail.com
ResearcherID: JFS-2053-2023

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.6:159.923

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-426-442>

Поступила: 19.04.2023

Принята: 10.09.2023

Опубликована: 06.10.2023

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
КАК ФАКТОР СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СТУДЕНТОВ
С РАЗНЫМ УРОВНЕМ САМОЭФФЕКТИВНОСТИ*****Блинова Елена Евгеньевна****Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (Владимир),
Херсонский государственный педагогический университет (Херсон)*

Актуальность поставленной проблемы обусловлена необходимостью психологической поддержки студентов через оптимизацию социально-психологической безопасности, что позволит повысить уровень самооффективности студентов, а соответственно, продуктивность их деятельности и межличностного взаимодействия. Цель исследования — установить особенности взаимосвязи между социально-психологической безопасностью и субъективным социальным благополучием в группах студентов с разным уровнем самооффективности. В эмпирическом исследовании использованы методики: «Социально-психологическая безопасность» (Т.В. Эксакусто), «Шкала общей самооффективности» (Р. Шварцер, М. Ерусалем в адаптации В.Г. Ромека), «Опросник параметров субъективного социального благополучия» (Т.В. Данильченко). Выборку составили студенты университета очной формы обучения. Для статистической обработки взяты коэффициент корреляции Спирмена, критерий углового преобразования Фишера. Субъективное социальное благополучие рассмотрено как удовлетворенность своим социальным и личным статусом, перспективами и актуальным состоянием социума, к которому принадлежит личность, межличностными связями, удовлетворением социальных потребностей. Установлен достаточно высокий уровень доверия студентов, получения поддержки, уважения и позитивной обратной связи по отношению к ближайшему окружению. При сравнении двух групп студентов с разным уровнем самооффективности показано, что высокий уровень самооффективности детерминирован уверенностью в себе, позитивными социальными суждениями, при этом «самооффективные» студенты имеют более высокий уровень согласованности и защищенности в межличностных отношениях. Установлены различия во взаимосвязи параметров социально-психологической безопасности и субъективного социального благополучия в группах студентов с разным уровнем самооффективности. Студенты с высоким уровнем самооффективности стремятся в общении получить информацию о партнере и ситуации, проявляют уверенность в своей способности активно влиять на ситуацию взаимодействия в соответствии со своими целями. Студенты с низким уровнем самооффективности обеспечивают субъективное благополучие в межличностных отношениях через ориентацию на мнение значимых людей, получение их поддержки, принятия, помощи, позитивной эмоциональной обратной связи.

Ключевые слова: студенты, эмоциональное принятие, удовлетворенность, защищенность, гармоничность, социальное одобрение, социальная дистантность, социальная влияние.

Для цитирования:

Блинова Е.Е. Социально-психологическая безопасность как фактор субъективного благополучия студентов с разным уровнем самооффективности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 426–442. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-426-442>

SOCIO-PSYCHOLOGICAL SAFETY AS A FACTOR OF SUBJECTIVE WELL-BEING OF STUDENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF SELF-EFFICACY

Olena Ye. Blynova

*Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (Vladimir),
Kherson State Pedagogical University (Kherson)*

The relevance of the problem posed is due to the need for psychological support for students through the optimization of socio-psychological safety. This will increase the level of students' self-efficacy, the efficiency of their activities and interpersonal interaction. The purpose of the study is to determine the features of interrelation between the concepts of socio-psychological safety and subjective well-being in groups of students with different levels of self-efficacy. The following methodologies were used in the empirical study: «Socio-psychological safety» (T.V. Eksakusto), Generalized Self-Efficacy Scale (R. Schwarzer, M. Jerusalem, in adaptation by V.G. Romek), «Questionnaire of subjective social well-being parameters» (T.V. Danilchenko). The research sample consisted of full-time university students. The correlation coefficients were calculated using the Spearman correlation coefficient; the statistical difference between the groups was proved using Fisher's test. Subjective social well-being is considered as satisfaction with one's own social and personal status, prospects and the current state of the society to which a person belongs, interpersonal relationships, satisfaction of social needs. The study established a high level of students' trust, gaining of support, respect and positive feedback from the immediate environment. A comparison of two groups of students with different levels of self-efficacy showed that a high level of self-efficacy of students is due to self-confidence, positive social judgments, such students demonstrate a high level of consistency and safety in interpersonal relations. The study established differences in the relationship between the parameters of socio-psychological safety and subjective social well-being in groups of students with different levels of self-efficacy. Students with a high level of self-efficacy strive to get information about the partner and the situation in communication, show confidence in their ability to actively influence the situation of interaction in accordance with their goals. Students with a low level of self-efficacy ensure subjective well-being in interpersonal relations through focusing on the opinions of significant people, through getting their support, acceptance, help, and positive emotional feedback.

Keywords: students, emotional acceptance, satisfaction, security, harmony, social approval, social distance, social influence, safety.

To cite:

Blynova O.Ye. [Socio-psychological safety as a factor of subjective well-being of students with different levels of self-efficacy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 3, pp. 426–442 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-426-442>

Введение

Студенческая молодежь в сложных социальных, социально-экономических условиях нестабильного общества является прогрессивной, динамичной частью социума, ценности и жизненные смыслы которой будут в недалеком будущем определять его развитие, и в то же время достаточно уязвимой, испытывающей сложности в

адаптации, что объясняет актуальность проблемы психологической безопасности личности молодых людей, ее социальную значимость и побуждает к поиску ресурсов обеспечения психологической безопасности личности студента.

Среди трудностей студенческого возраста следует отметить наличие сложных ситуаций, с которыми не всегда получается справиться по-

зитивно, ситуацию контроля деятельности, увеличение числа студентов, имеющих сложности в обучении и поведении, разные виды зависимостей, проблемы в эмоциональной и когнитивной сфере.

Безопасность является необходимым условием развития любой системы. В нашем исследовании рассматривается проблема психологической безопасности в системе «личность – социальная среда». Значимость исследований по проблеме безопасности обусловлена постоянно возникающими противоречиями, которые способны лишить любую систему равновесия, гармонии и стабильности, привести в кризисное состояние.

Человек, находясь в социуме, испытывает потребность чувствовать его надежность, устойчивость, предсказуемость, что дает возможность сохранить благополучие личности. Т.В. Эксакусто, рассматривая психологическую безопасность в системе отношений «к миру, к другим, к самому себе» (С.Л. Рубинштейн), в то же время указывает, что безопасность личности в системе межличностных отношений и общения людей друг с другом позволяет говорить о социально-психологической безопасности [Эксакусто Т.В., 2010].

Неудовлетворенность межличностными отношениями в ближайшем социальном окружении, что особо остро чувствуется в период личностного становления, порождает тревогу и неуверенность, снижает устойчивость личности к неблагоприятным воздействиям, соответственно, повышая уровень субъективного неблагополучия.

Однако есть определенные ресурсы, ресурсы психологической безопасности, используя которые личность способна успешнее справляться с внешними и внутренними сложностями во взаимодействии с другими людьми, среди которых выделяется самоэффективность.

Цель исследования: установить особенности взаимосвязи между социально-психологической безопасностью и субъективным социальным благополучием в группах студентов с разным уровнем самоэффективности.

Теоретический анализ проблемы

В настоящее время проблема психологической безопасности широко освещена в разнообразных направлениях исследований [Баева И.А.,

2012; Ульянина О.А. и др., 2022; Эксакусто Т.В., 2010], в том числе научный анализ категории «психологическая безопасность» представлен в авторских публикациях [Блинова О.С., 2018; Vlynova O.Ye. et al., 2018, и др.].

Опираемся на научный подход Т.В. Эксакусто, в котором категории «социально-психологической безопасности» и «психологической безопасности» находятся во взаимосвязи и соподчинении: «система отношений субъекта, его активность и удовлетворенность социальными связями и контактами наиболее точно отражают представления о понятии социально-психологической безопасности (СПБ)» [Эксакусто Т.В., 2010, с. 242].

Психологическая безопасность студентов в социуме, в образовательной среде — это важное условие, при котором становится возможным не только сохранение эмоциональной стабильности студенчества, но и личностный рост, и развитие участников образовательного процесса.

Исходя из этого, для нашего исследования интересным, важным и имеющим большой исследовательский потенциал является содержание обеих категорий — «психологическая безопасность» и «социально-психологическая безопасность».

Следует принять во внимание направление, изучающее психологическую безопасность среды, где характеристики среды могут влиять на сознание и поведение личности [Баева И.А., 2012; Кедярова Е.А. и др., 2021; Ульянина О.А. и др., 2022]. Особо нужно отметить определение психологической безопасности И.А. Баевой, где эти два направления объединены: с одной стороны, это состояние образовательной среды, с другой стороны, подчеркнута удовлетворенность потребностей в личностно-доверительном общении, сохранение психического здоровья субъектов взаимодействия [Баева И.А., 2012]. Таким образом, учитывая многогранность понятия «психологическая безопасность», понимаем ее как состояние динамического баланса отношений субъекта (к миру, к себе, к другим), которое позволяет субъекту сохранять целостность, саморазвиваться, реализовать собственные цели и ценности в процессе жизнедеятельности [Эксакусто Т.В., 2010; Busseri M.A., Sadava S.W., 2011].

Основное внимание при описании характеристик психологической безопасности следует

уделить особенностям коммуникации и взаимодействия между субъектами, например, то, что касается студенчества в образовательной среде университета, что дает основания рассматривать феномен СПБ. Акцентируют на социальном аспекте психологической безопасности и О.А. Ульянина с коллегами; анализируя зарубежные исследования, авторы пришли к выводу, что психологическая безопасность образовательной среды способствует поддержанию эффективной коммуникации со своим непосредственным окружением, эффективному целеполаганию и принятию решений [Ульянина О.А. и др., 2022]. Также следует отметить взаимосвязь психологического благополучия учащегося и позитивного климата образовательной организации школы, атмосферы благожелательности, поддерживающих отношений [Cornell D.G. et al., 2021].

Зарубежные исследования акцентируют внимание на взаимосвязи психологической безопасности и комфортного, продуктивного информационного взаимодействия между сотрудниками в коллективе, что стимулирует творческую активность и обеспечивает получение эффективного результата [Gong Y. et al., 2012; Naase J. et al., 2018].

Е.А. Кедярова, Н.И. Чернецкая, Н.С. Кондрашова и К.С. Литвиненко уделили внимание современной проблеме, связанной с психологической безопасностью студентов-психологов в образовательной среде вуза в условиях дистанционного обучения [Кедярова Е.А. и др., 2021]. Авторы показали снижение значимости учебной деятельности, психоэмоциональное напряжение участников, недостаток личностно-доверительного общения с преподавателями, и в целом снижение удовлетворенности значимыми характеристиками образовательной среды, напрямую связывая с тем, что «форма и объем коммуникации между ними претерпевают существенные перемены при переходе с очного обучения на дистанционное» [Кедярова Е.А. и др., 2021, с. 37]. Сохранению чувства психологической безопасности способствует установление контроля над ситуацией, способность оценивать угрозы, знание индивидуальных способов совладания с проблемами.

Е.Л. Трофимова, Г.А. Кузьмина среди индикаторов психологической безопасности указы-

вают уверенность в себе, уверенность в будущем, возможность прогнозировать события, ощущение себя на своем месте, коммуникативную компетентность, что отражает понятие личностной самооффективности. Также следует отметить, что наиболее значимым фактором выявлена «саморегуляция в условиях неопределенности», в состав которого вошли эти переменные [Трофимова Е.Л., Кузьмина Г.А., 2022, с. 54].

Резюмируем, что социально-психологическая безопасность рассматривается как психологическое состояние личности, отражающее переживание защищенности, адаптивности, гармоничности и благополучия в межличностном общении и взаимодействии.

Взаимосвязь социально-психологической безопасности и субъективного благополучия личности показана в разных исследованиях. Проанализируем основные подходы к ним, сделав акцент на классических и современных работах отечественных и зарубежных авторов, подчеркивающих сложность и разнообразие взаимосвязей этих феноменов.

Субъективное благополучие личности обусловлено совокупностью внутренних и внешних факторов, и в свою очередь оказывает влияние на успешность адаптации в социуме, достижение успеха в деятельности, продуктивность социальных взаимосвязей [Баева И.А., 2012; Данильченко Т.В., 2016; Зотова О.Ю. и др., 2017; Шамионов Р.М., 2014; Busseri M.A., Sadava S.W., 2011; Diener E., 2013, и др.].

Субъективное благополучие Р.М. Шамионовым определяется через отношения человека к своей личности, жизни и важным жизненным процессам, которые характеризуются ощущением удовлетворенности [Шамионов Р.М., 2014]. По мнению автора, благополучие личности складывается в процессе преодоления внешних и внутренних препятствий, благодаря чему усиливается ее самооффективность. Классическими среди зарубежных исследований, посвященных благополучию, являются работы Е. Diener [Diener E., 2013], С.Л.М. Keyes, D. Shmotkin, С.Д. Ryff [Keyes C.L.M. et al., 2002].

Важными для нашего исследования являются взгляды зарубежных исследователей, например, S.R. Choudhury, A. Varman, которые акцентируют внимание на социальном аспекте и рас-

сма­три­ва­ют бла­го­по­лу­чие че­рез «на­ли­чие со­ци­аль­ной под­дер­жки, при­ня­тия груп­пой, от­кры­тость во вза­им­о­от­но­ше­ниях и от­сут­ствие кон­ф­лик­тов, бла­го­при­ят­ное со­ци­аль­ное окру­же­ние и управ­ле­ние окру­жа­ю­щей средой, вклю­че­ние в по­ня­тие лич­но­го бла­го­по­лу­чия и бла­го­по­лу­чия бли­з­ких и зна­чи­мых лю­дей» [Choudhury S.R., Varman A., 2014, p. 260]. Min Gwan Shin с соав­то­ра­ми рас­сма­три­ва­ет меж­лич­ност­ное бла­го­по­лу­чие как удо­вле­тво­ре­ность ка­че­ством меж­лич­ност­ных от­но­ше­ний, и со­ци­аль­ное бла­го­по­лу­чие — как удо­вле­тво­ре­ность сво­им со­ци­аль­ным ста­ту­сом и со­ци­аль­ны­ми ро­ля­ми [Shin M.G. et al., 2020].

Кро­ме это­го, сле­ду­ет при­нять во вни­ма­ние сле­ду­ю­щее: ко­гда речь идет о со­от­вет­ствии воз­мож­но­стей, спо­соб­но­стей, стре­мле­ний лич­но­сти ха­рак­те­ри­сти­кам внеш­не­го ми­ра, то, как по­ка­за­но в ра­бот­ах R. Janoff-Bulman, уве­ре­ность че­ло­ве­ка дос­ти­гать це­ли, зна­чи­мость соб­ствен­но­го «Я», по­зи­тив­ное от­но­ше­ние к окру­жа­ю­ще­му ми­ру детер­ми­ни­ру­ет­ся ощу­ще­нием пси­хо­ло­гиче­ской безо­пас­но­сти лич­но­сти [Janoff-Bulman R., 2016]. Чу­в­ство не­без­о­пас­но­сти сни­жа­ет воз­мож­но­сти лич­но­сти к ус­та­нов­ле­нию про­дук­тив­ных со­ци­аль­ных кон­так­тов, уве­ре­ность в сво­ей спо­соб­но­сти ус­пеш­но ре­шать про­фес­си­о­наль­ные и жиз­нен­ные за­да­чи, дос­ти­гать по­став­лен­ных це­лей, в це­лом — сни­жа­ет са­мо­эф­фек­тив­ность [Cornell D.G. et al., 2021; Johnson H.H., Avolio B.J., 2019].

В.Р. Ману­кян, А.А. Тру­би­ци­на в ис­сле­до­ва­нии про­фес­си­о­наль­ной иден­тич­но­сти сту­ден­тов стар­ших курсов по­ка­за­ли, что ус­пеш­ное ре­ше­ние за­да­чи про­фес­си­о­на­ли­за­ции свя­за­но с пере­жи­ва­ния­ми бла­го­по­лу­чия, удо­вле­тво­ре­но­сти жиз­нью у сту­ден­тов [Ману­кян В.Р., Тру­би­ци­на А.А., 2019]. А.Г. Са­мо­хвалова и др. на ос­но­ве эм­пи­ри­че­ских дан­ных по­ка­зы­ва­ют вза­им­ос­вя­зь субъ­ек­тив­но­го бла­го­по­лу­чия сту­ден­тов с ощу­ще­нием соб­ствен­ной ус­пеш­но­сти в жиз­ни; от­ме­ча­ют, что «пре­дик­то­ра­ми субъ­ек­тив­но­го бла­го­по­лу­чия ста­но­вят­ся та­кие лич­ност­ные ка­че­ства, как ак­тив­ность, це­ле­у­стре­млен­ность и са­мо­эф­фек­тив­ность, т.е. ощу­ще­ние бла­го­по­лу­чия бо­лее свой­ствен­но сту­ден­там, про­яв­ля­ю­щим со­ци­аль­ную ак­тив­ность; зна­ю­щим, че­го они хо­тят; ви­дя­щим смы­сл в сво­их дей­ствиях; спо­соб­ным до­би­вать­ся сво­их це­лей ва­ри­атив­ны­ми спо­со­ба­ми» [Са­мо­хвалова А.Г. и др., 2021, с. 36].

Ре­зу­ми­ру­ем, что бла­го­по­лу­чие лич­но­сти ве­дет к по­став­ке вы­со­ких це­лей, уси­ли­ва­ет мо­ти­ва­цию, по­вы­ша­ет чу­в­ство са­мо­эф­фек­тив­но­сти при вы­пол­не­нии за­да­чи. От­ме­тим из­вест­ный факт, что по­ня­тие «са­мо­эф­фек­тив­ность» (self-efficacy), вве­де­но в пси­хо­ло­гию А. Бан­ду­рой, под ко­то­рым по­ни­ма­ют­ся суж­де­ния че­ло­ве­ка о сво­ей спо­соб­но­сти эф­фек­тив­но вы­пол­нить оп­ре­де­лен­ный на­бор дей­ствий или де­я­тель­но­сти [Bandura A. et al., 1999].

И.А. Уман­ская и В.В. Го­лу­бев рас­сма­три­ва­ют са­мо­эф­фек­тив­ность как ре­сур­с сов­ла­да­ния со стрес­сом, а та­же счи­та­ют лич­ност­ной ха­рак­те­ри­сти­кой, фор­ми­ру­ю­щей­ся в за­ви­си­мо­сти от ус­пеш­но­сти ре­ше­ния слож­ных за­дач [Уман­ская И.А., Го­лу­бев В.В., 2020]. V.G. Sardegna, J. Lee, C. Kusey по­ка­за­ли, что са­мо­эф­фек­тив­ность мож­но рас­сма­три­вать как ос­но­ву для лич­ной мо­ти­ва­ции и ощу­ще­ния бла­го­по­лу­чия [Sardegna V.G. et al., 2018]. L. Warren, D. Reilly, A. Herdan, Y. Lin ука­зы­ва­ют, что сла­бая са­мо­эф­фек­тив­ность при ре­ше­нии слож­ных за­дач вы­зы­ва­ет тре­во­гу и бес­по­кой­ство [Warren L. et al., 2021].

На ос­но­ва­нии об­зо­ра за­ру­бе­ж­ной ли­те­ра­ту­ры по про­б­ле­ме са­мо­эф­фек­тив­но­сти уча­щих­ся Л.Н. Ши­лен­кова при­хо­дит к вы­во­ду, что ака­де­миче­ская са­мо­эф­фек­тив­ность мож­ет быть уси­ле­на бла­го­да­ря соз­да­нию безо­пас­ной обра­зо­ва­тель­ной сре­ды, сво­бод­ной от стрес­са и стра­ха [Ши­лен­кова Л.Н., 2020, с. 75]. Об­рат­ная за­ви­си­мо­сть меж­ду уров­нем эк­за­ме­на­ци­он­но­го стрес­са и сте­пенью вы­ра­жен­но­сти са­мо­эф­фек­тив­но­сти сту­ден­тов по­ка­за­на О.И. Ми­ро­но­вой, К.А. Ма­шки­ным [Ми­ро­нова О.И., Ма­шкин К.А., 2021]. T. Mahfud, Y. Mulyani, R. Setyawati, N. Kholifah при изу­че­нии каръ­ер­ной са­мо­эф­фек­тив­но­сти до­ка­за­ли ее вли­я­ние на про­фес­си­о­наль­ную а­дап­та­цию сту­ден­тов по­ли­тех­ни­че­ских ву­зов [Mahfud T. et al., 2022].

В ис­сле­до­ва­нии М.В. Ер­мо­ла­евой, Д.В. Лу­бов­ско­го са­мо­эф­фек­тив­ность рас­сма­три­ва­ет­ся в кон­тек­сте пси­хо­ло­гиче­ско­го ка­пи­та­ла как со­во­куп­но­сти ре­сур­сов, вклю­ча­ю­ще­го, на­ря­ду с са­мо­эф­фек­тив­но­стью, оп­ти­мизм, жиз­не­стой­кость, ви­де­ние пер­спек­ти­вы (це­ле­по­ла­га­ние) [Ер­мо­ла­ева М.В., Лу­бов­ский Д.В., 2020]. Т.Н. А­де­ева и И.В. Ти­хо­нова в изу­че­нии стрес­са вы­я­ви­ли пря­мые вза­им­ос­вя­зи са­мо­эф­фек­тив­но­сти и всех ре­сур­сов сов­ла­да­ния, ав­то­ры кон­ста­ти­ро­ва­ли, что са­мо­эф­фек­тив­ность «яв­ля­ет­ся пре­дик­то­ром и

детерминирует их осознание и рост» [Адеева Т.Н., Тихонова И.В., 2021, с. 208].

Таким образом, главным критерием оценивания качества и уровня благополучия является социальное взаимодействие, в котором реализуются процессы социального сравнения, сопоставления благополучия своего и других людей [Головина Г.М., Савченко Т.Н., 2020; Данильченко Т.В., 2016; Шамянов Р.М., 2014; Diener E., 2013; La Placa V. et al., 2013]. Резюмируем, что в определении благополучия подчеркивается социальный аспект, т.е. качество взаимодействия с социальными объектами, что обусловило выбор исследовательских категорий «социально-психологическая безопасность» и «субъективное социальное благополучие».

Гипотеза. Существуют различия во взаимосвязи между параметрами социально-психологической безопасности и субъективного социального благополучия в разных по уровню самооэффективности группах студентов.

Материалы и методы

Выборка. В исследовании приняли участие 107 студентов 2–4 курсов очной формы обучения разных направлений подготовки Херсонского государственного университета, Херсонского национального технического университета, среди них 38 мужчин (35,51 %) и 69 женщин (64,49 %). Возраст испытуемых колеблется от 18 до 23 лет.

Организация исследования. Сбор первичных эмпирических данных проведен в январе-феврале 2022 г. Участие в исследовании было добровольным.

Для исследования социально-психологической безопасности использована диагностическая методика «Социально-психологическая безопасность» [Эксакусто Т.В., 2010]. Согласно научному подходу Т.В. Эксакусто, в структуре социально-психологической безопасности выделяют три компонента: гармоничность отношений (когнитивный компонент), удовлетворенность ими (эмоционально-мотивационный компонент) и защищенность (конативный компонент).

«Удовлетворенность» отражает удовлетворенность межличностными отношениями, положительную оценку взаимосвязей с другими людьми. «Гармоничность» отношений предпо-

лагает согласованность мнений, согласие, способность договариваться. «Защищенность» понимается как отсутствие трудностей и нарушений во взаимоотношениях с людьми, устойчивость к неблагоприятным воздействиям (игнорирование, манипулирование, угрозы и т.д.).

Представление о своей общей самооэффективности исследовано шкалой с одноименным названием (Generalized Self-Efficacy Scale, GSES; Р. Шварцер, М. Ерусалем, в адаптации В.Г. Ромека) [Шварцер Р. и др., 1996]. Опросник направлен на измерение субъективного ощущения личностной эффективности, содержит 10 утверждений, степень согласия с которыми испытуемому предложено оценить по 4-балльной шкале.

Субъективное социальное благополучие студентов измерено с помощью русскоязычной версии «Опросника параметров субъективного социального благополучия» (Т.В. Данильченко). В эмпирическом исследовании выделяем такие основные критерии (шкалы) субъективного социального благополучия: 1. Социальная видимость (видимость); 2. Социальная дистантность; 3. Эмоциональное принятие; 4. Социальное одобрение; 5. Позитивные социальные суждения.

Опросник включает в себя 36 утверждений, степень согласия с каждым из которых испытуемый оценивает по 7-балльной шкале от «абсолютно не согласен» до «абсолютно согласен» [Данильченко Т.В., 2016]. После получения первичных оценок по шкалам, их значения переводятся в стандартную стеновую шкалу отдельно для мужчин и женщин.

Статистический анализ. Статистическую обработку полученных эмпирических данных реализовано с помощью статистических программ «MS Excel» и «SPSS» (версия 23.0). Для расчета корреляции использован коэффициент корреляции Спирмена, для получения статистических различий между группами — ϕ -критерий углового преобразования Фишера. Данный критерий применяется для сравнения двух групп, для подтверждения/опровержения статистических различий между ними по определенному признаку в случае, если доля испытуемых в каждой подгруппе, имеющей тот или иной признак, выражена в процентах.

В данном исследовании на одном из его этапов использован этот критерий для сравнения двух групп, выделенных по уровню самооценки эффективности (с высокой и низкой самооценкой), по шкалам субъективного социального благополучия и социально-психологической безопасности.

Результаты исследования

В табл. 1 представим результаты исследуемой студенческой выборки по опроснику «Социально-психологическая безопасность» [Эксакусто Т.В., 2010].

Таблица 1. Среднеарифметические оценки и среднеквадратические отклонения по показателям социально-психологической безопасности (Т.В. Эксакусто) (n = 107)

Table 1. Arithmetic mean estimates and standard deviations in terms of socio-psychological safety (T.V. Eksakusto) (n = 107)

Показатели СПБ	M	SD
Гармоничность (когнитивный компонент)	6,71	1,34
Удовлетворенность (эмоционально-мотивационный компонент)	12,89	2,63
Защищенность (конативный, поведенческий компонент)	10,35	1,06

Примечание: M — среднеарифметическое значение; SD — среднеквадратическое отклонение.

Note: M — arithmetic mean; SD — mean square deviation.

Полученные нами среднеарифметические значения по показателям социально-психологической безопасности студентов показывают преимущественно средний и выше среднего уровень (при сравнении среднеарифметического показателя с тестовыми нормами): «Гармоничность» (M = 6,71; SD = 1,34); «Удовлетворенность» (M = 12,89; SD = 2,63); «Защищенность» (M = 10,35; SD = 1,06).

Мы осознаем, что среднеарифметическое значение может свидетельствовать как о преимущественно средних оценках по каждому показателю у всех испытуемых выборки, так и о значительном разбросе соответствующего показателя. Поэтому на следующем этапе реализовано процентное распределение значений выборки по когнитивному, эмоционально-мотивационному, конативному компонентам социально-психологической безопасности (см. табл. 2).

Таблица 2. Процентное распределение результатов по компонентам социально-психологической безопасности (n = 107)

Table 2. Percentage distribution of results by components of socio-psychological safety (n = 107)

Компоненты социально-психологической безопасности	Высокий уровень (в %)	Средний уровень (в %)	Низкий уровень (в %)
Когнитивный компонент	40,19 %	42,99 %	16,82 %
Эмоционально-мотивационный компонент	28,97 %	36,45 %	34,58 %
Конативный компонент	17,76 %	61,68 %	20,56 %

Полученные данные показали разные пропорции распределения по компонентам социально-психологической безопасности: по когнитивному компоненту «Гармоничность» преобладают высокие и средние оценки (40,19 % и 42,99 % соответственно), только 16,82 % исследуемой выборки студентов имеют низкий уровень; по эмоционально-мотивационному компоненту «Удовлетворенность» мы видим приблизительно равномерное распределение по уровням — высокий уровень (28,97 %), средний уровень (36,45 %), низкий уровень

(34,58 %); по конативному компоненту «Защищенность» зафиксировано, что менее пятой части испытуемых имеет высокий уровень проявления показателя (17,76 %), приблизительно такой же процент получен и по низкому уровню (20,56 %), подавляющее количество студентов показывают средний уровень (61,68 %).

Подтверждают предварительные выводы о более высоком уровне когнитивного компонента СПБ средние оценки студенческой выборки при ответах на вопрос «Что делает Ваши отношения с другими людьми согласованными, не-

противоречивыми, устойчивыми?»: «Знания о себе, своих особенностях» ($M = 3,78$); «Знания о партнере, его особенностях» ($M = 4,02$); «Знания о ситуации, ее особенностях» ($M = 3,92$) — характеристики когнитивного компонента; «Хорошие условия для общения (комфортная обстановка)» ($M = 2,37$); «Интересный собеседник» ($M = 2,41$) — характери-

стики эмоционального компонента; «Уверенность в себе» ($M = 2,15$); «Отсутствие непонимания, затруднений в общении» ($M = 2,09$) — характеристики конативного компонента.

Усредненные показатели по дополнительным шкалам опросника представлены ниже в таблице (см. табл. 3).

Таблица 3. Индексы шкал социально-психологической безопасности (Т.В. Эксакусто) ($n = 107$)

Table 3. Indices of socio-psychological safety scales (T.V. Eksakusto) ($n = 107$)

Шкалы социально-психологической безопасности	Индекс
Индекс гармоничности	4,05
Индекс удовлетворенности	3,42
Индекс защищенности	3,17

На основе данных таблицы фиксируем снижение индексов по шкалам, отражающим разные компоненты социально-психологической безопасности: наиболее высокий — «индекс гармоничности» ($M = 4,05$); ниже уровень показателя «индекс удовлетворенности» ($M = 3,42$); наиболее низким является «индекс защищенности» ($M = 3,17$).

Представим первичные результаты по шкалам «Опросника субъективного социального благополучия» (Т.В. Данильченко) (см. табл. 4). Поскольку автором опросника представлены таблицы перевода первичных оценок по шкалам в стеновые показатели отдельно для мужчин и женщин, то в таблицу внесены среднеарифметические оценки, рассчитанные отдельно для двух подгрупп.

Таблица 4. Среднеарифметические оценки и среднеквадратические отклонения по шкалам «Опросника субъективного социального благополучия» (Т.В. Данильченко) ($n = 107$)

Table 4. Arithmetic mean scores and standard deviations on the scales of the «Questionnaire of subjective social well-being» (T.V. Danilchenko) ($n = 107$)

Показатели СПБ	Группы	M	SD
Социальная влиятельность (видимость)	мужчины ($n_1 = 38$)	42,11	4,39
	женщины ($n_2 = 69$)	40,84	4,17
Социальная дистантность	мужчины ($n_1 = 38$)	15,78	2,44
	женщины ($n_2 = 69$)	16,02	2,37
Эмоциональное принятие	мужчины ($n_1 = 38$)	43,25	3,98
	женщины ($n_2 = 69$)	43,61	3,77
Социальное одобрение	мужчины ($n_1 = 38$)	37,94	3,46
	женщины ($n_2 = 69$)	38,65	3,52
Позитивные социальные суждения	мужчины ($n_1 = 38$)	18,29	2,27
	женщины ($n_2 = 69$)	18,11	2,12

Примечание: M — среднеарифметическое значение; SD — среднеквадратическое отклонение.

Note: M — arithmetic mean; SD — mean square deviation.

Данные таблицы показывают, что среднеарифметические значения, полученные в женской ($n_2 = 69$) и мужской подвыборках ($n_1 = 38$), статистически между собой не отличаются, что дает право далее рассматривать группу в целом. Нами получено, что при сравнении с тестовыми нормами, выше среднего оценки по исследуемой группе обнаружены по шкалам:

«Эмоциональное принятие» ($M_1 = 43,25$; $SD_1 = 3,98$) ($M_2 = 43,61$; $SD_2 = 3,77$); «Социальное одобрение» ($M_1 = 37,94$; $SD_1 = 3,46$) ($M_2 = 38,65$; $SD_2 = 3,52$); в диапазон средних оценок попадают показатели по шкалам «Социальная влиятельность» ($M_1 = 42,11$; $SD_1 = 4,39$) ($M_2 = 40,84$; $SD_2 = 4,17$); «Позитивные социальные суждения» ($M_1 = 18,29$; $SD_1 = 2,27$)

($M_2 = 18,11$; $SD_2 = 2,12$); по шкале «Социальная дистантность» получены оценки ниже среднего уровня ($M_1 = 15,78$; $SD_1 = 2,44$) ($M_2 = 16,02$; $SD_2 = 2,37$).

В таблице 5 представлены полученные результаты по «Шкале общей самооффективности» (Р. Шварцер, М. Ерусалем, в адаптации В.Г. Ромека) (см. табл. 5).

Таблица 5. Среднеарифметические оценки и среднеквадратические отклонения по «Шкале общей самооффективности» (Р. Шварцер, М. Ерусалем, в адаптации В.Г. Ромека) ($n = 107$)

Table 5. Arithmetic mean estimates and standard deviations according to the «Scale of overall self-efficacy» (R. Schwarzer, M. Yerusalem, adapted by V.G. Romek) ($n = 107$)

Показатель самооффективности	Группы	M	SD
Общая самооффективность	мужчины ($n_1 = 38$)	32,04	4,43
	женщины ($n_2 = 69$)	31,68	4,32
	вся выборка ($n = 107$)	31,79	4,55

Примечание: M — среднеарифметическое значение; SD — среднеквадратическое отклонение.

Note: M — arithmetic mean; SD — mean square deviation.

Среднеарифметические значения по общей самооффективности в подвыборках мужчин и женщин статистически значимо не различаются, поэтому для дальнейшего анализа данных рассматриваем всю студенческую выборку ($n = 107$), по этому показателю проранжированы результаты, получена медиана, что позволило выделить группу 1 (значения выше медианы) с высоким уровнем общей самооффектив-

ности ($n_1 = 54$), и группу 2 (значения ниже медианы) с низким уровнем общей самооффективности ($n_2 = 53$).

Для статистического подтверждения различий между двумя подвыборками использован критерий углового преобразования Фишера (см. табл. 6). Для сравнения взят процент испытуемых из каждой подгруппы с высоким уровнем проявления соответствующего показателя.

Таблица 6. Различия между группами с разным уровнем самооффективности по показателям субъективного социального благополучия и социально-психологической безопасности ($n_1 = 54$; $n_2 = 53$)

Table 6. Differences between groups with different levels of self-efficacy in terms of subjective social well-being and socio-psychological safety ($n_1 = 54$; $n_2 = 53$)

№	Название показателя	Группа 1 ($n_1 = 54$)	Группа 2 ($n_2 = 53$)	Критерий Фишера	Уровень значимости
1	Социальная влияние (видимость)	27,78 %	22,64 %	0,1396	—
2	Социальная дистантность	14,81 %	20,75 %	0,8013	—
3	Эмоциональное принятие	22,22 %	15,09 %	0,9461	—
4	Социальное одобрение	35,18 %	13,21 %	2,7194	$p \leq 0,01$
5	Позитивные социальные суждения	31,48 %	14,81 %	2,1093	$p \leq 0,05$
6	Когнитивный компонент (Гармоничность)	25,92 %	11,32 %	1,9749	$p \leq 0,05$
7	Эмоционально-мотивационный компонент (Удовлетворенность)	37,04 %	30,19 %	0,7703	—
8	Конативный компонент (Защищенность)	26,63 %	13,21 %	1,7578	$p \leq 0,05$

Выявлены различия между группой 1 (с высоким уровнем самооффективности) и группой 2 (с низким уровнем самооффективности) по некоторым показателям. Обращает на себя внимание факт, что хотя не по всем шкалами различия подтверждены статистически, но общая тенденция сохраняется — по всем параметрам социально-психологической безопасности и субъективного социального благополучия студенческая выборка с высокой эффективностью превышает подгруппу тех, кто имеет низ-

кую самооффективность (кроме шкалы «Социальная дистантность»).

Проанализируем статистически значимые различия: группа 1 отличается от группы 2 по показателям «Социальное одобрение» ($\varphi_{\text{мп.}} = 2,7194$; $p \leq 0,01$); «Позитивные социальные суждения» ($\varphi_{\text{мп.}} = 2,1093$; $p \leq 0,05$).

По шкале социально-психологической безопасности «Гармоничность», отражающей когнитивный компонент, обнаружены статистически значимые различия между студенческими

подвыборками ($\varphi_{эмп.} = 1,9749$; $p \leq 0,05$). По эмоциональному компоненту «Удовлетворенность» статистически значимые различия не подтверждены, в обеих группах около третьей части испытуемых имеют высокий уровень выраженности эмоционально-мотивационного компонента, что косвенно (опосредованно) подтверждает преимущественно когнитивную природу феномена самооффективности. Показаны различия

между группами по конативному компоненту СПБ «Защищенность» ($\varphi_{эмп.} = 1,7578$; $p \leq 0,05$).

Для установления особенностей взаимосвязи между компонентами социально-психологической безопасности и шкалами субъективного социального благополучия корреляционный анализ проведен отдельно в подгруппах студентов с разным уровнем самооффективности (см. табл. 7).

Таблица 7. Коэффициенты корреляции компонентов социально-психологической безопасности и шкал субъективного социального благополучия в группах студентов с разным уровнем самооффективности ($n_1 = 54$; $n_2 = 53$)

Table 7. Correlation coefficients of the components of socio-psychological safety and scales of subjective social well-being in groups of students with different levels of self-efficacy ($n_1 = 54$; $n_2 = 53$)

Шкалы субъективного социального благополучия	Группы студентов по уровню самооффективности	Показатели социально-психологической безопасности		
		Гармоничность (когнитивный компонент)	Удовлетворенность (эмоционально-мотивационный компонент)	Защищенность (конативный компонент)
Социальная влиятельность (видимость)	Группа 1	0,279*	0,314*	–
	Группа 2	–	–	–
Социальная дистантность	Группа 1	–	–	-0,287*
	Группа 2	–	-0,291*	–
Эмоциональное принятие	Группа 1	–	0,322*	–
	Группа 2	–	0,283*	–
Социальное одобрение	Группа 1	–	–	0,304*
	Группа 2	0,326*	–	–
Позитивные социальные суждения	Группа 1	–	0,319*	–
	Группа 2	–	–	0,332*

Примечание 1: в таблицу внесены статистически значимые коэффициенты корреляции.

Примечание 2: * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$

Note 1: Statistically significant correlation coefficients are included in the table.

Note 2: * — $p \leq 0.05$; ** — $p \leq 0.01$

Проанализируем последовательно статистически значимые коэффициенты корреляции. Когнитивный компонент социально-психологической безопасности «Гармоничность» в группе 1 (студенты с высоким уровнем самооффективности) коррелирует со шкалой субъективного социального благополучия «Социальная влиятельность» ($r = 0,279$; $p \leq 0,05$); в группе 2 (студенты с низким уровнем самооффективности) — со шкалой «Социальное одобрение» ($r = 0,326$; $p \leq 0,05$).

Эмоционально-мотивационный компонент СПБ «Удовлетворенность» показал наибольшее количество корреляционных связей со шкалами субъективного социального благополучия, причем можно подчеркнуть различия между группами студентов с разным уровнем самооффективности. В группе 1 получены такие корреляции: «Социальная влиятельность» ($r = 0,314$;

$p \leq 0,05$), «Эмоциональное принятие» ($r = 0,322$; $p \leq 0,05$), «Позитивные социальные суждения» ($r = 0,319$; $p \leq 0,05$). В группе 2 обнаружена корреляция со шкалой «Эмоциональное принятие» ($r = 0,283$; $p \leq 0,05$), кроме этого, получена обратная корреляционная связь со шкалой «Социальная дистантность» ($r = -0,291$; $p \leq 0,05$).

Конативный компонент социально-психологической безопасности «Защищенность» в группе студентов с высоким уровнем самооффективности показывает статистически значимую обратную корреляционную связь со шкалой «Социальная дистантность» ($r = -0,287$; $p \leq 0,05$), а также положительную связь со шкалой «Социальное одобрение» ($r = 0,304$; $p \leq 0,05$). В группе 2 «Защищенность» коррелирует с «Позитивными социальными суждениями» ($r = 0,332$; $p \leq 0,05$).

Обсуждение результатов исследования

В исследовании социально-психологической безопасности студентов получены усредненные результаты по выборке по основным компонентам СПБ. Характеризуя показатель социально-психологической безопасности «Гармоничность», отметим мнение студенческой молодежи о том, что отношения с другими людьми помогают совершенствовать навыки общения и совершенствоваться самому; что отношения с другими людьми являются преимущественно согласованными, надежными, устойчивыми. Относительно компонента «Удовлетворенность» студенты высказывают мнение, что необходимость для них налаживать отношения с людьми чаще вызывает хорошее настроение, чем плохое; отмечают «редко» или «иногда» в случаях, когда в отношениях с другими людьми возникают усталость, раздражение, напряженность, недопонимание. «Защищенность» проявляется в отсутствии беспокойства и чувства опасности при необходимости вступить в контакт с окружающими, уверенности в своей способности защитить себя в ситуации общения с другими людьми, в том числе посредством изменения своих взглядов и своего поведения.

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что студенты в эмоциональном плане чувствуют меньшую социально-психологическую безопасность, что, в свою очередь, отражается и на их защищенности, на реальных действиях, поступках в поведенческом плане. Такие результаты согласуются и с зарубежными исследованиями [Afolabi O.A., Baloguna A.G., 2017; Cornell D.G. et al., 2021].

Показатели субъективного социального благополучия в исследуемой выборке попадают в интервал средних и выше среднего оценок. Шкала «Эмоциональное принятие» показывает достаточный уровень доверия по отношению к семье и друзьям, удовлетворенность отношениями с семьей и друзьями, возможностью получить от них поддержку. Шкала «Социальное одобрение» констатирует чувство уважения от окружающих, понимание, что другие люди ценят как личность, одобряют действия и поступки, роль в социальной группе. Эти выводы пересекаются с данными эмпирических исследований, связывающих субъективное благополучие с позитивной групповой идентичностью и воз-

можностью получать поддержку от значимых людей [Booker J.A. et al., 2021]; а также подтверждены в нашем исследовании социальных ожиданий студентов в профессиональной и учебной деятельности [Porovych I.S., Vlynova O.Ye., 2019]. Значимость субъективного социального благополучия для успешной адаптации к жизненным событиям показана в работе M. Luhmann, W. Hofman, M. Eid, R.E. Lucas [Luhman M. et al., 2012].

По шкале «Социальной влиятельности» (или «видимости») можно резюмировать активную позицию в социуме, достижение успеха, который отмечен другими людьми, важность и значимость своей деятельности для социума, осознание лидерской позиции в социальной группе. Интересные эмпирические данные связывают независимость от социального влияния, самодостаточность с феноменом самоэффективности [Lucas T. et al., 2006].

Среднегрупповые значения по шкале «Позитивные социальные суждения» характеризуют личность, имеющую сформированные убеждения относительно других людей и мира вокруг — «большинство людей поступает честно», «большинству людей можно доверять», «преимущественно люди добры».

Ниже среднего оценки у студенческой выборки получены по шкале «Социальная дистантность», т.е. наблюдаем низкий уровень согласия студенчества с утверждениями: «Я чувствую себя дистанцированным от людей»; «Я переживаю чувство безнадежности», «Я чувствую себя одиноким», «Люди безразличны к моему мнению».

Статистически значимые различия между разными по самоэффективности группами студентов позволили сделать вывод о том, что «самоэффективных» студентов характеризует больший уровень уверенности в том, что окружающие их любят, ценят, относятся с уважением, высоко оценивают их деятельность. Различия по параметру «Позитивные социальные суждения» показывают детерминированность высокой самоэффективности личности убежденностью в том, что в мире много добрых, честных, достойных людей, которым можно доверять.

Также обнаруженные различия по шкале «Гармоничность» свидетельствуют, что у студентов, имеющих более высокий уровень са-

моэффективности, отношения с другими людьми более согласованы, упорядочены, ориентированы и на свои интересы, и на интересы другого человека. Кроме того, фиксируем полученный факт, что высокоэффективные студенты чувствуют в ситуации общения и взаимодействия с другими людьми свою способность активно влиять на продуктивность, успешность и благоприятный исход каждой ситуации, изменяя себя, другого человека и внешние обстоятельства.

Корреляции когнитивного компонента СПБ со шкалами субъективного социального благополучия свидетельствуют о взаимосвязи в группе «самоэффективных» студентов информированности об особенностях партнеров по общению, о ситуации социального взаимодействия и ее контексте, о себе и своих сильных и слабых сторонах для организации эффективного общения, с потребностью в уважении, ощущении своей значимости, достижения целей. В группе студентов с низкой самоэффективностью выражена потребность в поддержке и получении позитивной обратной связи от значимых для них окружающих.

Фиксируем наличие взаимосвязи удовлетворенности межличностными отношениями с чувством эмоционального принятия со стороны других людей. В то же время следует отметить, что, когда в отношениях с другими людьми студенты испытывают чувство напряженности, волнения, страха, опасения, это закономерно увеличивает их склонность к социальному дистанцированию, что более выражено проявляется в группе студентов с низким уровнем самоэффективности.

Взаимосвязи конативного компонента социально-психологической безопасности «Защищенность» дают нам основания прийти к заключению, что реальные действия, направленные на изменение своего поведения на более продуктивное в ситуации взаимодействия, на изменение поведения партнера, на корректировку самой ситуации, если она развивается в нежелательном направлении, опирается на активную обратную связь с другими людьми и на убежденность в том, что люди заслуживают хорошего отношения, им можно доверять и рассчитывать на взаимовыгодное сотрудничество.

Заключение

На основе теоретического анализа научной литературы и результатов проведенного эмпирического исследования сделаны такие **выводы**.

1. При изучении социально-психологической безопасности студентов констатируем, что более высокие показатели имеет когнитивный компонент, свидетельствующий об упорядоченности, согласованности, гармоничности взаимоотношений с окружающими; более низкие оценки свойственны конативному компоненту, т.е. готовности и способности студентов активно выстраивать свои отношения, изменять себя и свое поведение, влиять на ситуацию и условия взаимодействия, чувствовать защищенность.

2. При сравнении двух групп студентов с разным уровнем самоэффективности показано, что высокий уровень самоэффективности детерминирован уверенностью в себе, информированностью об особенностях партнера по общению и социальной ситуации взаимодействия, позитивными социальными суждениями, при этом «самоэффективные» студенты имеют более высокий уровень согласованности и защищенности в отношениях.

3. Установлены статистически значимые взаимосвязи между компонентами социально-психологической безопасности и шкалами субъективного социального благополучия в группах студентов с разным уровнем самоэффективности.

Студенты с высоким уровнем самоэффективности, вступая во взаимодействие с другими людьми, стремятся получить информацию о своем партнере по общению, об особенностях ситуации, такая информированность снижает тревогу и беспокойство в ситуации межличностных взаимоотношений, повышая удовлетворенность. Уверенность в своей способности достичь результата в деятельности проявляется и в ситуации социального взаимодействия, такие студенты активно строят свое поведение, ориентируясь на свои цели и ценности, с учетом интересов партнера и ситуации.

Студенты с низким уровнем самоэффективности, не ощущающие уверенности управлять событиями своей жизни, ставить цели и достигать их самостоятельно и автономно, в большей степени ориентированы на мнение окружающих людей, нуждаются в их помощи, поддерж-

ке, социальном одобрении от значимых Других, больше ценят эмоционально теплые, комфортные, психологически безопасные отношения с другими людьми.

Эмоциональная удовлетворенность взаимодействием с людьми во всей студенческой группе повышает уровень эмоционального принятия как составляющей субъективного благополучия, снижает вероятность одиночества, изолированности, отверженности.

Способность студентов активно воздействовать на ситуацию общения, изменяя ее в свою пользу, повышая уровень защищенности, обеспечивает представление студентов о других людях как о заслуживающих доверия, честных и достойных.

Полученные в исследовании результаты могут быть использованы психологическими службами университетов для обеспечения психологически безопасной образовательной среды, повышения субъективного благополучия и самооффективности студенческой молодежи.

Перспективным и практически значимым направлением исследования является изучение внешних и внутренних факторов субъективного благополучия студенческой молодежи университетов Херсонской области в ситуации вынужденного перемещения с целью активизации ресурсов преодоления сложной жизненной ситуации.

Список литературы

- Адеева Т.Н., Тихонова И.В.* Самоэффективность, рефлексия и ресурсы совладания со стрессом: возрастные особенности и детерминация // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27, № 4. С. 208–216. DOI: <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-4-208-216>
- Баева И.А.* Психологическая безопасность образовательной среды как ресурс психического здоровья субъектов образования // Психологическая наука и образование. 2012. Т. 17, № 4. С. 11–17.
- Блинова О.Є.* Психологічна безпека: аналіз наукових уявлень та досвід емпіричного дослідження // Психологічні основи розвитку особистості / за заг. ред. В.Й. Бочелюка, за ред. М.А. Дергач. Запоріжжя: Просвіта, 2018. С. 239–254.
- Головина Г.М., Савченко Т.Н.* Особенности измерения субъективного качества жизни в разных диагностических подходах // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13, № 3. С. 169–179. DOI: <https://doi.org/10.17759/expps.2020130313>
- Данильченко Т.В.* Суб'єктивне соціальне благополуччя: психологічний вимір / Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. Чернігів: Десна Поліграф, 2016. 543 с.
- Ермолаева М.В., Лубовский Д.В.* Психологический капитал организации в контексте ресурсного и социально-психологического подходов // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11, № 4. С. 59–70. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110405>
- Зотова О.Ю., Ригель А.М., Туняеца А.А.* Ситуационные и личностные факторы субъективного благополучия студентов // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2017. № 4(10). С. 118–136.
- Кедярова Е.А., Чернецкая Н.И., Кондрашова Н.С., Литвиненко К.С.* Психологическая безопасность студентов-психологов в образовательной среде вуза в условиях дистанционного обучения // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2021. Т. 38. С. 36–47. DOI: <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2021.38.36>
- Манукян В.Р., Трубицина А.А.* Профессиональная идентичность и субъективное благополучие студентов старших курсов // Петербургский психологический журнал. 2019. № 26. С. 1–18.
- Миронова О.И., Машкин К.А.* Самоэффективность студентов в условиях экзаменационного стресса // Педагогика и психология образования. 2021. № 3. С. 133–145. DOI: <https://doi.org/10.31862/2500-297x-2021-3-133-145>
- Самохвалова А.Г., Тихомирова Е.В., Вишневская О.Н., Шипова Н.С.* Субъективное благополучие студентов, поступивших в вуз на разные направления подготовки // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27, № 2. С. 32–38. DOI: <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-2-32-38>
- Трофимова Е.Л., Кузьмина Г.А.* Психологическая безопасность личности педагога в условиях неопределенности // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2022. Т. 39. С. 54–75. DOI: <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2022.39.54>
- Ульянина О.А., Хайрова З.Р., Никифорова Е.А., Семенова К.Г., Рыжова И.Д.* Психологическая безопасность в образовательной организации: опыт зарубежных исследователей // Казанский педагогический журнал. 2022. № 5. С. 254–262.

- Уманская И.А., Голубев В.В. Самоэффективность и совладающее поведение студентов в период обучения в вузе // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 1. С. 118–123. DOI: <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-1-118-123>
- Шамионов Р.М. Субъективное благополучие личности как субъекта социального бытия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 80–86.
- Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В. Русская версия шкалы общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71–77.
- Шиленкова Л.Н. Самоэффективность в образовательном процессе (обзор зарубежных исследований) // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9, № 3. С. 69–78. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090306>
- Эксакусто Т.В. Социально-психологическая безопасность субъекта отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2010. Вып. 2. С. 239–244.
- Afolabi O.A., Baloguna A.G. Impacts of Psychological Security, Emotional Intelligence and Self-Efficacy on Undergraduates' Life Satisfaction // Psychological Thought. 2017. Vol. 10, no. 2. P. 247–261. DOI: <https://doi.org/10.5964/psyc.v10i2.226>
- Bandura A., Pastorelli C., Barbaranelli C., Caprara G.V. Self-efficacy pathways to childhood depression // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 76, iss. 2. P. 258–269. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.76.2.258>
- Blynova O.Ye., Holovkova L.S., Sheviakov O.V. Philosophical and sociocultural dimensions of personality psychological security // Anthropological Measurements of Philosophical Research. 2018. No. 14. P. 73–83. DOI: <https://doi.org/10.15802/ampr.v0i14.150750>
- Booker J.A., Wesley R., Pierr N. Agency, Identity Development, and Subjective Well-Being, Among Undergraduate Students at a Central United States University // Journal of College Student Development. 2021. Vol. 62, no. 4. P. 488–493. DOI: <https://doi.org/10.1353/csd.2021.0049>
- Busseri M.A., Sadava S.W. A review of the tripartite structure of subjective well-being: Implications for conceptualization, operationalization, analysis, and synthesis // Personality and Social Psychology Review. 2011. Vol. 15, iss. 3. P. 290–314. DOI: <https://doi.org/10.1177/1088868310391271>
- Choudhury S.R., Barman A. Holistic model of subjective well-being. A proposed model and exploration of context // ZENITH International Journal of Multidisciplinary Research. 2014. Vol. 4, iss. 3. P. 259–278.
- Cornell D.G., Mayer M.J., Sulkowski M.L. History and Future of School Safety Research // School Psychology Review. 2021. Vol. 50, iss. 2–3. P. 143–157. DOI: <https://doi.org/10.1080/2372966x.2020.1857212>
- Diener E. The Remarkable Changes in the Science of Subjective Well-Being // Perspectives on Psychological Science. 2013. Vol. 8, iss. 6. P. 663–666. DOI: <https://doi.org/10.1177/1745691613507583>
- Gong Y., Cheung S.-Y., Wang M., Huang J.-C. Unfolding the Proactive Process for Creativity: Integration of the Employee Proactivity, Information Exchange, and Psychological Safety Perspectives // Journal of Management. 2012. Vol. 38, iss. 5. P. 1611–1633. DOI: <https://doi.org/10.1177/0149206310380250>
- Haase J., Hoff E.V., Hanel P.H.P., Innes-Ker A. A meta-analysis of the relation between creative self-efficacy and different creativity measurements // Creativity Research Journal. 2018. Vol. 30, iss. 1. P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1080/10400419.2018.1411436>
- Janoff-Bulman R. Shattered assumptions: Towards a new psychology of trauma. N.Y.: Free Press, 2016. 272 p.
- Johnson H.H., Avolio B.J. Team Psychological Safety and Conflict Trajectories' Effect on Individual's Team Identification and Satisfaction // Group and Organization Management. 2019. Vol. 44, iss. 5. P. 843–873. DOI: <https://doi.org/10.1177/1059601118767316>
- Keyes C.L.M., Shmotkin D., Ryff C.D. Optimizing well-being: The empirical encounter of two traditions // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 82, iss. 6. P. 1007–1022. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.82.6.1007>
- La Placa V., McNaught A., Knight A. Discourse on wellbeing in research and practice // International Journal of Wellbeing. 2013. Vol. 3, iss. 1. P. 116–125. DOI: <https://doi.org/10.5502/ijw.v3i1.7>
- Lucas T., Alexander S., Firestone I.J., Baltes B.B. Self-efficacy and independence from social influence: Discovery of an efficacy–difficulty effect // Social Influence. 2006. Vol. 1, iss. 1. P. 58–80. DOI: <https://doi.org/10.1080/15534510500291662>

Luhmann M., Hofman W., Eid M., Lucas R.E. Subjective Well-Being and Adaptation to Life Events: A Meta-Analysis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 102, iss. 3. P. 592–615. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0025948>

Mahfud T., Mulyani Y., Setyawati R., Kholifah N. The influence of teaching quality, social support, and career self-efficacy on the career adaptability skills: evidence from a polytechnic in Indonesia // *Integration of Education*. 2022. Vol. 26, no. 1. P. 27–41. DOI: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.106.026.202201.027-041>

Popovych I.S., Blynova O.Ye. The Structure, Variables and Interdependence of the Factors of Mental States of Expectations in Students' Academic and Professional Activities // *The New Educational Review*. 2019. Vol. 55. P. 293–306. DOI: <https://doi.org/10.15804/tner.2019.55.1.24>

Sardegna V.G., Lee J., Kusey C. Self-efficacy, attitudes, and choice of strategies for English pronunciation learning // *Language Learning*. 2018. Vol. 68, iss. 1. P. 83–114. DOI: <https://doi.org/10.1111/lang.12263>

Shin M.G., Kim Yo.-K., Kim S.-Ye., Kang D.M. Relationship Between Job Training and Subjective Well-being In Accordance With Work Creativity, Task Variety, and Occupation // *Safety and Health at Work*. 2020. Vol. 11, iss. 4. P. 466–478. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.shaw.2020.08.006>

Warren L., Reilly D., Herdan A., Lin Y. Self-efficacy, performance and the role of blended learning // *Journal of Applied Research in Higher Education*. 2021. Vol. 13, iss. 1. P. 98–111. DOI: <https://doi.org/10.1108/jarhe-08-2019-0210>

References

Adeeva, T.N. and Tikhonova, I.V. (2021). [Self-Efficacy, reflection and resources of coping with stress: age-related features and determination]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]. Vol. 27, no. 4, pp. 208–216. DOI: <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-4-208-216>

Afolabi, O.A. and Baloguna, A.G. (2017). Impacts of psychological security, emotional intelligence and self-efficacy on undergraduates' life satisfaction. *Psychological Thought*. Vol. 10, no. 2, pp. 247–261. DOI: <https://doi.org/10.5964/psyc.v10i2.226>

Baeva, I.A. (2012) [Psychological safety of the educational environment as a resource for the mental health of educational subjects]. *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. Vol. 17, no. 4, pp. 11–17.

Bandura, A., Pastorelli, C., Barbaranelli, C. and Caprara, G.V. (1999). Self-efficacy pathways to childhood depression. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 76, iss. 2, pp. 258–269. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.76.2.258>

Blynova, O.Ye. (2018). [Psychological safety: analysis of scientific concepts and experience of empirical research]. *Psykhologichni osnovy rozvytku osobystosti, za zag. red. V.Y. Bochelyuka* [V.Y. Bochelyuk (ed.) Psychological foundations of personality development]. Zaporozhye: Prosvita Publ., pp. 239–254.

Blynova, O.Ye., Kholovkova, L.S. and Shev'yakov, O.V. (2018). Philosophical and socio-cultural dimensions of personality psychological security. *Anthropological Measurements of Philosophical Research*. No. 14, pp. 73–83. DOI: <https://doi.org/10.15802/ampr.v0i14.150750>

Booker, J.A., Wesley, R. and Pierr, N. (2021). Agency, identity development, and subjective well-being, among undergraduate students at a Central United States University. *Journal of College Student Development*. Vol. 62, no. 4, pp. 488–493. DOI: <https://doi.org/10.1353/csd.2021.0049>

Busseri, M.A. and Sadava, S.W. (2011). A review of the tripartite structure of subjective well-being: Implications for conceptualization, operationalization, analysis, and synthesis. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 15, iss. 3, pp. 290–314. DOI: <https://doi.org/10.1177/1088868310391271>

Choudhury, S.R. and Barman, A. (2014). Holistic model of subjective well-being. A proposed model and exploration of context. *ZENITH International Journal of Multidisciplinary Research*. Vol. 4, iss. 3, pp. 259–278.

Cornell, D.G., Mayer, M.J. and Sulkowski, M.L. (2021). History and future of school safety research. *School Psychology Review*. Vol. 50, iss. 2–3, pp. 143–157. DOI: <https://doi.org/10.1080/2372966x.2020.1857212>

Danilchenko, T.V. (2016). *Sub'yektyvne sotsial'ne blahopoluchchya: psykhologichnyy vymir* [Subjective social well-being: psychological dimension]. Chernigov: Desna Polygraph Publ., 543 p.

Diener, E. (2013). The remarkable changes in the science of subjective well-being. *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 8, iss. 6, pp. 663–666. DOI: <https://doi.org/10.1177/1745691613507583>

- Eksakusto, T.V. (2010). [Socio-psychological security of the subject of relations]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12: Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Educatio]. Iss. 2, pp. 239–244.
- Ermolaeva, M.V. and Lubovsky, D.V. (2020) [Psychological capital of an organization in the context of resource and socio-psychological approaches]. *Sotsial'naya psikhologiya i obschestvo* [Social Psychology and Society]. Vol. 11, no. 4, pp. 59–70. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110405>
- Golovina, G.M. and Savchenko, T.N. (2020). [Features of measuring the subjective quality of life in different diagnostic approaches]. *Ekspierimental'naya psikhologiya* [Experimental Psychology]. Vol. 13, no. 3, pp. 169–179. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130313>
- Gong, Y., Cheung, S.-Y., Wang, M. and Huang, J.-C. (2012). Unfolding the proactive process for creativity: Integration of the employee proactivity, information exchange, and psychological safety perspectives. *Journal of Management*. Vol. 38, iss. 5, pp. 1611–1633. DOI: <https://doi.org/10.1177/0149206310380250>
- Haase, J., Hoff, E.V., Hanel, P.H.P. and Innes-Ker, Å. (2018). A meta-analysis of the relation between creative self-efficacy and different creativity measurements. *Creativity Research Journal*. Vol. 30, iss. 1, pp. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1080/10400419.2018.1411436>
- Janoff-Bulman, R. (2016). *Shattered assumptions: Towards a new psychology of trauma*. New York: Free Press, 272 p.
- Johnson, H.H. and Avolio, B.J. (2019). Team psychological safety and conflict trajectories' effect on individual's team identification and satisfaction. *Group and Organization Management*. Vol. 44, iss. 5, pp. 843–873. DOI: <https://doi.org/10.1177/1059601118767316>
- Kedyarova, E.A., Chernetskaya, N.I., Kondrashova, N.S. and Litvinenko, K.S. (2021). [Psychological security of psychology students in the university educational environment in the context of distance learning]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology]. Vol. 38, pp. 36–47. DOI: <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2021.38.36>
- Keyes, C.L.M., Shmotkin, D. and Ryff, C.D. (2002). Optimizing well-being: The empirical encounter of two traditions. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 82, iss. 6, pp. 1007–1022. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.82.6.1007>
- La Placa, V., McNaught, A. and Knight, A. (2013). Discourse on wellbeing in research and practice. *International Journal of Wellbeing*. Vol. 3, iss. 1, pp. 116–125. DOI: <https://doi.org/10.5502/ijw.v3i1.7>
- Lucas, T., Alexander, S., Firestone, I.J. and Baltes, B.B. (2006). Self-efficacy and independence from social influence: Discovery of an efficacy–difficulty effect. *Social Influence*. Vol. 1, iss. 1, pp. 58–80. DOI: <https://doi.org/10.1080/15534510500291662>
- Luhmann, M., Hofman, W., Eid, M. and Lucas, R.E. (2012). Subjective well-being and adaptation to life events: A meta-analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 102, iss. 3, pp. 592–615. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0025948>
- Mahfud, T., Mulyani, Y., Setyawati, R. and Kholifah, N. (2022). The influence of teaching quality, social support, and career self-efficacy on the career adaptability skills: evidence from a polytechnic in Indonesia. *Integration of Education*. Vol. 26, no. 1, pp. 27–41. DOI: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.106.026.202201.027-041>
- Manukyan, V.R. and Trubitsina, A.A. (2019). [Professional identity and subjective well-being of senior students]. *Peterburgskiy psikhologicheskii zhurnal* [Petersburg Psychological Journal]. No. 26, pp. 1–18.
- Mironova, O.I. and Mashkin, K.A. (2021). [Self-efficacy of students in conditions of examination stress]. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya* [Pedagogy and Psychology of Education]. No. 3, pp. 133–145. DOI: <https://doi.org/10.31862/2500-297x-2021-3-133-145>
- Popovich, I.S. and Blinova, O.Ye. (2019). The structure, variables and interdependence of the factors of mental states of expectations in students' academic and professional activities. *The New Educational Review*. Vol. 55, pp. 293–306. DOI: <https://doi.org/10.15804/ner.2019.55.1.24>
- Samohvalova, A.G., Tikhomirova, E.V., Vishnevskaya, O.N. and Shipova, N.S. (2021). [Subjective well-being of students enrolled in different fields of study]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Vestnik Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]. Vol. 27, no. 2, pp. 32–38. DOI: <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-2-32-38>
- Sardegna, V.G., Lee, J. and Kusey, C. (2018). Self-efficacy, attitudes, and choice of strategies for

English pronunciation learning. *Language Learning*. Vol. 68, iss. 1, pp. 83–114. DOI: <https://doi.org/10.1111/lang.12263>

Schwarzer, R., Jerusalem, M. and Romek, V. (1996). [Russian version of the scale of the general self-efficiency of R. Schwarzer and M. Jerusalem]. *Inostrannaya psikhologiya* [Foreign Psychology]. Vol. 7, pp. 71–77.

Shamionov, R.M. (2014). [The subjective well-being of the personality as a subject of social being]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 14, iss. 1, pp. 80–86.

Shilenkova, L.N. (2020). [Self-efficacy in the educational process (review of foreign studies)]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Journal of Modern Foreign Psychology]. Vol. 9, no. 3, pp. 69–78. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090306>

Shin, M.G., Kim, Yo.-K., Kim, S.-Ye. and Kang, D.M. (2020). Relationship between job training and subjective well-being in accordance with work creativity, task variety, and occupation. *Safety and Health at Work*. Vol. 11, iss. 4, pp. 466–478. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.shaw.2020.08.006>

Trofimova, E.L. and Kuzmina, G.A. (2022). [Psychological security of a educators personality in conditions of uncertainty]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psycholo-

gy]. Vol. 39, pp. 54–75. DOI: <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2022.39.54>

Ulyanina, O., Khayrova, Z., Nikiforova, E., Semenova, K. and Ryzhova, I. (2022). [Psychological safety in an educational organization. The experience of foreign researchers]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal]. No. 5, pp. 254–262.

Umanskaya, I.A. and Golubev, V.V. (2020). [Self-efficacy and coping behaviour of students during their studies at a university]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Vestnik Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]. Vol. 26, no. 1, pp. 118–123. DOI: <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-1-118-123>

Warren, L., Reilly, D., Herdan, A., and Lin, Y. (2021). Self-efficacy, performance and the role of blended learning. *Journal of Applied Research in Higher Education*. Vol. 13, iss. 1, pp. 98–111. DOI: <https://doi.org/10.1108/jarhe-08-2019-0210>

Zotova, O.Yu., Rikel, A.M. and Tuniyants, A.A. (2017). [Situational and personal factors of students' subjective well-being]. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Psychology. Pedagogy. Education]. No. 4(10), pp. 118–136.

Об авторе

Блинова Елена Евгеньевна

доктор психологических наук, профессор

профессор кафедры общей и педагогической психологии, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, 600000, Владимир, ул. Горького, 87;

заведующая кафедрой прикладной психологии и развития личности, Херсонский государственный педагогический университет, 273003, Херсон, ул. Университетская, 27;

e-mail: elena.blynova@gmail.com

ResearcherID: A-5188-2019

About the author

Olena Ye. Blynova

Doctor of Psychology, Professor

Professor of the Department of General and Pedagogical Psychology, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, 87, Gorky st., Vladimir, 600000, Russia;

Head of the Department of Applied Psychology and Personality Development, Kherson State Pedagogical University, 27, Universitetskaya st., Kherson, 273003, Russia;

e-mail: elena.blynova@gmail.com

ResearcherID: A-5188-2019

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.3:32.659.4

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-443-456>

Поступила: 29.05.2023

Принята: 07.09.2023

Опубликована: 06.10.2023

**ГЕНДЕРНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО И ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ ЖЕНЩИН В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ*****Юшкина Надежда Александровна, Крыштановская Ольга Викторовна****Российский государственный гуманитарный университет (Москва)*

В российском обществе женщины составляют большинство, однако их доля в парламенте России на 2023 г. составляет 19,6 %, что говорит о сохраняющемся гендерном дисбалансе. Статья написана по результатам количественного биографического анализа и данных о присутствии женщин в обеих палатах Федерального собрания РФ. Всего были проанализированы позиции 383 женщин, которые являлись или являются в настоящее время депутатами Государственной думы или Совета Федерации (с 1993 г. по настоящее время). Анализировался не только сам факт присутствия женщин в легислатурах, но и их место в парламентской иерархии, политический ареал обитания, их законотворческая активность и ее направленность. Данные отражают наличие медленного роста присутствия женщин в законодательных органах власти, что объясняется, на взгляд авторов, наличием «стеклянного потолка», который пока так и не удается преодолеть. Одной из возможных причин названа политика «гендерной десятины», при которой политическая система допускает рост представительства женщин до определенного предела (на уровне 10–15 %). По-прежнему сохраняются политические зоны, практически не доступные для женщин (это вопросы внешней и оборонной политики), а влияние «слабого пола» на политику хотя и расширяется, но все-таки остается в пределах традиционных ролей, связанных с регулированием социальной политики, вопросов материнства, детства, экологии, туризма, спорта. Подобный подход сдерживает интеграцию женщин в политический процесс и нуждается в корректировке в интересах гендерного равенства.

Ключевые слова: женщины, политика, власть, парламент, равноправие, гендерная асимметрия, гендер, феминизм, политические процессы, Россия, законотворчество.

Для цитирования:

Юшкина Н.А., Крыштановская О.В. Гендерное представительство и политический потенциал женщин в публичной политике // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 443–456.

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-443-456>

GENDER REPRESENTATION AND POLITICAL POTENTIAL OF WOMEN IN PUBLIC POLICY

Nadezhda A. Yushkina, Olga V. Kryshstanovskaya

Russian State University for the Humanities (Moscow)

In Russian society, women make up the majority, but their share in the Russian parliament as of 2023 is 19.6 %, which indicates a persistent gender imbalance. The article is based on the results of quantitative biographical analysis and data on the presence of women in both chambers of the Federal Assembly of the Russian Federation. In total, the positions of 383 women who used to be or are currently deputies of the State Duma or the Federation Council (from 1993 to the present) were analyzed. The authors analyzed not only the fact of the presence of women in legislatures but also their place in the parliamentary hierarchy, their political habitat, their legislative activity and its orientation. The data showed a slow increase in the presence of women in legislative bodies, which is explained, in the opinion of the authors, by the presence of a «glass ceiling», which has not yet been overcome. One of the possible reasons is the policy of «gender tithing», which is when the political system allows an increase in the representation of women to a certain limit (at the level of 10–15 %). There are still political zones that are practically inaccessible to women (these are issues of foreign and defense policy), and the influence of the «weaker sex» on politics, although expanding, still remains within the traditional roles associated with the regulation of social policy, issues of motherhood, childhood, ecology, tourism, sports. Such an approach hinders the integration of women into the political process and needs to be adjusted in the interests of gender equality.

Keywords: women, politics, government, parliament, equality, gender asymmetry, gender, feminism, political processes, Russia, legislation, gender aspect.

To cite:

Yushkina N.A., Kryshstanovskaya O.V. [Gender representation and political potential of women in public policy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 3, pp. 443–456 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-443-456>

Введение

В российском обществе женщины составляют большинство: по данным Росстата, на 2022 г. доля женщин в общей численности населения составляет 54 % [Численность и состав населения]. Однако их доля присутствия в парламенте России на данный момент говорит о сохраняющемся серьезном дисбалансе представительства несмотря на зафиксированный рост показателей за последние годы относительно первых созывов.

Согласно концепции политической маргинальности Виолы Клейн, непризнание обществом той его части, которая с количественной точки зрения является большинством, но которое оказывается исключенным из процесса принятия решений и не способно воздейство-

вать на изменения в политической сфере, порождает у этого большинства ожидание покровительства и свидетельствует о непрочности демократических основ такого общества [Klein V., 1971]. Способны ли женщины оказывать влияние на политическую сферу в России, лоббировать свои интересы в условиях дисбаланса представительства во власти? Является ли рост представительства заслугой женщин, имеют ли они реальную власть?

Если рассматривать историю представительства женщин во власти за последнее столетие, то максимального представительства в политических структурах женщины достигли в восьмидесятые годы двадцатого века: к примеру, в 1984 г. в одиннадцатом созыве Верховного Совета СССР доля женщин составляла 33 %

[Кочкина Е.В., 1999]. Этому способствовала политика советского государства, которое широко декларировало и закрепляло на идеологическом уровне положение о равных правах женщин, а также подкрепляло его реально существующими гендерными квотами на представительство женщин в высших эшелонах власти. Однако реальное положение женщин в те годы отличалось: участие женщин в управлении государством носило больше декларативный, чем практический характер [Хасбулатова О.А., 2018].

Этот вывод подтвердился в годы перестройки, когда демократизация и отказ от гендерных квот уронили присутствие женщин в политическом поле до минимума: на выборах Съезда народных депутатов РСФСР в 1990 году доля женщин составила 5,7 % [Кочкина Е.В., 1999]. Несколько десятков лет декларативного равенства и номинального присутствия в политике фактически не прибавили женщинам веса, не позволили добиться реального равенства и получить права и власть в обществе.

В последствии, в двухтысячных начинается медленный, но стабильный рост представительства женщин в парламенте. Однако на сегодняшний день женщины не только не достигли показателей советских времен, но и рост их присутствия нельзя назвать устойчивым. Чего добились женщины в парламенте по итогам восьми созывов и можно ли считать последний созыв успешным в части представительства женщин?

Обзор литературы

Описанная выше историческая сводка реального положения женщин в российской политике за последнее столетие укладывается также в рамки концепции «мужского господства» П. Бурдые, исходя из которой женщины, оставаясь в меньшинстве, вынуждены добровольно соглашаться с господством ради сохранения своего присутствия на политической арене [Бурдые П., 2005]. И не только соглашаться, но и отвечать представлениям мужского большинства, которое обозначило для женщин роли, в которые не входят функции реального управления страной и определения глобальных путей ее развития, оставляя женщинам вопросы материнства, семьи и социальной сферы как традиционные, даже при условии, что их компетен-

ции позволяют решать вопросы в других областях. Выход за рамки традиционных сфер присутствия, определенных большинством, либо достижение гендерного паритета в политике могли бы означать существенные сдвиги в сторону женских интересов не только в политике, но и в общественном сознании. В противном случае женщины по-прежнему будут испытывать кризис гендерной идентичности и будут вынуждены играть отведенные им мужским большинством роли.

Вопросам фактического гендерного неравенства в политике, которое присутствует не только в России, но и в большинстве представительных органов власти во всем мире, где женщины до сих пор остаются в меньшинстве, посвящено большое количество работ [Зимин В.А., 2013; Силласте Г., 1994; Цветкова Н.А., 2017]. Политическая активность и различные аспекты политического участия женщин, в том числе не только в России, также достаточно изучены и освещены в научных трудах как российских, так и зарубежных авторов [Айвазова С.Г., 2007; Солодова Д., 2015; Степанова Н.М., 2011; Чирун С.Н., Боброва Е.А., 2018; Шведова Н.А., 2014].

В то же время большинство работ делают упор исключительно на количественные показатели присутствия женщин в государственных институтах власти. Как правило, в этой части анализа приводятся выводы о том, что интересы женщин страдают от недостатка гендерного представительства в парламентских органах власти, исходя из концепции паритетной демократии, предполагающей необходимость стремления к равным пропорциям мужчин и женщин в политике.

В данной работе нас будут интересовать не только количественные показатели женского присутствия в современном парламенте России, но и ряд других факторов, которые могли оказать влияние на распределение гендерных ролей в течение всех восьми созывов Государственной думы новой России.

Хасбулатова О.А. и Смирнова И.Н. считают, что итоги выборов в Государственные думы восьми созывов постсоветского периода, когда число женщин-депутатов не превышало 15,9 %, убедительно показывают, что смена политической системы государства автоматически не меняет стереотипные представления о роли

мужчин и женщин в обществе [Хасбулатова О.А., Смирнова И.Н., 2022]. Однако так ли все однозначно было на протяжении восьми созывов? Попробуем это понять.

Целью данной статьи является выявление основных тенденций гендерного представительства и политического потенциала женщин в современном парламенте России.

Женщины в советской политике

В советское время представительство женщин в политических институтах и организациях формировалось под контролем мужчин, которые не только ограничивали допуск женщин к высоким политическим должностям, но и формировали для политического представительства пул женщин, лояльных системе, управляемых и послушных [Jancar-Webster B.W., 1978]. Основной сферой интересов таких женщин была социальная политика, в остальные же сферы доступ женщинам был ограничен правящими мужчинами. Семья, материнство и детство — вопросы, решение которых, как правило, доверяли женщинам. Действующие в стране женские организации строили свою работу вокруг утвержденной партией власти повестки, отвечающей интересам мужчин, и были далеки от борьбы за реальные интересы женщин и их права [Engel B.A., 1987].

Кроме того, была у женщин-политиков еще одна функция, которую В. Тишков описывал как эмоциональную мобилизацию или «подготовку почвы и настрой для постановки или решения драматических вопросов об отставке, дискредитации и т.п.» [Тишков В.А., 1994]. Но и в этом случае в советские годы женщины выступали от лица женщин-матерей, подчеркивали именно эту женскую роль.

В современной России примером реализации функции эмоциональной мобилизации женщиной-политиком можно считать инициативу депутата Государственной Думы Валентины Терешковой об отмене президентских сроков после вступления в силу изменений в Конституции РФ. В своем выступлении Терешкова подчеркивала значимость вопроса для избирателей, говорила о пользе обществу и стране: «Мы должны предусмотреть для людей такую возможность, а люди, народ России, примут окончательное решение» [Валентина Терешкова предложила..., 2020]. Валентина Терешкова начинала свой путь в политике еще в

советское время, поэтому хорошо помнит и знает, каким образом готовить почву для постановки перед обществом драматических вопросов, которые доверяют озвучить избранным политикам. За годы своей карьеры Терешкова накопила значимый авторитет, она является представителем особого вида женщин-политиков — «женщины-легенды», которых в политической истории России было чрезвычайно мало, но они играли особую роль и оставили заметный след. К ним можно отнести первую женщину-министра в советском правительстве, дипломата Александру Коллонтай (1872–1952) и министра культуры СССР Екатерину Фурцеву (1910–1974), последняя из которых занимала эту должность 14 лет. О каждой из них сняты художественные фильмы, их знают и помнят поколения людей, живших в советском союзе и на постсоветском пространстве.

Таким образом, можно сказать, что в советское время существовало два типа женщин-политиков: «женщины-легенды» — уникальные звезды, такие как Коллонтай, Фурцева и Терешкова, и остальная масса «символических женщин» — доярки, сельских учительниц, матерей-героинь, которых избирали депутатами Верховного Совета СССР для номинального представления гендерного баланса во власти и декларативного участия в управлении страной.

Однако «символические женщины» советского периода стали постепенно заполнять все уровни органов власти, принимая на себя роль нового публичного актора — представителя простых тружениц и матерей, которых избирали в депутаты, отдавая дань их заслугам, но под присмотром и с одобрения находящихся у власти мужчин.

Реализация гендерного баланса осуществлялась посредством негласной системы квот на женское представительство во всех властных структурах. «Традиционно присущий России, не имеющей демократических традиций западного образца, мужской феодально-боярский консерватизм неизменно и упорно проявлялся в том, что доступ женщинам на высшие этажи политической власти был ограничен, а иногда и фактически закрыт. На протяжении 1919–1990 гг. в руководящие органы Центрального Комитета КПСС было избрано 193 человека; из них только пять женщин. Они, разумеется, занимали привилегированное, элитарное положение, но значительной роли в определении стра-

тегии и тактики партии не играли» [Силласте Г., 1994, с. 121].

Номинальное представительство женщин в органах законодательной и исполнительной власти СССР не имело ничего общего с обладанием ими реальной властью [Tishkov V.A., 1993]. К такому же выводу приходит и Е.В. Кочкина, по подсчетам которой до 1987 г. «женщины составляли 33 % членов Верховного Совета СССР, 36 % Союзных республиканских Верховных Советов, 40 % — в автономных республиках и 50 % в региональных (краевых,

областных, окружных) и местных (районных, городских, поселковых и сельских) Советах», но при этом они не были влиятельными, т.к. «рекрутировались преимущественно из молодых рабочих, с минимальным электоральным опытом, которые сменяли друг друга при ротации» [Кочкина Е.В., 2003]. Кочкина приходит к такому выводу, анализируя степень «укорененности» женщин-депутатов во власти, которую она рассматривает наряду с количественными показателями (рис. 1).

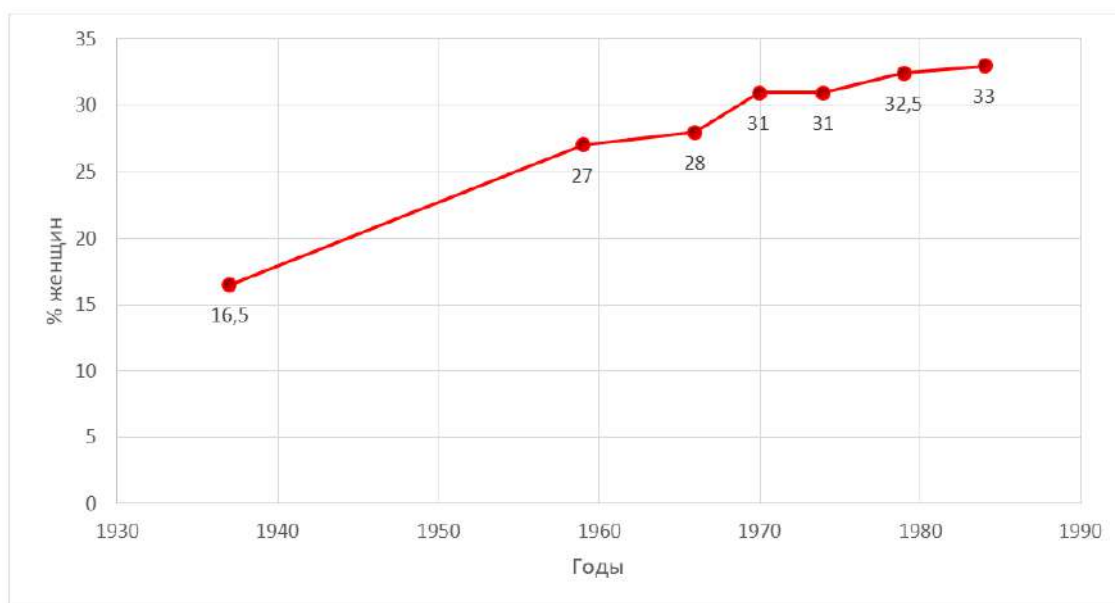

Рис. 1. Доля женщин в Верховном Совете СССР 1937–1984 гг. (%)

Fig. 1. The share of women in the Supreme Soviet of the USSR 1937–1984 (%)

[Составлено по материалам: Кочкина Е.В. Представительство женщин в структурах власти России, 1917–2002 гг. URL: <http://www.owl.ru/win/books/genderpolicy/kochkina2.htm>]

[Compiled from the materials of: Kochkina E.V. Representation of women in Russian government structures, 1917–2002. URL: <http://www.owl.ru/win/books/genderpolicy/kochkina2.htm>]

В современном российском парламенте существует пул женщин, которые хорошо «укоренены» во власти и обладают стажем работы в обеих палатах парламента более двадцати лет, большинство из них до сих пор обладают мандатами: Валентина Пивненко, Оксана Дмитриева, Елена Драпеко, Галина Карелова, Елена Мизулина, Людмила Нарусова и др. Тамара Плетнева была депутатом нижней палаты семь созывов подряд, а Екатерина Лахова, Светлана Горячева, Валентина Петренко и Светлана Савицкая начинали политическую карьеру еще будучи депутатами Верховных Советов СССР и

РСФСР в период до 1991 г. и успешно продолжали его в современном парламенте, являясь его ветеранами.

Их пример показывает, что в постсоветской России произошли качественные изменения в гендерной расстановке сил на политическом поле, которые следует рассмотреть подробнее.

Исследование

Для того, чтобы ответить на вопросы, поставленные выше, из открытых источников в сети Интернет с официальных ресурсов государственных органов законодательной власти бы-

ли собраны и занесены в специально созданную базу данных количественные показатели присутствия женщин в обеих палатах парламента России, начиная с декабря 1993 г.

Сбор информации проводился на официальном сайте Государственной Думы РФ, официальном сайте Совета Федерации РФ. Всего проанализированы биографии 383 женщин-политиков, все они были формализованы и помещены в базу данных для количественного анализа.

Динамика представительства женщин в Госдуме и Совете Федерации

Количественные показатели присутствия женщин в российском парламенте указывают на то,

что верхняя и нижняя палаты парламента имеют различия в гендерном формировании состава, начиная с первого периода. Верхняя палата отличается плавным ростом присутствия женщин в период с 2000 по 2011 г., который переходит в заметный скачок показателя присутствия начиная с 2011 г. (7,4 %), достигающий своего пика в 2022 г. (21,8 %). Ситуация в нижней палате парламента иная: максимальный показатель присутствия женщин зафиксирован в 2007 г. (16,9 %), однако за ним не последовало роста — в VIII созыве Государственной Думы РФ доля женщин составила 16,5 %. Данный уровень по сути явился для женщин-депутатов «стеклянным потолком», который им не удалось преодолеть (рис. 2).

Рис. 2. Динамика представительства женщин в парламенте России (1993–2023 гг.)

Fig. 2. Dynamics of women's representation in the Russian Parliament (1993–2023)

[составлено авторами по материалам исследования]

[compiled by the authors based on the research materials]

В ситуации с верхней палатой парламента рост присутствия женщин в ней может быть напрямую связан с личностью главы палаты: в 2011 г. впервые в новейшей истории верхнюю палату парламента России возглавила женщина — Валентина Матвиенко. Она не скрывает своей позиции относительно численности женщин в палате: «У нас, могу точно сказать, я пришла — было 13 %, а сейчас мы выйдем на 25 % — количество женщин в Совете Федерации. И это только начало» [Матвиенко хочет

добиться..., 2021]. В нижней палате пиковое значение присутствия женщин не может быть связано с назначением спикера — Борис Грызлов возглавлял палату с 2003 по 2011 г., соответственно, в 2007 г. изменений в руководстве не было.

Динамика среднего показателя численности женщин в Федеральном Собрании РФ говорит о небольшом, но стабильном росте представительства женщин в российском парламенте: с 11,1 % в 2007 г. до 19,5 % в 2023 г.

Таким образом, в последние годы в российских представительных органах власти в целом женщины увеличивают долю присутствия, пусть небольшими темпами и с некоторыми ограничениями, которые наблюдаются скорее в нижней палате парламента. Остановимся подробнее на периоде, когда доля присутствия женщин в нижней палате парламента была наиболее высокой.

Партийность

Если рассматривать общие принципы формирования созывов Государственной Думы, то можно отметить, что первые три из них формировались в условиях широкого представительства партий и политических групп, а также независимых от них представителей. При этом доля женщин-депутатов, как мы помним, в этих созывах не превышала 10 %. Начиная с IV созыва, количество политических фракций и групп постепенно сокращается, а правила формирования палаты парламента стали постепенно ужесточаться. К примеру, в V созыве первые в истории современной России все депутаты избирались по партийным спискам, проходной порог для партий был повышен до 7 %, крупнейшая из партий «Единая Россия» при этом достигла 70 % депутатского корпуса и составляла конституционное большинство, возглавил партию также впервые в истории президент РФ [История Государственной Думы]. Кроме того, в V созыве осталось лишь четыре политических фракции, было запрещено формирование избирательных блоков. При этом именно в V созыве доля представительства женщин достигла максимального значения за всю новейшую историю и составила 15,9 %. Наибольшее количество женщин прошло в Государственную Думу по партийным спискам партий «Справедливая Россия» (29 % от общего состава) и «Единая Россия» (14 % от общего состава). В последующих созывах началось хоть и незначительное, но снижение числа женщин в нижней палате парламента. Нынешний VIII созыв не смог переломить эту тенденцию даже на фоне победы новой политической партии «Новые люди» и небольшого роста присутствия женщин в сравнении с предыдущим VII созывом.

Таким образом, женщины смогли добиться наибольшего представительства не в условиях роста числа политических фракций и разнообразия политических групп, а скорее вопреки это-

му. Получается, что партийный лифт и послужил основным проводником женщин в состав нижней палаты парламента страны, обеспечивая им необходимый административный ресурс. С.Г. Айвазова в своих исследованиях также отмечает особенности избирательной кампании 2007 г., благодаря которым в Государственную Думу попало большее по сравнению с предыдущими созывами количество женщин. В числе возможных причин Айвазова указывает корректировку партийных позиций с расчетом на попытку завоевания дополнительных симпатий со стороны избирателей, самой дисциплинированной частью которых остаются женщины, а также роль такого фактора, как престиж страны на международной арене, который требовал соблюдения хоть какой-то гендерной политкорректности [Айвазова С.Г., Кертман Г.Л., 2004].

Действительно, в одном из своих выступлений Дмитрий Медведев, который в 2008 году был избран Президентом РФ, не раз касался гендерных вопросов и в одном из выступлений прямо высказал мнение о представительстве женщин в российских органах власти: «Понятно, что чем больше будет интерес женщин к политике и больше будет представительство женщин во власти, тем лучше. Это правильно, поскольку — чего скрывать — в нашей стране представительство женщин во власти очень скромное ... по отношению, например, к некоторым европейским странам... Если количество женщин, принимающих ответственные решения во власти, будет больше, это будет лучше и для власти, и для страны» [Медведев считает..., 2021].

Безусловно, позиция первого лица государства отражала место гендерного вопроса в политической повестке страны на тот момент и возросшее количество женщин-депутатов нижней палаты парламента являлось подтверждением заявленных намерений обеспечения гендерного баланса в политической сфере.

Если рассмотреть, какие политические партии являлись основными поставщиками женщин-депутатов в Государственную Думу последних трех созывов, то оказывается, что лидером являлась «Единая Россия» [Крыштановская О.В., 2018]. И лишь в VIII созыве политической фракции «Новые люди» удалось побить рекорд единороссов и обеспечить 20 % мандатов женщинам (табл. 1).

Таблица 1. Женщины в политических партиях Государственной Думы ФС РФ 6–8 созывов (%)

Table 1. Women in political parties of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of 6–8 convocations (%)

Фракции в Госдуме	6-й созыв	7-й созыв	8-й созыв
Всего женщин (%%)	13,1	15,8	16,4
В том числе:			
Единая Россия	19,2	17,8	18,5
Справедливая Россия	11,3	13,0	7,7
КПРФ	4,3	7,1	12,3
ЛДПР	3,6	5,1	0,0
НЛ	–	–	20,0

[составлено авторами по материалам исследования]

[compiled by the authors based on the research materials]

Таким образом, получается, что политические партии являются одним из значимых лифтов, которые дают возможность женщинам подниматься на высокие этажи политической пирамиды. Однако согласованности в обеспечении гендерного баланса со стороны основных политических фракций не наблюдается. Стабильные количественные показатели на протяжении последних трех созывов наблюдаются лишь у фракции «Единая Россия», в то время как у ЛДПР, к примеру, в последнем, VIII созыве доля присутствия женщин упала до нуля.

Обновление и укорененность

Помимо количественных показателей, отражающих присутствие женщин в российском парламенте, важно понять их значимость, близость к принятию политических решений. Появились ли новые типы женщин-политиков или современный российский парламент заполняют «символические женщины», по сути, не принимающие значимых решений и не способные удержаться во власти. Важным показателем политического веса и влияния Е.В. Кочкина считает укорененность во власти — годы, проведенные на высоких политических должностях, в течение которых женщины-депутаты имеют возможность наработать нужные связи и авторитет. Частая ротация, напротив, указывает на невозможность накопления политического веса и потенциала, поэтому попытаемся изучить масштаб обновления женского депутатского корпуса, оценить скорость ротации и стаж работы в политике женщин-депутатов российского парламента [Кочкина Е.В., 2003].

В Советском Союзе существовали «женщины-легенды», которым удавалось укорениться в политике на довольно долгий срок: к примеру, Екатерина Фурцева занимала должность министра в течение 14 лет, а политическая карьера главы Комитета Советских женщин Алевтины Федуловой продлилась 27 лет. Однако таких были единицы, а остальные составляли «символическое большинство», приходили ненадолго и не имели значимого влияния.

Если мы оценим обновление женской части депутатского корпуса V созыва, то мы увидим, что рост женщин в нем произошел за счет новичков, т.е. женщин, впервые избранных в Государственную Думу. Их доля в процентном соотношении к численности женщин в созыве составила 62,3 %. Такого обновления депутатского корпуса женщинами не было зафиксировано ни в одном последующем созыве. Если же мы сравним средний возраст женщин-депутатов IV и V созывов, то станет понятно, что обновление депутатского корпуса V созыва произошло за счет довольно молодых по меркам политики женщин: при увеличении численности женского депутатского корпуса на 30 человек (с 47 женщин в IV созыве до 77 в V) средний возраст женщин не изменился и составил 48,3 года.

Удается ли женщинам-депутатам укорениться в представительных органах власти, и если да, то на какой срок?

За период с 1989 по 2018 г. в российском парламенте образовался пул женщин-парламентариев, которые укоренились в политике еще в советские годы, что помогло им закрепиться и в новых политических условиях. Их политический стаж превышает отметку в

20 лет, многие из них имеют опыт работы в обеих палатах парламента и до сих пор находятся во власти. Это Тамара Плетнева, Валентина Пивненко, Светлана Савицкая, Оксана Дмитриева, Елена Драпеко, Елена Панина, Галина Карелова, Елена Мизулина, Людмила Нарусова, Елена Афанасьева, Раиса Кармазина, Галина Хованская, Нина Останина, а также Валентина Матвиенко, которая возглавила верхнюю палату парламента России. Это политики-аборигены, имеющие значимые политические связи, опыт и вес. Однако под влиянием возраста с каждым годом их количество постепенно уменьшается, как и уменьшается роль в политике женщин, укорененных в нее еще с советских времен.

Им на смену приходят женщины-политики, карьера которых началась в постсоветское время в современных условиях. К примеру, только в V созыве Государственной Думы РФ начали свою политическую карьеру, укоренившись во власти, Ирина Яровая и Светлана Журова. Еще четыре женщины-депутата имеют опыт работы в парламенте более одиннадцати лет: Ольга Тимофеева была заместителем председателя Государственной думы РФ VII созыва, возглавляет комитет по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений; Алена Аршинова занимала должность заместителя председателя комитетов в двух созывах; Ольга Баталина была главой комитета по труду, социальной политике и делам ветеранов, на данный момент назначена первым заместителем министра труда и социальной защиты; Ольга Казакова возглавляет комитет Госдумы РФ по просвещению. Этих женщин можно смело назвать «новыми ветеранами» российской поли-

тики, которые приходят на смену политикам-аборигенам, получают значимые посты и наращивают политический потенциал.

Посмотрим, допустили ли женщин в нижней палате парламента до руководящих должностей или большинство из них лишь составили «массовку» и их присутствие было скорее номинальным.

Иерархии

Рассмотрим в гендерном разрезе Совет Государственной Думы РФ как управляющий орган, членами которого с правом решающего голоса являются Председатель Государственной Думы, первые заместители Председателя Государственной Думы, заместители Председателя Государственной Думы и руководители фракций.

Пост первого заместителя председателя Государственной Думы лишь в III и IV созывах удалось занять единственной женщине — Любови Слиске. Руководителем фракции также была лишь одна женщина — Екатерина Лахова в I созыве Государственной Думы.

Если рассмотреть картину в целом по всем восьми созывам нижней палаты парламента, то мы увидим, что женщины занимали небольшую долю в Совете Государственной Думы РФ. Однако и здесь существенно выделяется показатель присутствия женщин-депутатов V созыва — 22,2 %, который является максимальным за весь период наблюдения. Получается, что в 2007 г. было не только максимально увеличено присутствие женщин в нижней палате российского парламента, но и доверено им наибольшее количество должностей в руководящем органе палаты (табл. 2).

Таблица 2. Доля женщин в Совете Государственной Думы РФ (%)

Table 2. The share of women in the Council of the State Duma of the Russian Federation (%)

Показатель	Созыв Государственной Думы							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Количество женщин, чел	2	1	2	2	4	1	3	2
Доля женщин, %	10,5	6,2	9,5	8,7	22,2	4,7	15,8	13,3

[составлено авторами по материалам исследования]

[compiled by the authors based on the research materials]

Помимо мест в руководящем органе нижней палаты, в ее иерархии важную роль играют должности в постоянно действующих комитетах.

На протяжении семи созывов Государственной Думы постепенно возрастало количество женщин-депутатов, возглавляющих постоянные комитеты. В VIII созыве количество женщин —

глав комитетов понизилось не сразу и поначалу количество комитетов, которые возглавили женщины, было таким же, как и в предыдущих

двух созывах, однако спустя время комитет по регламенту преобразовали в комиссию, поэтому он выбыл из подсчетов (табл. 3).

Таблица 3. Количество женщин глав постоянных комитетов нижней палаты парламента России

Table 3. Number of female heads of the Standing Committees of the Lower House of the Russian Parliament

Показатель	Созыв Государственной Думы							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Число комитетов ГД РФ (n)	23	28	28	29	32	30	26	32
Женщины-председатели, чел	2	2	2	4	4	5	5	4
Доля женщин-руководителей комитетов, % к числу комитетов	8,7	7,1	7,1	13,8	12,5	16,7	19,2	12,5

[составлено авторами по материалам исследования]

[compiled by the authors based on the research materials]

Если рассматривать доли женщин, занимающих в VII и VIII созывах Государственной Думы соответственно, посты первых заместителей председателей комитетов (38,5 % и 28,2 %) и заместителей председателей комитетов (73,0 % и 75,0 %), то мы увидим, что в VIII созыве при небольшом уменьшении количества занятых женщинами руководящих постов возросла по сравнению с VII созывом доля женщин заместителей председателя комитетов. В целом получилось, что 70 % руководителей комитетов Государственной Думы восьмого созыва имеют у себя в заместителях женщину.

Руководящие посты распределены между женщинами, которые успели набрать политический вес, у остальных на постах заместителей руководителей появился шанс нарастить свой политический вес, укрепиться в иерархии и попытаться занять более высокую позицию в следующем созыве.

Кроме того, важно рассмотреть, расширяют ли женщины зоны своего присутствия и интереса в политическом пространстве за счет расширения сфер деятельности? И если 70 % постоянных комитетов уже имеют в руководящем составе по крайней мере одну женщину, остались ли в парламенте зоны, куда доступ женщинам закрыт?

Традиционно, начиная с первого созыва, женщины возглавляли комитет Государственной Думы по делам женщин, семьи и детей, кроме того, женщинам доверяли возглавить комитеты, ведающие экологией, и комитет по охране здоровья. На этом фоне Валенти-

на Пивненко, на протяжении трех созывов возглавлявшая комитет по делам Севера и Дальнего Востока, выглядела, скорее, исключением из уже ставшего традиционным правила. И здесь даже V созыв, который выделялся по количественным показателям, не принес сюрпризов: женщины достигли количественного большинства, однако при этом им не удалось выйти за рамки исторически ограниченных зон влияния. Однако, начиная со следующего созыва, произошло заметное расширение женских сфер влияния — женщины возглавили комитеты по жилищно-коммунальному хозяйству, финансовым рынкам, труду и социальной политике. Впервые также женщине удалось попасть в традиционно мужскую сферу — Ирина Яровая возглавила комитет по безопасности. Но расширение сферы интересов женщин было недолгим и уже в следующем созыве женщинам передали в ведение лишь комитеты по культуре и регламенту; в же VIII созыве зона влияния расширилась за счет комитета по просвещению и комитета по развитию гражданского общества, которые в целом нельзя назвать кардинально новыми для женщин.

Если сравнить последние два созыва по сферам влияния и количественному присутствию в них женщин-депутатов в целом, то можно отметить, что женщинам в VIII созыве удалось нарастить свое присутствие в комитете, который занимается вопросами законодательства, а также получить места в ряде комитетов, ответственных за сферы экономической политики. При этом в обоих созывах остаются комитеты,

в которые не удалось попасть ни одной женщине: это комитет по финансовому рынку и комитет по делам Содружества Независимых Государств и евразийской интеграции. Кроме того, в VIII созыве исчезли женщины и из комитета по информационной политике, также их нет в сфере собственности, земельных и имущественных отношений.

Всего одна женщина присутствует в нынешнем созыве Государственной Думы в комитетах по молодежной политике и физической культуре и спорту несмотря на то, что вопросы воспитания и обучения подрастающего поколения традиционно были в ведении женщин, а в составе депутатского корпуса были яркие спортсменки, известные своими спортивными победами всей стране. Также всего по одной женщине присутствует в комитетах, отвечающих за экономическую политику, промышленность и торговлю, а также защиту конкуренции.

Создается ощущение, что на смену непродолжительному периоду «заигрывания» власти с вопросом расширения присутствия и влияния женщин в политике пришел постепенный откат к традиционным сферам женского присутствия. Иными словами, происходит умеренное расширение интересов женщин в политическом пространстве, но под контролем реальных субъектов власти, больше похожий на «гендерную десятину». Женщины по-прежнему не имеют в большинстве занятых сфер большинства, необходимого для значимого влияния на принятие решений и внедрения политики своих гендерных интересов.

Однако это не означает, что у женщин нет возможности наращивать свой потенциал: к примеру, Елена Мизулина, которая возглавляла в нижней палате V и VI созыва комитет по делам женщин и детей, переместилась в верхнюю палату парламента, а Ольга Баталина, возглавлявшая в созыве комитет труда и социальной политике, стала заместителем министра труда и социальной защиты РФ.

Заключение и выводы

По итогам выборов в Государственные думы восьми созывов постсоветского периода, число женщин-депутатов не превышало 15,9 %, причем данная цифра была достигнута лишь в V созыве и остается «стеклянным потолком», который женщины не смогли преодолеть.

Женщины получили большинство и рекордное количество постов в высшем руководящем органе палаты парламента не в условиях увеличения числа политических фракций и групп в политической борьбе за депутатские мандаты, а в условиях ужесточения условий выборов в Государственную Думу. Политические партии стали для женщин лифтом в представительные органы власти, однако слаженности стратегии политических фракций в вопросе гендерного равноправия не наблюдается, политическая система остановилась на «гендерной десятине», т.е. допускает рост представительства женщин, но весьма умеренный и под пристальным контролем реальных субъектов власти. Увеличение было произведено за счет привлечения новых, не имеющих значимого опыта и достаточного политического капитала женщин-депутатов, которым сложно было удержать свои позиции. Однако это не помешало сформироваться новому типу «женщин-ветеранов» российской политики, которые приходят на смену «политикам-аборигенам» и имеют за плечами солидный накопленный политический вес и потенциал.

В нынешнем VIII созыве незначительно сократилось присутствие женщин на руководящих постах, при этом увеличилось присутствие на постах заместителей руководителей. При общем увеличении присутствия женщин в целом в распределении по комитетам Государственной думы не наблюдается значимого расширения ареала женского влияния. По-прежнему остаются политические зоны, не доступные женщинам: это комитет по финансовому рынку и комитет по делам Содружества Независимых Государств и евразийской интеграции, а также сферы собственности, земельных и имущественных отношений.

В целом, количественное представительство женщин в российском парламенте с каждым годом медленно возрастает. Однако подавляющее большинство женщин-депутатов не имеет возможности набирать политический вес, занимает «символические» должности, по-прежнему высока ротация женщин в парламенте, поэтому рано говорить о коренном переломе в вопросе гендерного равноправия в российской политике.

Подобный номинальный подход к проблеме гендерного представительства и равноправия на политическом поле со стороны государства

не способен обеспечить интеграцию женщин в политический процесс и напоминает некую имитацию «игры в гендер» (по выражению С. Айвазовой [Айвазова С.Г., 2007]). Французский социолог Ги Дебор писал, что «действующее лицо спектакля, выставленное на сцену в качестве звезды, является противоположностью индивида, его врагом, как сам по себе, так и во всех, кто ему уподобляется» [Дебор Г., 2020]. Женщины, которых политическая система делает своими публичными представителями, вполне соответствуют этому описанию, исполняя роли, которые им предложено играть в этом спектакле. Их субъектность ограничена и весьма условна, хотя она и может возрастать с годами пребывания во власти. Разделение зрелищных задач, сохраняющее общую структуру существующего порядка, принципиально сохраняет и доминирующий полюс его развития. В целом женщины не приблизились к фактическому равенству в области народного представительства в политических процессах, оставаясь в своем большинстве акторами, выполняющими определенные зрелищные задачи.

Список литературы

- Айвазова С.Г.* «Игра в гендер» на поле российской политики: возможности институциональных изменений // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. Вып. 6. С. 319–331.
- Айвазова С.Г., Кертман Г.Л.* Мы выбираем, нас выбирают...: гендерный анализ избирательных кампаний 2003 и 2004 гг. в России. М.: Олита, 2004. 196 с.
- Бурдые П.* Мужское господство // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетея, 2005. С. 286–364.
- Валентина Терешкова* предложила рассмотреть вопрос о снятии ограничений по числу президентских сроков / Государственная Дума РФ. 2020. 10 мар. URL: <http://duma.gov.ru/news/47995/> (дата обращения: 20.05.2023).
- Дебор Г.* Общество спектакля. М.: Опустошитель, 2020. 280 с.
- Зимин В.А.* Женщины России в политике и структурах власти // Теория и практика общественного развития. 2013. № 10. С. 297–299.
- История Государственной Думы / Государственная Дума РФ.* URL: <http://duma.gov.ru/duma/about/history/information/> (дата обращения: 20.05.2023).
- Кочкина Е.В.* Женщины в российских органах власти // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 173–183.
- Кочкина Е.В.* Представительство женщин в структурах власти России, 1917–2002 гг. // Гендерная реконструкция политических систем / под ред. Н.М. Степанова, М.М. Кириченко, Е.В. Кочкина. СПб.: ИСПГ–Алетея, 2003. С. 975–982.
- Крыштановская О.В.* Женщины в российском парламенте // Тетради по консерватизму. 2018. № 4. С. 274–290. DOI: <https://doi.org/10.24030/24092517-2018-0-4-274-290>
- Матвиенко* хочет добиться, чтобы в Совфеде было равное количество мужчин и женщин // Интерфакс. 2021. 28 сен. URL: <https://www.interfax.ru/russia/794012> (дата обращения: 20.05.2023).
- Медведев* считает, что в России «очень скромное» представительство женщин во власти // ТАСС. 2021. 5 мар. URL: <https://tass.ru/politika/10843895> (дата обращения: 20.05.2023).
- Силласте Г.* Женские элиты в России и их особенности // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 112–121.
- Солодова Д.* Женская доля: как распределены места в парламентах мира // Bird in Flight. 2015. 15 июл. URL: <https://birdinflight.com/ru/infografica/zhenskaya-dolya-kak-raspredeleny-mesta-v-parlamentah-mira.html> (дата обращения: 15.07.2015).
- Степанова Н.М.* Участие женщин в политической жизни: сравнительный опыт России и Великобритании // Женщина в российском обществе. 2011. № 3(60). С. 77–80.
- Тишков В.А.* Женщина в российской политике и структурах власти // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен: материалы Междунар. конф. (Москва, 14–16 мая 1993 г.) / отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 1994. С. 8–16.
- Хасбулатова О.А.* Технологии создания мифа о равноправии полов: советские практики // Женщина в российском обществе. 2018. № 4(89). С. 49–59. DOI: <https://doi.org/10.21064/winrs.2018.4.5>
- Хасбулатова О.А., Смирнова И.Н.* Эволюция женского вопроса в российском обществе (1900–2020) // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 3–21. DOI: <https://doi.org/10.21064/winrs.2022.1.1>
- Цветкова Н.А.* Женщины в системе государственного управления и политике России // Развитие российской системы государственного

управления: реалии современности, тенденции, перспективы: материалы II междунар. науч.-практ. конф. (Калининград, 23–25 октября 2017 г.) / сост. И.В. Мишуткина. Калининград: Аксиос, 2017. С. 240–242.

Чирун С.Н., Боброва Е.А. Гендерные особенности политического участия в постсовременной России // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 2(87). С. 104–115. DOI: <https://doi.org/10.21064/winrs.2018.2.9>

Численность и состав населения / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 20.05.2023).

Шведова Н.А. Международное сообщество о гендерном равенстве // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 4(73). С. 32–39.

Engel B.A. Women in Russia and the Soviet Union // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 1987. Vol. 12, no. 4. P. 781–796. DOI: <https://doi.org/10.1086/494366>

Jancar-Webster B.W. *Women under Communism*. Baltimore, MD: John Hopkins University Press, 1978. 304 p.

Klein V. *The Feminine Character: History of Ideology*. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1971. 202 p.

Tishkov V.A. *Women in Russian Politics // Economic and Political Weekly*. 1993. Vol. 28, no. 51. P. 2837–2840.

References

Ayvazova, S.G. (2007). [«The game of gender» in the field of Russian politics: the possibilities of institutional changes]. *Rossiya reformiruyuschayasya: yezhegodnik, otv. red. M.K. Gorshkov* [M.K. Gorshkov (ed.) *Russia reforming: yearbook*]. Moscow: IS RAS Publ., iss. 6, pp. 319–331.

Ayvazova, S.G. and Kertman, G.L. (2004). *My vybiraem, nas vybirayut...: Gendernyy analiz izbiratel'nykh kampaniy 2003 i 2004 gg. v Rossii* [We choose, we are chosen...: Gender analysis of the election campaigns of 2003 and 2004 in Russia]. Moscow: Olita Publ., 196 p.

Bourdieu, P. (2005). *Muzhskoye gospodstvo* [Male domination]. *Burd'ye P. Sotsial'noe prostanstvo: polya i praktiki* [Bourdieu P. *Social space: fields and practices*]. Moscow: Institute of Experimental Sociology Publ., St. Petersburg: Aleteya Publ., pp. 286–364.

Chirun, S.N. and Bobrova, E.A. (2018). [Gender features of political participation in post-modern

Russia]. *Zhenschina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian Society]. No. 2(87), pp. 104–115. DOI: <https://doi.org/10.21064/winrs.2018.2.9>

Chislennost' i sostav naseleniya [Population size and composition]. Federal State Statistics Service. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (accessed 20.05.2023).

Debord, G. (2020). *Obschestvo spektaklya* [The society of the spectacle]. Moscow: Opustoshitel Publ., 280 p.

Engel, B.A. (1987). Women in Russia and the Soviet Union. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. Vol. 12, no. 4, pp. 781–796. DOI: <https://doi.org/10.1086/494366>

Jancar, B. (1978). *Women under communism*. Baltimore, MD: John Hopkins University Press, 304 p.

Istoriya Gosudarstvennoy Dumy [History of the State Duma]. State Duma of the Russian Federation. Available at: <http://duma.gov.ru/duma/about/history/information/> (accessed 20.05.2023).

Khasbulatova, O.A. (2018). [Technologies for creating the myth of gender equality: Soviet practices]. *Zhenshchina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian society]. No. 4(89), pp. 49–59. DOI: <https://doi.org/10.21064/winrs.2018.4.5>

Khasbulatova, O.A. and Smirnova, I.N. (2022). [The evolution of the women's issue in Russian society (1900–2020)]. *Zhenschina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian Society]. No. 1, pp. 3–21. DOI: <https://doi.org/10.21064/winrs.2022.1.1>

Klein, V. (1971). *The feminine character: history of ideology*. Urbana, IL: University of Illinois Press, 202 p.

Kochkina, E.V. (1999). [Women in Russian authorities]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 1, pp. 173–183.

Kochkina, E.V. (2003). [Representation of women in the power structures of Russia, 1917–2002]. *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh system, pod red. N.M. Stepanovoy, M.M. Kirichenko, E.V. Kochkinoy* [N.M. Stepanova, M.M. Kirichenko, E.V. Kochkina (eds.) *Gender reconstruction of political systems*]. St. Petersburg: ISPG–Aletheia Publ., pp. 975–982.

Kryshchanovskaya, O.V. (2018). [Women in the Russian parliament]. *Tetrady po konservatizmu* [Notebooks on conservatism]. No. 4, pp. 274–290. DOI <https://doi.org/10.24030/24092517-2018-0-4-274-290>

Matviyenko khochet dobit'sya, chtoby v Sovfede bylo ravnoye kolichestvo muzhchin i zhenshchin (2021) [Matvienko wants to ensure that there are an equal number of men and women in the Federation

Council]. Interfax, Sep. 28. Available at: <https://www.interfax.ru/russia/794012> (accessed 20.05.2023).

Medvedev schitaet, chto v Rossii «ochen' skromnoe» predstavitel'stvo zhenshin vo vlasti (2021) [Medvedev believes that there is a «very modest» representation of women in power in Russia]. TASS. Mar. 5. Available at: <https://tass.ru/politika/10843895> (accessed 20.05.2023).

Shvedova, N.A. (2014). [International community on gender equality]. *Zhenschina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian Society]. No. 4(73), pp. 32–39.

Sillaste, G. (1994). [Women's elites in Russia and their features]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and modernity]. No. 1, pp. 112–121.

Solodova, D. (2015). *Zhenskaya dolya: kak raspredeleny mesta v parlamentakh mira* [Women's share: how seats in the parliaments of the world are distributed]. Bird in Flight. Jul. 15. Available at: <https://birdinflight.com/ru/infografica/zhenskaya-dolya-kak-raspredeleny-mesta-v-parlamentah-mira.html> (accessed 15.07.2015).

Stepanova, N.M. (2011). [Women's participation in political life: Comparative experience of Russia and Great Britain]. *Zhenschina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian Society]. No. 3(60), pp. 77–80.

Tishkov, V.A. (1994). [Woman in Russian politics and power structures]. *Zhenschina i svoboda: puti vybora v mire traditsiy i peremen: materialy*

Mezhdunarodnoy konferentsii (Moskva, 14–16 maya 1993 g.) [Woman and freedom: Ways of choice in the world of traditions and changes: proceedings of the International Conference (Moscow, May 14–16, 1993)]. Moscow: Nauka Publ., pp. 8–16.

Tishkov, V.A. (1993). Women in Russian politics. *Economic and Political Weekly*. Vol. 28, no. 51, pp. 2837–2840.

Tsvetkova, N.A. (2017). [Women in the system of public administration and politics of Russia]. *Razvitie rossiyskoy sistemy gosudarstvennogo upravleniya: realii sovremennosti, tendentsii, perspektivy: materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Kaliningrad, 23–25 oktyabrya 2017 g.)* [Development of the Russian System of Public Administration: Realities of Modernity, Trends, Prospects: Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference (Kaliningrad, October 23–25, 2017)]. Kaliningrad: Aksios Publ., pp. 240–242.

Valentina Tereshkova predlozhila rassmotret' vopros o snyatii ogranicheniy po chislu prezidentskih srokov (2020). [Valentina Tereshkova suggested considering lifting restrictions on the number of presidential terms]. State Duma of the Russian Federation. Mar. 10. Available at: <http://duma.gov.ru/news/47995/> (accessed 20.05.2023).

Zimin, V.A. (2013). [Women of Russia in politics and power structures]. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 10, pp. 297–299.

Об авторах

Юшкина Надежда Александровна
аналитик Научного центра
цифровой социологии «Ядов-центр»

Российский государственный
гуманитарный университет,
125047, Москва, Миусская пл., 6;
e-mail: 4454508@gmail.com
ResearcherID: JGC-9122-2023

Крыштановская Ольга Викторовна
доктор социологических наук, профессор,
директор Научного центра цифровой
социологии «Ядов-центр»

Российский государственный
гуманитарный университет,
125047, Москва, Миусская пл., 6;
e-mail: olgakrysht@ya.ru
ResearcherID: GLQ-7604-2022

About the authors

Nadezhda A. Yushkina
Analyst of the Scientific Center
for Digital Sociology «Yadov Center»

Russian State University for the Humanities,
6, Miusskaya sq., Moscow, 125047, Russia;
e-mail: 4454508@gmail.com
ResearcherID: JGC-9122-2023

Olga V. Kryshstanovskaya
Doctor of Sociology, Professor,
Director of the Scientific Center
for Digital Sociology «Yadov Center»

Russian State University for the Humanities,
6, Miusskaya sq., Moscow, 125047, Russia;
e-mail: olgakrysht@ya.ru
ResearcherID: GLQ-7604-2022

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России**.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Рукопт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать 0 (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на **разделы**:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);
- результаты/обсуждение;
- заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка, названия таблицы и примечания (при наличии) к таблице должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде вневдренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи и примечания (при наличии) к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципами **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. После завершения основного текста статьи автор может добавить раздел Выражение признательности на русском и английском языках, в которых указывается ссылка на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или *фонд поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

- один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];
- два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];
- несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;
- несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];
- две или более работ одного автора: [Берсенева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];
- книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов, рекомендуется составлять как минимум из **15–20 источников**; рекомендуется включать в него ссылки на современные журналы и монографии на иностранных языках.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.07-2021 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники, оформленные по ГОСТ 7.07-2021 *в алфавитном (русско-го языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники**, список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники *в алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «>», «<», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я

a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitoline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi»), «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennnye sposoby aktivizacii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию*. Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в переводе на английский язык (для переводных изданий приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskij analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи в переводе на английский язык в квадратных скобках: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается **только один**, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторе автора в виде активной гиперссылки: ResearcherID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <https://publons.com/account/login/>);
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию:

- предмет, тема, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском языке следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта О.В. Кирилловой (<https://rassep.ru/academy/biblioteka/106584/>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором через платформу <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>, либо, в виде исключения, на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru. Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ.

В связи с формированием Министерством юстиции РФ единого реестра организаций, физических лиц и СМИ, выполняющих функции иностранного агента, убедительно просим авторов проверять текст предоставляемых статей и ссылок в них на предмет включения соответствующих субъектов в объединенный реестр: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-27012023.pdf>

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанного реестра, необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в реестр иностранных агентов Министерством юстиции РФ и дату включения:

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанных реестров необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в Реестр такой-то Министерством юстиции РФ и дату включения.

Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для авторов **бесплатные**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2023 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	10 апреля
в № 2 — до 01 мая	7 июля
в № 3 — до 01 августа	6 октября
в № 4 — до 01 октября	29 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published.

The Editorial Board of the journal accepts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

5.7.1 Ontology and theory of knowledge

5.7.2 History of philosophy

5.7.7 Social and Political philosophy

5.7.8 Philosophical anthropology, philosophy of culture

5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology

5.4.1 Theory, methodology and history of sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7 Sociology of management

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

– introduction;

– principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);

– results / discussion;

– conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

We recommend including from 15 to 20 citations in Reference list as minimum. These citations should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name without numbering. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For **resources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For **resources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please **do not use footnotes**. The author can add a section Acknowledgements after the main text of the article to indicate a **project, scholarship or foundation** supporting his or her research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum); abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (Researcher ID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions need to be made via our online submission system (<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>), or you may send your materials into e-mail address of the Herald (fsf-vestnik@yandex.ru) as exception. The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript is **free**.

Submission deadlines in 2023

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	April 10
No 2 May 1	July 7
No 3 August 1	October 6
No 4 October 1	December 29

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2023
Выпуск 3

Редактор *А.С. Беляева*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 04.10.2023
Дата выхода в свет 06.10.2023
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 17,2
Тираж 500 экз. Заказ № 1214

Адрес учредителя и издателя:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке